

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2018. № 3

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, И. М. Бусыгина, В. Я. Гельман, И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко, И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Акаха Тсунео, д.ф.н., профессор, директор Центра Восточно-азиатских исследований, Институт международных исследований (Монтерей, США)

Бусыгина Ирина Марковна, д.п.н., профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ.

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада).

Малинова Ольга Юрьевна, д.ф.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Морозова Елена Васильевна, д.ф.н., профессор, Кубанский государственный университет.

Мацузато Кимитака, д.ю.н., профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония).

Подвинцев Олег Борисович, д.п.н., профессор, Институт философии и права УрО РАН.

Рахшмир Павел Юхимович, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Росс Камерон, д.ф.н., Университет Данди (Великобритания).

Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания).

Сморгунов Леонид Владимирович, д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Редактор – составитель номера Н.В. Борисова

© Редакционная коллегия, 2018

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пантин В.И., Кардава Н.В.</i> Кибербезопасность: проблемы формирования единой политики в Европейском союзе.....	5
<i>Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И.</i> Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала.....	19
<i>Любимова А.О.</i> Интернационал крайне правых партий и попытки его формирования.....	34
<i>Кабанов Ю.А.</i> Что скрывается за «фасадом»? Исследовательская программа электронного участия в недемократических странах.....	50
<i>Сироткина Е.В., Завадская М.А.</i> Эйфория или похмелье? Атрибуция политической ответственности в условиях экономической рецессии. Результаты опросного эксперимента.....	67
<i>Сулимов К.А.</i> Консультативно-совещательные органы в современной России: субъектность без автономии?.....	88
<i>Цумарова Е.Ю.</i> Татарстан начинает и ...? Языковой вопрос в политике идентичности национальных республик в России.....	103
<i>Панов П.В.</i> Языки меньшинств в школьном образовании в России: масштабы и факторы вариативности.....	120

Памяти Олега Борисовича Подвинцева

<u>Подвинцев О.Б.</u> , <i>Рябова О.А.</i> Тенденции трансформации лоббистских структур в органах местного самоуправления малых российских городов (на примере Пермского края).....	138
<i>Витковская Т.Б., Назукина М.В.</i> Промышленные города Урала: специфика локальной идентичности и политических практик.....	148

Рецензии и обзоры

<i>Данилова Г.А.</i> Язык имеет значение. Рецензия на книгу Э. Лю. «Стандартизируя разнообразие: политическая экономия языковых режимов» (Liu A. Standardizing diversity: the political economy of language regimes. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2015. Университет Пенсильвании. 2015. 265 p.).....	166
<i>Шадже А.Ю., Куква Е.С.</i> Идентичность в междисциплинарных ракурсах. Рецензия на энциклопедическое издание «Идентичность: Личность, общество, политика» (Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Изд-во Весь мир, 2017. 992 с).....	175
<i>Беляева Н.М.</i> Преподавание политологии в российских университетах: обзор учебной литературы.....	183
К сведению авторов	195

Review of Political Science

Review of Political Science is a peer-reviewed academic journal publishing original research in all subfields of political science: Russian politics, comparative politics, political theory, political sociology, world politics and international relations, public policy and decision-making.

The main aim of the journal is to provide a forum for scholars to share and discuss the results of their work.

Review of Political Science is included in the list of the leading academic journals that are recommended by High Certification Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.

Review of Political Science, founded in 2007, is published quarterly by Political Science Department of Perm State University, Russia.

After publishing, full-text versions of the issues are available on the website of the journal as well as on the website of electronic library – elibrary.ru.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Irina M. Busygina – Doctor of Political Sciences, Professor, MGIMO University

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at St. Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroschnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Akaha Tsuneo (Monterey Institute of International Studies, USA), **Busygina Irina** (MGIMO University, Russia), **Bouchard Michel** (University of Northern British Columbia, Canada), **Malinova Olga** (INION of Russian Academy of Science, Russia), **Matsuzato Kimitaka** (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan), **Morozova Elena** (Krasnodar University, Russia), **Podvintsev Oleg** (Perm Center of Russian Academy of Science, Russia), **Rakhshmir Pavel** (Perm State University, Russia), **Ross Cameron** (Dundee University, United Kingdom), **Sakwa Richard** (Kent University, United Kingdom), **Smorgunov Leonid** (Sankt-Petersburg University, Russia), **Fadeeva Lyubov** (Perm State University, Russia)

CONTENT

<i>Pantin V. I., Kardava N. V.</i> Challenges for building the EU common cybersecurity policy	5
<i>Oskolkov P. V., Tevdoy-Burmuli A. I.</i> European right-wing populism and nationalism: revisiting the correlation of features	19
<i>Liubimova A. O.</i> The international of far-right parties and attempts of its political group formation	34
<i>Kabanov Yu. A.</i> What is beyond the façade? Research program of e-participation in non-democracies	50
<i>Sirotkina E. V., Zavadskaya M. A.</i> Euphoria or hangover? Political blame attribution at the times of economic recession. Evidence from a survey experiment ...	67
<i>Sulimov K. A.</i> Consultative and advisory bodies in modern Russia: agency without autonomy?	88
<i>Tsumarova E. Yu.</i> Tatarstan begins and ...? Language question in the identity politics of national republics in Russia	103
<i>Panov P. V.</i> Language of minorities in school education in Russia: the scope and factors of variability	120

Memories O. B. Podvintsev

<i>Podvintsev O. B., Ryabova O. A.</i> The trends of lobbyist structures transformation in the local self-government of small Russian Cities (a case study of Perm Krai) ..	138
<i>Vitkovskaya T. B., Nazukina M. V.</i> Industrial cities of the Urals: specificity of local identity and political practices	148

Reviews

<i>Danilova G. A.</i> Language does matter. Book review: Lui, Amy H. <i>Standardizing diversity: The political economy of language regimes</i> (University of Pennsylvania Press, Philadelphia, Pennsylvania. 2015. 265 p.)	166
<i>Shadzhe A. Yu., Kukva E. S.</i> Identity in a multidisciplinary context	175
<i>Belyaeva N. M.</i> Teaching political science in Russian universities: review of educational literature	183
Information for the authors	201

УДК-327.7

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-5-18

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

*В. И. Пантин, Н. В. Кардава*¹

Цель статьи – анализ наиболее сложных и актуальных проблем обеспечения кибербезопасности в странах ЕС и формирования единой политики в этой сфере. Рассмотрены общие политические и экономические факторы актуализации проблем кибербезопасности на национальном, наднациональном и глобальном уровнях. На примере Германии показано, что политика в сфере обеспечения кибербезопасности в ряде развитых стран ЕС более эффективна, чем политика на наднациональном общеевропейском уровне. Сделан вывод, что отличительной чертой немецкого подхода к обеспечению кибербезопасности является его комплексный и фундаментальный характер; этот подход включает целую систему нормативных актов, планов и институтов. Выявлены основные подходы, тенденции и противоречия, связанные с выработкой на наднациональном уровне ЕС единой стратегии в области кибербезопасности. Проанализированы основные документы и действия Европейской комиссии и других органов ЕС в этой области, включая киберстратегию ЕС (2013 г.), директиву ЕС по кибербезопасности (2016 г.), общий регламент ЕС о защите данных (2018 г.). Вместе с тем показано, что значительная активность руководящих органов ЕС в сфере обеспечения кибербезопасности сталкивается с неспособностью ряда стран выполнить все директивы, распоряжения, регламенты и другие нормативные акты. Определены наиболее серьезные препятствия на пути осуществления общей политики в области обеспечения кибербезопасности в ЕС: различный уровень экономического, технологического и социального развития входящих в него стран, несовпадение интересов различных политических акторов, разные подходы отдельных государств ЕС к регулированию киберпространства, сложности координации политики в сфере кибербезопасности. Сделан вывод, что эти препятствия связаны прежде всего с недостаточной сформированностью едино-

---

¹ Пантин Владимир Игоревич – заведующий отделом сравнительных политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, доктор философских наук. E-mail: v.pantin@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4218-4579. Researcher ID: K-5736-2017).

Кардава Николай Вахтангович – младший научный сотрудник отдела сравнительных политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. E-mail: kardava98@mail.ru.

го политического пространства в ЕС. В то же время вероятно, что проблемы кибербезопасности будут способствовать более ускоренному и эффективному формированию такого пространства на наднациональном уровне. Кроме того, по мнению авторов, некоторые шаги ЕС по обеспечению кибербезопасности при соответствующей их адаптации и корректировке могут быть полезными для России.

Ключевые слова: Европейский союз; Германия; регулирование киберпространства; общая политика; кибербезопасность; киберугрозы; наднациональное политическое пространство.

Актуализация проблем кибербезопасности: политические и экономические аспекты

В настоящее время в связи с бурным развитием информационных технологий и их использованием многочисленными акторами для достижения своих политических, экономических и других целей проблемы обеспечения кибербезопасности выходят на первый план. Это связано с тем, что в глобальном киберпространстве, которое стало важнейшим полем информационной, политической, экономической и культурной конкуренции, сталкиваются интересы различных политических акторов, включая государства и союзы государств, корпорации, финансовые группы, политические партии и движения, неправительственные организации, другие группы интересов. Кроме того, в киберпространстве активно действуют различные криминальные группы (хакеры) и международные террористы, осуществляется экономический и военный шпионаж, делаются попытки вывести из строя целые предприятия и объекты инфраструктуры [2, 125–127; 10, 2]. По своим последствиям экономический, политический и военный ущерб от кибератак может превышать потери от экономических санкций и даже от военных конфликтов. Так, по данным Интерпола в Европе в 2012 г. совокупный ущерб, причиненный киберпреступностью, достиг ошеломляющих размеров в 750 млрд евро¹. По данным специалистов Совета Европы в начале 2000-х гг. ущерб в европейских странах от вирусных атак ежегодно составлял около 12 млрд долл., а от нарушения прав интеллектуальной собственности – порядка 250 млрд долл. [7].

Кибербезопасность – достаточно широкое понятие, которое подразумевает различные средства и подходы к обеспечению безопасности в киберпространстве. Согласно определению Международного союза электросвязи, кибербезопасность представляет собой набор средств, стратегии и принципы

---

¹ Киберпреступления обходятся в миллиарды евро. 21.04.2016. [Kiberprestupleniya obhodyatsya v milliardy evro. [The cost of cybercrimes is milliards euro]. Available at: URL: <https://europulse.ru/news/kiberprestupleniya-obhodyatsya-v-milliardyi-evro> (accessed: 14.06.2018).

обеспечения безопасности, гарантии безопасности, подходы к управлению рисками, действия и практический опыт, страхование и технологии, которые могут быть использованы для защиты киберсреды, ресурсов организации и пользователя. Кибербезопасность включает меры защиты и действия, позволяющие осуществить защиту киберпространства как в гражданской, так и в военной области от таких угроз, которые связаны с его взаимосвязанными сетями и информационной инфраструктурой или могут нанести им урон [2, 133].

Помимо кибератак, связанных с деятельностью хакеров, киберпреступников, вымогателей, международных террористов, все более актуальной становится также проблема защиты личных данных пользователей социальных сетей от скрытого сбора информации. Эта информация, учитывающая индивидуальные предпочтения, вкусы и наклонности индивидуальных пользователей сети, широко используется при распространении контактной рекламы, интернет-продаж, а также, что немаловажно, в политических целях, например, в ходе избирательных кампаний. Одним из характерных примеров массового использования данных пользователей социальных сетей в политических целях является предвыборная кампания Д. Трампа в 2016 г.: использование этих данных сыграло немалую роль в его победе на президентских выборах в США. При этом разделить собственно киберпреступность, деятельность спецслужб и использование данных пользователей компьютерных сетей в политических целях становится все труднее. Так, Агентство национальной безопасности (АНБ) в США активно использует базы личных данных для слежки за многими миллионами людей, шантажа политических деятелей и организации в других странах различного рода внутренних переворотов и «цветных революций». В частности, АНБ установило «жучки» в кабинетах представительства ЕС в Вашингтоне, штаб-квартире ООН в Нью-Йорке и Совета ЕС в Брюсселе. Прослушке с использованием компьютерных устройств также подвергались 38 посольств и миссий различных стран в Нью-Йорке и Вашингтоне. К числу самых громких дипломатических скандалов относятся выявленные прослушки телефонных переговоров президента Бразилии Дилмы Русефф и канцлера Германии Ангелы Меркель, а также перехват защищенной спутниковой связи с Москвой президента РФ Д.А. Медведева из Лондона во время саммита G20 в апреле 2009 г. [2, 127].

Учитывая сказанное, можно констатировать, что проблемы обеспечения кибербезопасности остро стоят как перед рядовыми гражданами, так и перед всеми, даже самыми мощными государствами и союзами государств, политическими и государственными деятелями, корпорациями и финансовыми структурами. В то же время в современном мире согласованные действия разных стран по обеспечению кибербезопасности на наднациональном и тем более на глобальном уровне сталкиваются с многочисленными препятствиями, включая различие интересов государств и других политических акторов, разный уровень технического, экономического, социального развития, использование кибер-

пространства государствами и транснациональными корпорациями в целях экономического и иного шпионажа и др. В этой связи весьма значимым представляется вопрос о том, как развитие наднациональных политических пространств влияет на решение проблем кибербезопасности, равно как и вопрос об обратном влиянии проблем обеспечения кибербезопасности на формирование и развитие наднациональных политических пространств. Поскольку Европейский союз представляет собой весьма важный и характерный пример развития такого наднационального политического пространства, в данной статье рассмотрены основные проблемы, тенденции и противоречия, связанные с формированием единой политики ЕС в области обеспечения кибербезопасности. Некоторые из шагов ЕС по защите европейского киберпространства могут также представлять значительный интерес для России и других стран – членов Евразийского экономического союза.

Национальные и общеевропейская стратегии по кибербезопасности

Принципиально важной научно-теоретической и практически-политической проблемой является вопрос о соотношении национальных и общеевропейской стратегий в области обеспечения кибербезопасности. Острота этой проблемы во многом определяется тем, что страны ЕС сильно различаются по уровню социально-экономического и технологического развития; в связи с этим в целом ряде стран ЕС национальная стратегия по кибербезопасности либо разработана в недостаточной степени, либо существует главным образом на бумаге или на электронном носителе. При этом, несмотря на требования Европейской комиссии ко всем государствам ЕС как можно быстрее разработать национальные стратегии обеспечения кибербезопасности, многие страны разработали подобную стратегию во многом формально, без создания соответствующих инструментов ее реализации. Помимо прочего, это связано с тем, что выработка и использование таких инструментов требует затраты немалых финансовых средств, которую в существующих условиях долгового кризиса не могут себе позволить наиболее бедные страны Евросоюза, такие как Болгария, Румыния, Греция, Португалия и ряд других государств. Кроме того, налицо существенные различия между странами ЕС в использовании Интернета и в уровне развития цифровой экономики.

Одним из возможных способов сравнения разных стран по уровню обеспечения кибербезопасности может служить так называемый глобальный рейтинг кибербезопасности, который учитывает показатели данной страны в следующих пяти сферах: 1) правовые нормы в области кибербезопасности и их выполнение; 2) технические меры и наличие соответствующих инструментов для их реализации; 3) организационные меры в сфере кибербезопасности; 4) развитие потенциала кибербезопасности и 5) участие в международном сотрудничестве по ее обеспечению [1, 30]. Согласно глобальному рейтингу кибербе-

зопасности 2015 г., наиболее продвинутыми в области разработки и применения национальных стратегий кибербезопасности среди стран – членов ЕС являются Норвегия, Эстония, ФРГ, Австрия, Венгрия, Нидерланды [1, 14]. Отдельно стоит Великобритания с ее относительно благополучной ситуацией в области кибербезопасности; вместе с тем, по итогам Brexit Великобритания находится в процессе выхода из ЕС, хотя формально пока что остается его членом. В то же время в десятку наиболее передовых стран мира в области обеспечения кибербезопасности среди европейских стран по глобальному рейтингу 2015 г. входили лишь Норвегия (6-е место), Эстония (9-место) и ФРГ (10-е место). Наименее благополучными в плане кибербезопасности среди стран, входящих в ЕС, являются Румыния, Болгария, Бельгия, Португалия, Греция [1, 15]. Несмотря на то, что обеспечение кибербезопасности среди стран ЕС в целом коррелирует с уровнем их экономического развития, встречаются также и исключения: некоторые экономически развитые и богатые страны, например, Бельгия, Люксембург, Лихтенштейн, Ирландия, Исландия, в области киберзащиты находятся в одном ряду с такими странами, как Румыния, Болгария, Албания, Македония.

Особый интерес для России представляет опыт и практики обеспечения кибербезопасности в таких крупных и передовых в этой области странах, как ФРГ. При этом следует иметь в виду, что экономика Германии находится в эпицентре различного рода кибератак и промышленного шпионажа и заметно страдает от них, поэтому вопрос кибербезопасности для нее является одним из ключевых. Так, ущерб немецкого бизнеса от различного рода электронных преступлений (кража данных, шпионаж и саботаж) составлял по некоторым оценкам 51 млрд евро в 2015 г. и 55 млрд евро в 2016 г. Соответственно в Германии разработана и постоянно совершенствуется система киберзащиты, призванная противостоять кибератакам и другим угрозам информационной инфраструктуры.

Следует отметить, что отличительной чертой немецкого подхода к обеспечению кибербезопасности является его комплексный и фундаментальный характер, он включает целую систему нормативных актов, планов и институтов, призванных реализовывать эти планы. Еще в 2005 г. в ФРГ был разработан и принят «Национальный план защиты информационной инфраструктуры», а в 2007 г. – «План реализации защиты критических элементов инфраструктуры». Эти документы, разработанные при участии правительства, бизнеса и других структур, определяют общую стратегию реагирования на кризисы в сфере информационных технологий и содержат рекомендации бизнес-сообществу по действиям в случае крупных кибератак. Согласно этим документам, операторы разрабатывают и должны применять соответствующие процедуры раннего оповещения, причем в документах четко определены структуры и лица, которые информируются, в первую очередь, после обнаружения и фиксации той или иной кризисной ситуации. Кроме того, в «Плане реализации защиты критиче-

ских элементов инфраструктуры» содержатся указания по созданию рабочих групп по различным аспектам кибербезопасности, включая кризисное управление, проведение антикризисных учений, обеспечение постоянной доступности критически важных сервисов.

Созданное в 1991 г. Федеральное управление по информационной безопасности Германии (BSI), которое представляет собой составную часть МВД, является главным органом, ответственным за национальную кибербезопасность ФРГ. Этот орган формирует политику и план действий в области информационной безопасности с целью предотвращения, определения и реагирования на инциденты и кризисы в этой сфере. BSI, в частности, выпускает предупреждения и оповещения о вирусах и других вредоносных программах в ИТ-продуктах и услугах, дает рекомендации по противодействию вредоносным программам и действиям, а также организует информационный обмен с более чем 50 000 негосударственных организаций, включая малый и средний бизнес.

В 2011 г. в ФРГ была принята новая Федеральная стратегия кибербезопасности, которая призвана обеспечить многосторонний межведомственный подход к обеспечению безопасности в киберпространстве на национальном уровне [3]. Стратегия ориентирована прежде всего на защиту критически важных информационных структур и на выявление дополнительных возможностей в сфере обеспечения бескризисного функционирования информационной инфраструктуры Германии. Среди наиболее важных направлений Федеральной стратегии можно выделить следующие:

- безопасность информационных технологий в Германии осуществляется на основании совместной деятельности гражданского общества и государства, при этом комплекс инструментов защиты от киберугроз постоянно расширяется;

- с помощью Национального центра кибербезопасности (Nationales Cyber-Abwehrzentrum, NCAZ) происходит оптимизация оперативного сотрудничества между всеми органами государственной власти и обеспечивается защита от кибератак критически значимых объектов национальной ИТ-инфраструктуры и экономики;

- координация превентивных мер и междисциплинарных подходов в области кибербезопасности в государственном и частном секторах возложена на Национальный совет кибербезопасности, который выступает дополнительным связующим звеном ИТ-управления на федеральном уровне с участием различных министерств и других федеральных органов;

- эффективный контроль за преступностью в киберпространстве включает в себя целый комплекс институтов с участием предпринимателей и компетентных правоохранительных органов для разработки соответствующих рекомендаций [3, 28–29].

Наконец, в апреле 2017 г. вооруженные силы ФРГ создали киберкомандование (Cyber and Information Space Command, CIS), задачей которого является

отражение хакерских и шпионских атак. Согласно разработанному Бундесвером плану, к 2021 г. численность CIS будет составлять 14,5 тыс. сотрудников, из которых 1,5 тыс. человек будут гражданскими лицами. Таким образом, в ФРГ налажено достаточно тесное взаимодействие гражданских и военных структур в области киберзащиты и отражения хакерских и шпионских атак в киберпространстве.

Следует еще раз подчеркнуть, что система мер и институтов в ФРГ постоянно развивается в соответствии с усилением старых или возникновением новых киберугроз. Так, в 2017 г. правительство ФРГ рассматривало вопрос о возможном внесении изменений в Конституцию страны с целью нанесения ответных ударов по хакерам, атакующим частные компьютерные сети. При этом под мерами противодействия хакерам понимается, в частности, отключение серверов, используемых при осуществлении кибератак. Помимо прочего, это указывает на решимость ФРГ любыми средствами защитить свою информационную инфраструктуру от многочисленных киберугроз, не останавливаясь даже перед изменением основного закона страны – Конституции.

Основные меры по выработке единой политики ЕС в сфере кибербезопасности

Различные шаги и попытки выработать единую политику в сфере кибербезопасности в Европе и, в частности, в ЕС предпринимаются с давних пор, на протяжении почти двух десятилетий. Еще в 2001 г. в Будапеште была принята Конвенция Совета Европы о киберпреступности, призванная регулировать правовые отношения в глобальной компьютерной сети для предотвращения преступлений в этой сфере и контроля над преступностью, связанной с применением компьютеров. В 2003 г. был принят дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности. Несмотря на то, что в Конвенции значительное место уделено вопросам координации действий разных стран на межгосударственном уровне против несанкционированного вмешательства в работу компьютерных систем, она не стала эффективным инструментом обеспечения кибербезопасности в Европе. В значительной мере это связано с тем, что в Конвенции не были прописаны конкретные механизмы, инструменты и способы реализации правовых норм на наднациональном уровне и контроля за их исполнением.

В связи с этим в 2004 г. в рамках ЕС было создано Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности (European Network and Information Security Agency, ENISA), призванное координировать и направлять деятельность различных стран по противодействию киберугрозам. Однако на первых порах деятельность этого агентства была весьма ограниченной: так, в 2010 и в 2012 гг. агентство проводило киберучения с целью определить готовность государственных и частных организаций ЕС к отражению кибератак. В учениях 2012 г. принимали участие более 300 специалистов по компьютерной безопас-

ности различных банков, интернет-провайдеров и государственных учреждений из 25 стран ЕС [2, 154]. В 2013 г. был образован и начал свою работу Европейский центр по борьбе с киберпреступностью (European Cybercrime Centre, ЕСС), призванный оказывать информационную, оперативную и экспертную поддержку расследованиям по киберпреступлениям на региональном и международном уровнях. Перед центром были поставлены задачи определить тенденции в сфере киберпреступности, способствовать обмену информацией о ней между странами ЕС, анализировать принятые на национальном уровне превентивные меры и оперативные действия, проводить спецподготовку полицейских, судебных и прокурорских кадров в сфере борьбы с киберпреступностью [5].

В 2013 г. была представлена киберстратегия ЕС под названием «Открытое, безопасное и надежное киберпространство»¹. Целью стратегии ЕС является повышение устойчивости и наращивание потенциала в области кибербезопасности государств – членов ЕС, включая усиление борьбы с киберпреступностью, формирование эффективной инфраструктуры обеспечения информационной безопасности, разработку принципов координации международной политики в области кибербезопасности. Следует отметить, что реализация последнего пункта, а именно координации и согласования политики государств, входящих в ЕС, на общеевропейском и международном уровне является самым сложным для выполнения.

Среди других значимых мер, направленных на формирование единой политики ЕС по противодействию киберугрозам, следует отметить «Директиву ЕС по кибербезопасности», принятую и опубликованную в 2016 г. [9]. Согласно этой директиве, государства-члены ЕС совместно с Европейской Комиссией и Европейским агентством по сетевой и информационной безопасности (ENISA) должны создать группу взаимодействия. Основными функциями этой группы являются рассылка данных и обмен информацией между ее участниками, а также борьба с угрозами и инцидентами в области кибербезопасности. Кроме того, в директиве содержится требование создать сеть национальных групп с целью организации быстрого и эффективного операционного взаимодействия при помощи обмена информацией и поддержки стран – членов ЕС для разрешения трансграничных инцидентов в киберпространстве. Эта директива, разработанная Европейской комиссией и одобренная с некоторыми поправками Европейским парламентом, вступила в силу в августе 2016 г. С этого момента начался процесс перенесения основных положений директивы в национальное законодательство стран – членов ЕС и определения операторов, которые будут на практике обеспечивать кибербезопасность в Европе. Важно обратить внимание

---

¹ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace. Brussels, 2013. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/policies/eu-cyber-security/cybsec_comm_en.pdf (accessed: 14.06.2018).

на то, что принятие и особенно реализация директивы на практике сразу же, еще на стадии обсуждения в Европейском парламенте столкнулись со значительными проблемами и противоречиями. Большинство этих проблем и противоречий связаны с тем, каким именно образом государства, являющиеся членами ЕС, будут организовывать сотрудничество для осуществления согласованного ответа на кибератаки и другие инциденты в киберпространстве. Уже здесь, на этой первоначальной стадии формирования инструментов обеспечения кибербезопасности в рамках ЕС, отчетливо проявилась несформированность единого политического пространства, которое позволили бы проводить единую и согласованную политику в области внутренней и внешней безопасности, в данном случае кибербезопасности.

Недостатки и трудности реализации «Директивы ЕС по кибербезопасности» проявились, в частности, в том, что уже вскоре после принятия директивы Европейская комиссия предприняла более решительные шаги, не дожидаясь согласования интересов стран ЕС и организации между ними сотрудничества в киберпространстве. В сентябре 2017 г. председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер предложил преобразовать агентство по сетевой и информационной безопасности (ENISA) в Европейское агентство киберзащиты, одновременно увеличив его финансирование и расширив его штаты. По замыслу Европейской комиссии это агентство должно защищать страны ЕС и европейские компании от информационных угроз, причем его действия должны включать «активную оборону», подразумевающую ответные кибератаки в случае покушения на сетевую безопасность ЕС. Предложение было сделано во время пленарной сессии Европарламента в Страсбурге. В ходе выступления глава Еврокомиссии заявил о недостаточной защищенности государств-членов ЕС от киберугроз. По словам Юнкера, кибератаки могут представлять для демократии и стабильности большую угрозу, чем ружья и танки, поскольку в сети не существует понятия государственных границ. В этом же выступлении Юнкер констатировал что, только за 2016 г. в странах ЕС было зафиксировано более 4 тыс. кибератак, причем примерно 80% европейских компаний сталкивались с различного рода киберугрозами¹.

Еще одной мерой, призванной усилить кибербезопасность в ЕС, является предложенное Европейской комиссией в 2017 г. введение сертификатов для выпускаемой в странах ЕС цифровой продукции и цифровых услуг. С точки зрения Еврокомиссии, сертификация может играть решающую роль в усилении безопасности и развитии единого европейского рынка цифровых продуктов и услуг, поскольку сертификаты будут действительными на всей территории ЕС. Разработчики сертификации исходили из того, что эти документы смогут га-

---

¹ Еврокомиссия предложила создать агентство по киберзащите. 13.09.2017. [Evrokomissiya predlozhila sozdat' agentstvo po kiberzashchite. [The European Commission proposed the establishment of Cybersecurity Agency]. Available at: URL: <https://www.securitylab.ru/news/488472.php> (accessed: 14.06.2018).

рантировать соответствие продуктов и услуг требованиям кибербезопасности. В то же время следует заметить, что само по себе введение сертификации не обеспечивает кибербезопасность и не страхует от многочисленных кибератак как извне, так и изнутри ЕС. О том, что проблема кибербезопасности по-прежнему, несмотря на все предпринятые меры, остается весьма актуальной для стран ЕС, свидетельствуют, в частности, результаты заседания Совета Ев-ропы на Мальте в 2017 г. [8].

Важным шагом на пути защиты данных пользователей компьютерных сетей стал общий регламент ЕС о защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR), разработанный и одобренный Европейским парламентом еще в 2016 г. и вступивший в силу в конце мая 2018 г. Этот регламент, призванный регулировать распространение и использование личных данных граждан стран ЕС, устанавливает нормы, в соответствии с которыми пользователи из стран ЕС имеют право знать, как именно используются их персональные данные, которые они предоставляют о себе в компьютерных сетях¹. Существенно, что новые правила являются экстерриториальными и распространяются на операторов, обрабатывающих персональные данные европейцев не только в странах ЕС, но и за его пределами. В случае использования данных с нарушением принятого в ЕС регламента предусмотрен штраф вплоть до 20 млн евро.

Следует отметить, что принятие этого регламента в ЕС уже вызвало значительно недовольство со стороны США, так как американские корпорации широко используют личные данные европейцев для проведения рекламных и других кампаний, а американские спецслужбы столь же широко пользуются данными европейцев для своих целей. После принятия регламента это будет делать несколько труднее, и тем не менее можно не сомневаться, что американские спецслужбы и корпорации найдут новые технические средства сбора личных данных пользователей сетей в странах ЕС. Поэтому говорить о высокой эффективности принимаемых в ЕС мер по защите личных данных и в целом по обеспечению кибербезопасности пока что, по меньшей мере, преждевременно. В то же время следует констатировать, что некоторые из перечисленных шагов ЕС в сфере кибербезопасности при соответствующей адаптации и корректировке могут быть полезными как для России, так и для других стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в том числе для координации действий стран – членов ЕАЭС по противодействию киберугрозам. К числу таких шагов, как представляется, относятся, например, создание централизованного агентства киберзащиты, способного отвечать на кибератаки, сертификация выпускаемой в России и других странах ЕАЭС цифровых продуктов и услуг, меры по защите

---

¹ В Евросоюзе вступил в силу новый закон о защите персональных данных // Интерфакс. 25.05.2018. [V Evrosojuze vstupil v silu novyj zakon o zashhite personal'nyh dannyh // Interfaks. 25.05.2018. [General Data Protection Regulation came into effect in the EU // Interfax. 25.05.2018]. Available at: URL: <http://www.interfax.ru/world/614304> (accessed: 14.06.2018).

персональных данных пользователей компьютерных сетей, предусматривающие значительные штрафы за незаконное использование этих данных.

Некоторые выводы

Подводя итоги, можно сделать вывод, что несмотря на значительные усилия Европейской Комиссии и других органов ЕС, ситуация в области проведения единой политики в сфере киберзащиты остается сложной и противоречивой. Налицо заметное расхождение между отлаженной системой мер по обеспечению кибербезопасности на уровне отдельных стран (Норвегии, Германии, Австрии и др.) и недостаточной сформированностью соответствующей системы на наднациональном уровне ЕС. Руководящие органы ЕС лишь в последние годы всерьез озаботились выработкой и реализацией единой политики стран ЕС в области киберзащиты. Пока что сделанные шаги, направленные на проведение такой политики, явно недостаточны, особенно в плане их эффективной реализации всеми странами ЕС.

Основная проблема эффективного обеспечения кибербезопасности состоит в том, что оно требует создания в ЕС единого европейского политического пространства. Однако на этом пути существует множество подводных камней и препятствий, которые, в первую очередь, связаны с разными подходами отдельных государств к регулированию киберпространства, а также со сложностями в осуществлении ими сотрудничества и координации действий по обеспечению кибербезопасности. В этом плане уместно сравнение с отсутствием единой европейской политики в отношении инокультурной миграции, а также с проблемой формирования общеевропейского пространства безопасности. Несмотря на провозглашаемое проведение единой политики ЕС в области миграции и ее регулирования, разные страны ЕС проводят совершенно разную миграционную политику. Так, страны Вышнеградской группы (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия) отказываются принимать иммигрантов из стран Ближнего Востока и Африки, выстраивая барьеры на пути миграции из других стран ЕС. В то же время Германия, Франция, Бельгия, Италия, Швеция принимают массы иммигрантов, что заметно сказывается на их внутренней социальной и политической ситуации, на обеспечении внутренней безопасности этих государств и других стран ЕС [4; 6].

В известном смысле сходная ситуация существует для ЕС и в сфере кибербезопасности. Значительная активность в этой сфере руководящих органов ЕС сталкивается с неспособностью ряда стран выполнить все директивы, распоряжения, регламенты и другие нормативные акты. Кроме того, следует учитывать, что параллельно с реакцией ЕС на прежние киберугрозы непрерывно появляются все новые угрозы кибербезопасности, на которые государства и наднациональные структуры ЕС не всегда успевают вовремя отреагировать. Во многом это происходит из-за сложных процедур согласования на национальном

и наднациональном уровнях, требующих значительного времени, а также из-за несформированности в ЕС единого политического пространства. Тем не менее, несмотря на все эти проблемы, вызовы и трудности, система обеспечения кибербезопасности в странах ЕС довольно быстро развивается и совершенствуется, чему способствует столь же быстрое накопление опыта регулирования и координации действий стран – членов ЕС в сфере кибербезопасности. Более того, можно предположить, что именно необходимость адекватного ответа на все новые вызовы и угрозы кибербезопасности в итоге станет одним из действенных стимулов для формирования единого политического пространства ЕС.

Библиографический список

1. Глобальный индекс кибербезопасности и профили по киберблагополучию: отчет. Женева, ABI Research, 2015. 516 с. Global'nyj indeks kiberbezopasnosti i profili po kiberblagopoluchiyu. Otchet. [Global Cybersecurity Index and Cyberwellness Profiles. Report]. Geneva, ABI Research, 2015. 516 p.].
2. *Господарик Ю.П., Пашковская М.В.* Международная экономическая безопасность. М., 2016. 416 с. [Gospodarik Ju.P., Pashkovskaya M.V. Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya bezopasnost'. [International Economic Security]. Moscow, Synergy University Publ., 2016. 416 p.].
3. *Елин В.М.* Сравнительный анализ правового обеспечения информационной безопасности в России и за рубежом: монография. М., 2016. 168 с. [Elin V.M. Sravnitel'nyj analiz pravovogo obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v Rossii i za rubezhom. Monografiya. [Comparative Analysis of the Legal Support for Information Security in Russia and in Foreign Countries. Monograph]. Moscow, 2016. 168 p.]
4. ЕС перед вызовами миграционного кризиса. Позиции европейских стран: аналитический доклад / под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М., ИМЭМО РАН, 2016. 52 с. [ES pered vyzovami migracionnogo krizisa. Pozicii evropejskikh stran. [The EU faced with the migration crisis. Positions of European countries. Analytical Report. Ed. by N.K. Arbatova, A.M. Kokeev]. Moscow, ИМЭМО Publ., 2016. 52 p.]
5. *Нижегородцев Д.* Европейский центр борьбы с киберпреступностью подвел итоги первого года работы // Деловая газета «Взгляд». 2014. 11 февр. [Nizhegorodcev D. Evropejskij centr bor'by s kiberprestupnost'yu podvel itogi pervogo goda raboty // Delovaya gazeta «Vzglyad». 11.02.2014. [European cybercrime centre sums up its first year work // Online newspaper “Vzglyad”. 11.02.2014]. Available at: <https://vz.ru/news/2014/2/11/671970.html> (accessed 14.06.2018).
6. *Потемкина О.Ю.* Вышнеградская группа и «гибкая солидарность» // Современная Европа. 2016. № 6. С. 43–52. [Potemkina O.Yu. Vishegradskaya gruppa i «gibkaya solidarnost'» // Sovremennaya Evropa. [Visegrad group and “flexible solidarity” // Contemporary Europe. 2016. No. 6. P. 43–52].

7. *Сейник В.* Борьба с киберпреступностью – одна из составляющих международной безопасности / Центр исследования компьютерной преступности. 19.04.2008. [Sejnik V. Bor'ba s kiberprestupnost'yu – odna iz sostavlyayushchikh mezhdunarodnoj bezopasnosti / Centr issledovaniya komp'yuternoj prestupnosti. [Struggle Against Cybercrime as Part of International Security / Computer Crime Research Center. 19.04.2018]. Available at: <http://www.crimeresearch.ru/articles/Seynik/> (accessed 14.06.2018).
8. *Соловьев А.И., Куприяновский В.П., Соловьев С.А.* Единый цифровой рынок Европейского Союза: текущее состояние и направления развития // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 5. No. 10. P. 47–54. [Solov'ev A.I., Kupriyanovskij V.P., Solov'ev S.A. Edinyj cifrovoj rynek Evropejskogo Soyuz: tekushchee sostoyanie i napravleniya razvitiya. [Single Digital Market in the European Union: Current State and Development Trends // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 5. No. 10. P. 47– 54].
9. *Haeni R.* 2016. Cybersecurity: New EU Directive Published. 20.07.2016. Available at: <https://news.pwc.ch/28616/cybersecurity-new-eu-directive-published/> (accessed 14.06.2018).
10. *Schreier F., Weekes B., Winkler T.H.* Cybersecurity: The Road Ahead. Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF). DCAF Horizon 2015 Working Paper No. 4. Available at: <https://dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/Cyber2.pdf> (accessed 14.06.2018).

CHALLENGES FOR BUILDING THE EU COMMON CYBERSECURITY POLICY

V. I. Pantin

Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department for Comparative Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS

N. V. Kardava

Junior Research Fellow, Department for Comparative Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS

The article analyzes the most complex and topical problems of ensuring cybersecurity in the EU countries and of forming a common policy in this field. The authors consider the general political and economic factors that make the cybersecurity problems challenging at the national, supranational and global levels. The German case shows that in several developed EU member countries, national cybersecurity policy proves to be more efficient than a supranational one. The authors conclude that the German approach to ensuring cybersecurity is characterized by its complex and fundamental nature. It comprises a whole system of normative acts, plans and institutions. The article outlines the key approaches, trends and contradictions related to developing a common EU cybersecurity strategy. The authors analyze the main documents and actions of the European Commission and other EU bodies in this field, including the Cybersecurity Strategy of the European Union (2013), the EU Directive on the Security of Networks and Information Systems (2016), and the General Data Protection Regulation (2018). At the same time, the authors show that the EU governing bodies' activity in the field of cybersecurity is faced with the inability of several member countries to comply with all the directives, orders, regulations and other normative acts. The authors define the major impediments to the implementation of the common EU cybersecurity policy: different levels of economic, technological and social development of its member countries; the mismatch between the interests of different political actors; different approaches of individual EU states to regulating cyberspace; the complexity of cybersecurity policy coordination between the EU member countries. The authors conclude that the obstacles primarily flow from the underdevelopment of the EU common political space. At the same time, cybersecurity problems are likely to contribute to a more accelerated and effective formation of such a space at the supranational level. Furthermore, the authors consider that some of the steps taken by the EU to ensure cybersecurity, properly adapted and adjusted, could be useful for the Russian Federation.

Keywords: European Union; Germany; regulation of the cyberspace; common policy; cybersecurity; cyber threats; supranational political space.

УДК-32:329.17

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-19-33

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ФУНКЦИОНАЛА

П. В. Осколков, А. И. Тэвдой-Бурмули¹

Объектом исследования избран правый популизм в современной Европе. В качестве предмета выступает национализм как структурная характеристика дискурса европейских правопопулистских партий. Авторы рассматривают национализм и правый популизм сквозь призму основных существующих теорий, обосновывают их органическую взаимосвязь, формулируют рабочие определения основных концептов, выделяют три главных группы Чужих правопопулистского дискурса и прослеживают элементы националистической риторики популистских партий в различных субрегионах Европы. Популизм *per se* определяется как стратегия политической борьбы, подразумевающая антиэлитизм, антиплюрализм и самоотождествление с народной волей; однако понимаемый таким образом популизм не самодостаточен в качестве идеологической базы политических объединений, ему необходим некий дополнительный идеологический элемент. Формируемое на базе конструктивистской парадигмы этничности определение национализма как активной лояльности индивида к культурной общности, с которой его в данный момент времени связывают самые прочные идентитарные узы, позволяет увязать националистический феномен с достаточно широким кругом популистских проявлений – от умеренных до радикальных. Использование же дихотомии «эксклюзивного» и «инклюзивного» национализмов вполне доказало свою релевантность для целей выделения конкретно правого популизма. Таким образом, именно национализм отличает правый популизм как некий стратегический и идеологический комплекс от популизма вообще как политической стратегии. В качестве эмпирического материала использованы данные о риторике правопопулистских партий Западной и Восточной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран, евреев

---

¹ Осколков Петр Викторович – младший научный сотрудник отдела исследований европейской интеграции, Института Европы РАН; преподаватель кафедры региональных проблем мировой политики, МГУ им. М.В. Ломоносова; аспирант кафедры интеграционных процессов, МГИМО МИД России. E-mail: petroskolkov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-4501-9042. ResearcherID: F-6228-2017).

Тэвдой-Бурмули Александр Изяславович – кандидат политических наук, доцент кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России. E-mail: tevdoy@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2312-4482. ResearcherID: L-6456-2018).

и цыган. Авторы отмечают цивилиционистский характер западно-европейского национализма, анализируют изменения националистической риторики в контексте стремления популистских партий стать частью политического истеблишмента, а также особенности голосования правых популистов по антинационалистическим резолюциям в Европейском парламенте. В итоге авторы приходят к выводу, что националистический маркер позволяет выделить правый популизм среди других разновидностей популизма, а также способствует типологизации и выявлению специфики конкретно-национальных случаев правого популизма.

Ключевые слова: национализм; правый популизм; Чужой; этничность; идентичность.

Вопрос о том, что такое популизм, остаётся спорным, и утверждение о неясности природы данного явления стало общим местом в научных публикациях, ему посвящённых: его рассматривают как идеологию, дискурс, стиль и стратегию [26, 24]. Наиболее известно определение популизма, данное К. Мюдде: «Идеология, которая рассматривает общество однозначно разделённым на две гомогенные и антагонистические группы, “истинный народ” против “коррупцированной элиты”, и которая утверждает, что политика должна быть выражением народной общей воли, *volonté générale*» [15, 543]. Однако мы всё же предпочитаем понимать популизм не как самостоятельную идеологию, а как некий *modus operandi*, стратегию политической борьбы, основанную на противопоставлении элиты остальному населению и обладающую рядом других специфических черт: идеология, на наш взгляд, даже и, в терминологии К. Мюдде, «с разреженным центром» (*thin-centered ideology*), подразумевает наличие более развитой концептуальной основы и конкретной позитивной программы.

Популизм привносит в политику оценочный, субъективный, «моралистский» элемент, играя на эмоциональном восприятии аудитории, а также сводя демократию к её изначальному «полисному» ядру – народному суверенитету [13, 337], конструируя разделение общества на молчаливое большинство и эгоистические элиты [9, 5]. А.С. Романюк добавляет к этим признакам также универсальность программы (не направленной на какую-либо конкретную социальную группу), лидерский тип партии (наряду со слабостью внутрипартийной демократии), гиперболизированную социальную направленность предвыборных обещаний [6, 246]. Я. Ягерс и С. Валgrave утверждают, что «популизм всегда обращается к народу и оправдывает свои действия самоидентификацией с народом; он основывается на антиэлитарных настроениях и рассматривает народ как монолитную группу без внутренних различий, кроме некоторых особых категорий, подлежащих исключению» [13, 322].

На основании вышеизложенных теорий представляется возможным дать следующее определение популизма, из которого мы исходим в данном исследовании: *стратегия политической борьбы, подразумевающая антиэлитизм, антиплюрализм (проявляющийся в представлении о народе как о гомогенной группе и стремлении исключить «нарушителей» гомогенности) и самоотождествление с народной волей.*

Будучи лишь политической стратегией, популизм способен комбинироваться с любыми идеологическими конструктами. П.-А. Тагиефф назвал это «положением Золушки»: популизм изображается этим философом как хрустальная туфелька, которую общество примеряет к той или иной партии/идеологии [20, 101]. В сочетании с национализмом популизм, действующий в партийном поле, как правило, получает прилагательное «правый»: К. Мюдде помещает национализм (в его терминологии суженный до нативизма) среди трёх составляющих «ядра» правого популизма (наряду с популистской стратегией и авторитаризмом) [16, 1173–1175], а Й. Рюдгрэн утверждает, что в деятельности правопопулистских партий националистический аспект важнее популистского [19, 495]. Как отмечает Б. де Клейн, и национализм, и популизм основывают свою риторику на понятии суверенитета народа [12, 312]. К. Пристер считает, что правый популизм делает акцент на исключении определённых групп населения (социально не защищённых, иммигрантов, беженцев, этнических меньшинств) из «гомогенного народа» и закреплении права на политическое и социальное участие лишь для автохтонного населения [18, 3].

Таким образом, определение *правого популизма*, которым мы пользуемся в рамках данного исследования, может выглядеть следующим образом: *комбинация национализма со стратегией политической борьбы, подразумевающей антиэлитизм, антиплюрализм (проявляющийся в представлении о народе как о гомогенной группе и стремлении исключить «нарушителей» гомогенности) и самоотождествление с народной волей.* Учитывая интерес, который проблематика популизма привлекает в последние годы, вполне естественно, что корпус существующих определений популизма вообще и популизма правого и левого – огромен. Однако с нашей точки зрения несомненно, что *главное отличие правого популизма от популизма вообще – наличие в его идеологической базе национализма.*

Постулируя тезис о национализме как одном из неперемennых и отличительных элементов правого популизма, следует уточнить нашу интерпретацию этого понятия – ибо слишком часто его трактовки носят, если не взаимоисключающий, то, по крайней мере, не способствующий пониманию эмпирики характер.

Очевидно, что национализм представляет собой некую форму лояльности. И традиционно – с момента попадания данной проблематики в поле зрения

исследователей и до последних десятилетий – объектом лояльности национализма полагалась нация, понимаемая, в полном соответствии с современным дискурсом, как культурно гомогенное территориально-политическое сообщество. Можно согласиться с точкой зрения Э. Смита, охарактеризовавшего концепт современной нации как «веру в возможность существования политической нации с гомогенной национальной идентичностью» [8, 23]. Л. Снайдер, солидаризуясь с Х. Коном, еще в 1960-е гг. интерпретирует национализм как «идеологию, рассматривающую Nation-State в качестве наивысшего объекта лояльности индивидуума» [22, 2], а современный отечественный исследователь В. Малахов определяет национализм как «политическую идеологию, в которой "нация", понимаемая в качестве культурно гомогенного сообщества, выступает источником суверенитета, преимущественным объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти» [3, 39]. Вспомним также определение национализма у К. Мюдде («политическая доктрина, провозглашающая конгруэнтность политической единицы, государства, и единицы культурной, нации») [17] или точку зрения Д. Конверси [11, 75].

Недостаток этого в целом продуктивного подхода – в чересчур узком толковании проблемы политических целей национализма. Образование национального государства – при всем расплывчатом характере этого термина – не исчерпывает националистическую повестку дня, что убедительно доказывается всей новейшей историей.

Да и само понятие современной нации, “Nation-State”, применительно к феноменологии национализма выглядит весьма неконкретно. Даже социумы, традиционно причисляемые к этой категории, по-разному определяют критерии принадлежности к соответствующей национальной общности. Достаточно указать на случаи Франции, Германии, США, чтобы понять, что лояльность французскому, немецкому, американскому национальным проектам – а следовательно, и мотивация национализма в каждом из этих случаев – зиждется на принципиально разных основаниях. Если же взглянуть еще ближе – на современный российский опыт национального строительства – то тут мы можем видеть одновременно, как минимум, три конкурирующих версии национального проекта: 1) конституционно закрепленный проект российской мультиэтнической гражданской нации, 2) внезапно актуализировавшийся в последнее десятилетие проект квазиимперской цивилизационной нации (т.н. «русский мир») и 3) бытующий в качестве маргинального с 1990-х гг. проект «Россия для русских», основывающийся на социобиологическом понимании нации. Адепт «русского мира» (например, воюющий на Донбассе чеченец или бурят) не будет восприниматься в качестве со-члена русской нации адептами проекта №3 – между тем лояльность обоих принадлежит русской нации в том или ином ее понимании.

В итоге с последней трети XX в. концепт нации как ядра националистической лояльности начинает деконструироваться – и вслед за ним деконструируется и классическая интерпретация национализма, поскольку к этому времени стало очевидно, что отнюдь не все эксцессы, традиционно понимаемые как националистические, мотивируются лояльностью к нации в ее классическом понимании. Националистическая активность может быть направлена и внутрь Nation-State, против индивидуумов и групп, не обособленных территориально-политически. Как, например, следует интерпретировать с точки зрения классического модерного подхода к пониманию нации совместные «интернациональные» акции европейских правых экстремистов - немцев, поляков, французов, фламандцев – против иммигрантов-неевропейцев? В интересах какой нации гражданин Франции арабского происхождения совершает теракт против граждан Франции еврейского происхождения?

Важным элементом модернизации теоретического базиса данной проблематики стал ввод в научный оборот понятия самоидентификации индивидуума - что позволило дифференцировать социокультурный и политический компоненты национализма и расширить таким образом поле для анализа его внутренней динамики. С последней трети XX в. в аналитическом фокусе находится социокультурная общность определенного уровня (этничность), формируемая на основе осознаваемой общности происхождения и исторической судьбы. И хотя примордиалисты, инструменталисты и конструктивисты расходятся в понимании природы и степени устойчивости этничности, наиболее важным в данном случае представляется то, в чем представители этих базовых подходов сходятся: этничность – самоидентификационный феномен, субъективно переживаемый индивидом.

Национализм же определяется в этом случае, прежде всего, как идея обретения общностью, к которой относит себя индивид, адекватного политического статуса. Воплощение такого подхода – определение национализма Э. Геллнером: «Национализм – теория политической законности, которая со-стоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политически-ми» [2, 24].

Постулирование этничности как субъективного ощущения принадлежности к группе, объединенной социокультурной общностью и общностью исторической судьбы, позволяет оторвать национализм от проблематики Nation-State и предположить возможность наличия националистической мотивации на всех уровнях, где может возникнуть этническая самоидентификация индивида – субнациональном локальном, наднациональном цивилизационном, аспативальных (не привязанных к территориальному фактору), конфессиональном или расовом уровнях идентификации. Поэтому в рамках одного и того же суверенного национального пространства мы можем встретить адептов самых разных «наций». И если традиционно были наиболее эмпирически очевидны два уров-

ня бытования национализма – национализм государствообразующей (титульной) группы и национализм этнического меньшинства – то сегодняшняя реальность позволяет усматривать некоторые признаки националистической активности и на наднациональном уровне: от имени европейской цивилизации говорят сегодня правые популисты, от имени Европейского союза – брюссельские политики, от имени исламской уммы – радикальные исламисты.

Помимо стремления политически оформить культурную общность, другим *важным признаком национализма является активность этого стремления*. Еще в 1960-х гг. появляется определение национализма как «активной солидарности группы, полагающей себя нацией и стремящейся к образованию государства» [21].

Это замечание представляется крайне важным. Индивид должен не только ощущать себя представителем определенной этничности – он должен предпринимать активные усилия для ее институализации путем политического действия. Иными словами, человек, просто чувствующий себя немцем, курдом или шотландцем, националистом не является. Он станет таковым только в том случае, если станет действовать в духе защиты и развития разделяемой им этничности.

Наконец, исследователи спорят о *природе национализма*. Является ли национализм исключительно идеологией? Может ли существовать национализм в идеологически не артикулированной форме?

С одной стороны, национализм как феномен, очевидно, содержит в себе признаки идеологии как комплекса осознанных взглядов. С другой стороны – некоторые проявления однозначно националистической активности обходятся без артикулированного и осознанного идейного компонента – зачастую уличная экстремистская агрессия мотивируется не столько рациональными умозаключениями, сколько чувством (т.н. «бытовой национализм» [5, 62–63]).

Компромиссное решение предлагает Э. Смит, настаивая на двойственности природы национализма, способного выступать как в форме идеологии, так и ощущения (эмоции) [7, 254]. По Смицу, национализм-ощущение существует на донациональном уровне в качестве эмоций активной групповой идентичности (этно)культурной группы, в то время как феномен национализма как идеологии возникает уже в Новое время (XVII–XVIII вв.) и самым прямым образом связан с процессом формирования в Европе первых национальных государств.

Таким образом, рабочее определение национализма лежит, с нашей точки зрения, на пересечении нескольких подходов:

- 1) концепции национализма как политического оформления культурной общности;
- 2) признания национализма "активной солидарностью группы";
- 3) тезиса о двойственности природы национализма (идеология / ощущение).

Национализм в этом случае определяется как осознание индивидом - на концептуальном либо иррациональном уровне - принадлежности к определенной этничности и стремление сохранить имеющуюся идентичность посредством создания для этого необходимых политических, социально-экономических и иных условий. Иначе говоря, национализм – это активная лояльность индивида к культурной общности, с которой его в данный момент времени связывают самые прочные идентитарные узы.

Выражаться же эта лояльность будет ситуативно – в зависимости от природы общности, ее статуса и наличествующих вызовов, находя воплощение в конкретных амбициях, имеющих отношение к статусу данной группы.

Предлагаемое определение национализма задает довольно широкие рамки феномена и позволяет рассматривать в качестве националистического, в частности, и тот дискурс, который характерен для умеренных приверженцев современного Nation-State и определяется современными социологами¹ преимущественно как национализм «политический», «гражданский», либо «либеральный»². Например, под это определение подпадает реакция современного европейца – отнюдь не радикала – на чрезмерное расширение полномочий наднациональных интеграционных структур в ущерб структурам национально-государственным, либо на попытки части мигрантов укоренить в либеральных европейских странах нелиберальные социокультурные практики страны происхождения мигранта. Апеллирующий к идее Nation-State либеральный дискурс в строгом смысле слова следует полагать националистическим - однако, безусловно, он сильно отличается от дискурса радикально-националистического, являющегося «классическим» объектом для исследований национализма.

Как правило, их различают либо по оси «гражданский-этнический» (что восходит еще к традиции эпохи Просвещения понимать национализм как некое преодоление узкоэтнических «племенных» лояльностей)³ – либо по оси «инклюзивный – эксклюзивный»⁴. Эксклюзивный («этнический», «племенной») национализм построен на логике исключения из рамок данной этничности чужеродных элементов, объявленных чужими согласно некоему набору признаков. Инк-

---

1 Именно об этом виде национализма говорил Х. Кон применительно к западному обществу; об этом же говорят, в частности, такие исследователи, как Ю. Хабермас, Д. Шнаппер, Л. Гринфелд.

2 См., напр., Малинова О. Проблемы национальной идентичности и национальных прав в либеральной политической теории // Политическая наука. 2002. №4. С. 74–99.

3 Cf. Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background. N. Y.: Macmillan, 1951; Eriksen Th. Ethnicity versus Nationalism // Journal of Peace Research. 1991. Vol.28. No. 3. P. 263–278.

4 Cf. Zayn S. Inclusive vs. Exclusive Linguistic Nationalism: Comparing Zionist and Turkish Nationalist Language Policies // Undergraduate Journal of Humanistic Studies. 2017. Vol. 5. P. 1–13; Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

люзивный («гражданский», «политический») национализм не исключает Чужого, но создает рамку для его включения в состав группы (нации, этничности).

Стоит заметить, впрочем, что непреодолимого барьера между моделями инклюзивного и эксклюзивного национализмов нет. Даже инклюзивные/гражданские/либеральные националисты исходят из того, что для включения в состав группы Чужой должен перестать быть Чужим – например, должен принять политические и культурные ценности принимающего общества. Но когда Чужой перестает быть Чужим, против его присутствия в группе перестанут возражать и адепты эксклюзивного национализма. Например, в принявшем ислам уроженце современной Европы бойцы ИГИЛ будут видеть своего собрата, а ветеран французской армии-мусульманин будет восприниматься сторонниками Национального фронта как истинный француз, проливавший кровь за республиканские идеалы.

Таким образом, дихотомию национализмов «этнического/ гражданского» или «эксклюзивного/инклюзивного» можно уподобить, с известными оговорками, дихотомии «аверса/реверса» одной и той же монеты.

Очевидно, впрочем, что для целей анализа правого популизма дихотомия «эксклюзивного/инклюзивного» национализмов свою эвристическую ценность все же сохраняет: интенция исключения, изгнания Чужого за рамки своей этничности у правых популистов, безусловно, доминирует над интенцией инкорпорации/ассимиляции.

Традиционно выделяется несколько виктимных групп, становящихся объектом националистического эксклюзивизма: это евреи, цыгане и инокультурные иммигранты (преимущественно из мусульманских стран). Конечно, в каждой стране есть своя специфика: в Болгарии сюда прибавляется турецкое меньшинство, в Словакии – венгерское и т.д., но данные три группы универсальны; в частности, именно на их примере рассматривает европейский национализм британский социолог Р. Водак [1, 60], а также специалисты исследовательского центра Пью. По данным упомянутого центра, в 2016 г. 48 % населения Европы негативно относилось к цыганам, 43 % – к мусульманам, 16 % – к евреям [27, 10].

Национализм правопопулистских партий проявляется в речах партийных функционеров, в партийных манифестах, в наглядной агитации. Характерны, например, антисемитские, антицыганские и антимульманские высказывания Кристины Морваи, депутата Европарламента от партии «Йоббик» и кандидата в президенты Венгрии.

Большинство правопопулистских партий Западной, а теперь, в контексте иммиграционного кризиса ЕС, и Восточной Европы использует в своей агитации негативный образ иммиграции и иммигрантов из мусульманских стран. Причём в большей степени это характерно для западно-европейских правых

популистов, чей национализм носит, в первую очередь, не этнический, а цивилизационистский характер [10, 1191]. При этом *othering*'у подвергаются не конкретные этнические группы, а в целом мусульманское иммигрантское сообщество, предстающее как антипод завоеваний иудео-христианской западно-европейской культуры. Активно используется термин «исламизация», образы мечети, бурки и других элементов мусульманского быта. Широкую известность получила агитационная кампания с использованием образа чёрной овцы, изгоняемой стадом белых овец после совершения деликта: первоначально использовавшийся Швейцарской народной партией запоминающийся образ был перенят также Австрийской партией свободы. Характерны лозунги, используемые партией «Альтернатива для Германии»: «Бурка? Мы лучше выпьем бургундского» (*Burka? Ich steh mehr auf Burgunder*), «Бурка? Мы предпочитаем бикини» (*Burkas? Wir steh'n mehr auf Bikinis*), «Ислам? Не подходит к нашей кухне» (*Der Islam? Passt nicht zu unserer Küche*) (на последнем плакате был изображён поросёнок). Французский «Национальный фронт» (с 1 июня 2018 г. – «Национальное объединение») также использует в агитации образы стран происхождения иммигрантов; пример – плакат, изображающий карту Франции в цветах алжирского флага, с лозунгом «Чтобы остановить это, голосуй за НФ».

Антисемитизм в современном правопопулистском дискурсе встречается гораздо реже. Американский историк Тони Джадт отметил, что «признание Холокоста – это входной билет в Европу» [14, 803], понимая Европу не как совокупность государств и институтов, а как определённую культурную целостность. Те правопопулистские партии, которые начали свою деятельность в 70-е и 80-е гг. прошлого века (а это, разумеется, западно-европейские партии), изначально не ставили цели вхождения в истеблишмент: целью деятельности таких движений и партий был протест ради протеста, и символом этой эпохи существования правых популистов может стать фигура Жана-Мари Ле Пена, пламенного борца не только с мусульманскими иммигрантами и «продавшей Алжир» элитой, но и с еврейской общиной, а также радикальные ответвления «Фламандского блока». Свои примеры есть практически в каждой стране Западной Европы. Но начиная с 1990-х гг. приоритеты указанных партий изменились, и главной целью стало вхождение в законодательную и исполнительную власть: партии окончательно превратились из *радикальных* в *популистские* (как это сформулировал П.-А. Тагиефф, популисты, в отличие от радикалов, стремятся трансформировать существующий политический порядок, не меняя политическую систему [24, 92]). Для этого было необходимо получить упомянутый «входной билет» и смыть память об антисемитизме: в случае «Национального фронта» это воплотилось в «де-демонизации» (*dédiabolisation*), которая в конечном счёте привела к разрыву нового партийного руководства с Ж.-М. Ле Пенем и исключению из партии её основателя, в случае «Фламандского блока»

– в налаживании контактов с еврейской общиной Антверпена как раз на основе антиисламского дискурса. Относительно новым партиям, таким как «Новый фламандский альянс» или нидерландская «Партия свободы», не нужно было менять курс: они изначально заняли либо нейтральную позицию по вновь актуализировавшемуся «еврейскому вопросу», либо, как «Партия свободы», подняли знамя филосемитизма (показателен пример лидера партии Г. Вилдерса, который в юности жил в Израиле и регулярно посещает эту страну в настоящее время).

Чрезвычайно интересно переплетение роста значения антимусульманской риторики и спада риторики антисемитской. Осторожное примирение правых популистов с еврейскими общинами Западной Европы стало возможным отчасти благодаря риторике самих мусульманских общин: в абсолютном большинстве общинные лидеры поддержали интифаду и общий антиизраильский уклон западно-европейской политики, не разграничивая «сионистов» и евреев, живущих на их новой родине. Антисионизм превратился в «новый антисемитизм», «антисемитизм 2.0», и большинство антисемитских акций, произошедших, к примеру, во Франции и Бельгии за последние несколько лет, было совершено именно выходцами из мусульманской общины. Правые популисты, жаждущие смыть с себя антисемитскую стигму, воспользовались моментом и объединили антимусульманскую риторику с филосемитской: показателен пример «Фламандского блока», члены которого в разгар второй интифады взяли патрулировать еврейский квартал Антверпена [4]. С филосемитскими заявлениями выступала и Марин Ле Пен; впрочем, ей для демонстрации лояльности было достаточно просто отмежеваться от провокационных заявлений своего отца.

Тем не менее, стоит проявлять определённую осторожность в оценке нового филосемитизма западно-европейских правых популистов. Во-первых, как справедливо замечает П.-А. Тагиефф, если руководство партии выступает с проеврейской и произраильской риторикой, это совершенно не означает, что эти идеи разделяет партийный электорат [24, 120–121]. Во-вторых, часто «демонизация» становится косметической мерой, которая касается только партийного руководства; показательны недавние скандалы, связанные с заявлениями и поступками отдельных членов Австрийской партии свободы. К примеру, два советника АПС в коммуне Зубен оказались среди группы, распространявшей в мессенджере WhatsApp цитаты и фотографии А. Гитлера; кандидат от АПС на выборах в Нижней Австрии У. Ландбауэр оказался непосредственно причастен к выпуску песенника студенческой корпорации, содержащего призывы к уничтожению еврейства [23].

Для восточно-европейских правых не характерна подобная щепетильность в «еврейском вопросе», что связано с иной политической культурой, подразумевающей большее, чем у западноевропейских политиков, стремление к экс-

клюдии. По наблюдению В. Тисмэняну, регион ЦВЕ в силу его исторического наследия можно причислить к «культуре конфликта»: «эти общества избавились от старых авторитарных институтов, но остались заложниками памяти, страхов и неврозов» [25, 36]. И если ставшие правящими правопопулистские партии «Право и справедливость» в Польше и «Фидес» в Венгрии избегают антисемитских заявлений, сконцентрировавшись на разрешении институциональных препятствий к установлению авторитарного руководства в соответствующих странах, то более маргинализированным партиям «Йоббик», «Лига польских семей», «Великая Румыния», а также прочно удерживающей свои электоральные позиции болгарской «Атаке», свойственна ярко выраженная антисемитская риторика, направленная на привлечение консервативного католического (в случае Болгарии – православного) электората.

Вопрос эксклюзии цыганских групп рома и синти не привлекает такого внимания, хотя не менее актуален. Компактное цыганское меньшинство присутствует практически в каждой европейской стране, но соответствующий дискурс характерен прежде всего для Восточной Европы, где цыганские общины традиционно более активны и многочисленны. Как правило, антицыганский дискурс проявляется наряду с антисемитским; как отмечает Р. Водак, цыгане «были и остаются самой уязвимой группой в Европе» [1, 345]. Синти и рома сталкиваются с социальной стигматизацией (представители титульных наций относятся к ним как к преступникам и иждивенцам), сегрегацией в системе школьного образования (в Словакии, Венгрии, Болгарии, Чехии), периодическими погромами цыганских посёлков и иногда даже массовыми депортациями (из Германии в 2005 г., из Франции в 2010 г.). Подобные общественные настроения используют в своём дискурсе правопопулистские партии, преимущественно восточно-европейские: антицыганизм является существенной частью риторики «Йоббика», «Атаки», «Народной партии – наша Словакия» М. Котлебы.

Необходимо отметить, что при голосовании в Европейском парламенте по соответствующим резолюциям евродепутаты от правопопулистских партий в очередной раз продемонстрировали внешнее неприятие антисемитизма и лояльность к антицыганизму: по резолюции о борьбе с антисемитизмом от 1 июня 2017 г. проголосовало положительно абсолютное большинство правоконсервативных фракций ЕП «Европейские консерваторы и реформисты», «Европа за свободу и прямую демократию» и «Европа наций и свобод»; при голосовании 25 октября 2017 г. по резолюции «Аспекты фундаментальных прав в отношении интеграции цыган в ЕС: борьба с антицыганизмом» большинство депутатов этих фракций воздержалось¹.

---

¹По данным статистического сайта VoteWatch.eu.

Подытоживая, хотелось бы ещё раз остановиться на нескольких моментах. Правый популизм отличается от *популизма вообще*, прежде всего, наличием в его идеологической базе национализма; таким образом, правый популизм можно определить как комбинацию *национализма со стратегией политической борьбы, подразумевающей антиэлитизм, антиплюрализм и самоотожествление с народной волей*. При этом национализм необходимо понимать как активную лояльность индивида к культурной общности, с которой его связывают идентитарные узы; лояльность, подразумевающую идею обретения этой общностью адекватного (по мнению индивида) политического статуса, для чего необходимо, в том числе, исключение Чужого за рамки своей этничности. Такими Чужими для современных европейских правых популистов являются, чаще всего, евреи, цыгане и инокультурные иммигранты, что очевидно из агитационных материалов, партийных программ и манифестов, речей партийных деятелей.

Негативный образ инокультурной, прежде всего мусульманской, иммиграции, мусульманского быта чаще используют правопопулистские партии Западной Европы (где национализм обычно носит не столько этнический, сколько цивилизационистский характер). Антисемитизм у западно-европейских правых встречается гораздо реже, так как в этом субрегионе признание Холокоста и пагубности юдофобии необходимо для вхождения в истеблишмент (а именно подобное стремление, в том числе, отличает популистов от радикалов). Евреи также часто выступают тактическими «союзниками» в дискурсивной борьбе с мусульманскими иммигрантами. (Впрочем, не стоит спешить с оценкой дискурса современных западно-европейских правых как филосемитского; часто подобная риторика характерна только для руководства партий, а не для рядовых членов и избирателей). В Восточной Европе, обладающей иной политической культурой, антисемитизм в правопопулистской риторике встречается гораздо чаще. Во всех условных субрегионах Европы в правопопулистском дискурсе встречаются антицыганские послы, что связано с определённой социальной стигматизацией синти и рома.

Таким образом, национализм является неременной структурной характеристикой правопопулистского дискурса – причем конкретные формы проявления националистической интенции обуславливаются национальными и региональными особенностями соответствующего правопопулистского феномена. Националистический маркер, во-первых, с одной стороны, позволяет выделить правый популизм среди других разновидностей популизма. Во-вторых, он выполняет важную аналитическую функцию, способствуя типологизации и выявлению специфики конкретно-национальных случаев правого популизма.

Библиографический список

1. *Водак Р.* Политика страха: что значит дискурс правых популистов? / пер. Е.Н. Кочергина, О.В. Гритчина. Харьков: Гуманитарный Центр, 2018. [Wodak R. Politika strakha: chto znachit diskurs pravvykh populistov? [The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. Transl. by E.N. Kochergina, O.V. Gritchina. Kharkiv: Gumanitarny Tsentr Publ., 2018].
2. *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. М. Тюнькина. М.: Прогресс, 1991. [Gellner E. Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism. Transl. by M.M. Tyun'kina. Moscow: Progress Publ., 1991].
3. *Малахов В.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. [Malakhov V. Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya [Nationalism as a Political Ideology. Moscow: KDU Publ., 2005].
4. *Морозов А.* Конец бельгийской лаборатории? // Дело. 2006. 7 нояб. [Morozov A. Konets bel'gijskoj laboratorii? [The End of the Belgian Laboratory? // The Case. 2006. November 07]. Available at: <http://www.idelo.ru/440/16.html>.
5. *Поздняков Э.А.* Нация. Национализм. Политика // Национализм: теория и практика. М., 1994. [Pozdnyakov E.A. Natsiya. Natsionalizm. Politika // Natsionalizm: teoriya i praktika [Nation. Nationalism. Politics // Nationalism: Theory and Practice. Moscow, 1994].
6. *Романюк А.* Популізм і розвиток партійної системи в Україні // Партійна система сучасної України: еволюція, тенденції та перспективи розвитку: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 24-25 листопада 2011 р. Київ, 2012. [Romanyuk A. Populizm i rozvytok partiinoi systemy v Ukraini // Partiina systema suchasnoi Ukrainy: evolyutsiya, tendentsii ta perspektivny rozvytku: materialy mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferentsii, 24-25 lystopada 2011 r. [Romanyuk A. Populism and Development of the Ukrainian Party System // Party System of Contemporary Ukraine: Evolution, Tendencies and Prospects. Collection of papers of international scientific-practical conference, November 24-25, 2011. Kiev, 2012].
7. *Смит Э.* Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. [Smith A. Natsionalizm i istoriki // Natsii i natsionalizm [Nationalism and Historians // Nations and Nationalism. Moscow, 2002].
8. *Смит Э.* Национализм и модернизм / пер. А. Смирнова, Ю. Филиппова, Э. Загашвили, И. Окунева. М.: Праксис, 2004. [Smith A. Natsionalizm i modernism [Nationalism and Modernism. Transl. by A. Smirnov, Yu. Filippov, E. Zagashvili, I. Okuneva. Moscow: Praksis Publ., 2004].
9. *Betz H.-G.* Rechtspopulismus: Ein internationaler Trend? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1998. No. 9-10. P. 3–12
10. *Brubaker R.* Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40. No. 8. P. 1191–1226.

11. *Conversi D.* Reassessing Current Theories of Nationalism: Nationalism as Boundary Maintenance and Creation // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1995. Vol. 1. No. 1. P. 73–85.
12. *De Cleen B.* Populism and Nationalism // *The Oxford Handbook of Populism*. Oxford, 2017.
13. *Jagers J., Walgrave S.* Populism as Political Communication Style: An Empirical Study of Political Parties' Discourse in Belgium // *European Journal of Political Research*. 2007. Vol. 46. No. 3. P. 319–345.
14. *Judt T.* *Postwar: A History of Europe Since 1945*. NYC: Penguin Press, 2005.
15. *Mudde C.* The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. No. 39 (4). P. 541–563.
16. *Mudde C.* The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy // *West European Politics*. 2010. Vol. 33. No. 6. P. 1167–1186.
17. *Mudde C.* Right-Wing Extremism Analyzed // *European Journal of Political Research*. 1995. Vol. 27. No. 2. P. 203–224.
18. *Priester K.* Wesensmerkmale des Populismus // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2012. No. 5–6. P. 3–9.
19. *Rydgren J.* Radical right-wing parties in Europe. What's populism got to do with it? // *Journal of Language and Politics*. 2017. Vol. 16. No. 4. P. 485–496.
20. *Simeoni M.* *A Morbid Democracy: Old and New Populisms*. Brussels: Presses Interuniversitaires Européennes, 2014.
21. *Simmons-Simonovich K.* Nationalist Movements: an Attempt at a Comparative Typology// *Comparative Studies in Society and History*. 1965. Vol. 7. No. 2. P. 221–230.
22. *Snyder L.* *The New Nationalism*. New Jersey: Transaction Publishers, 2009.
23. *Strickland P.* Is Austria's far-right FPO losing support amid Nazi scandals? // *Al Jazeera*. 2018. April 2. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2018/03/austria-fpo-losing-support-nazi-scandals-180331101800263.html>.
24. *Taguieff P.-A.* *La revanche du nationalisme*. Paris: PUF, 2015.
25. *Tismaneanu V.* *Fantasies of Salvation: Democracy, Nationalism, and Myth in Post-Communist Europe*. Princeton: Princeton University Press, 2009.
26. *Vossen K.* Populism in the Netherlands after Fortuyn: Rita Verdonk and Geert Wilders Compared // *Perspectives on European Politics and Society*. 2010. Vol. 11. No. 1. P. 22–38.
27. *Wike R., Stokes B., Simmons K.* *Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs*. Washington: Pew Research Center, 2016.

**EUROPEAN RIGHT-WING POPULISM AND NATIONALISM:
REVISITING THE CORRELATION OF FEATURES**

P. V. Oskolkov

Junior Research Fellow, Department of European Integration Studies, Institute of Europe of RAS; Lecturer, Department of Regional Problems of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Postgraduate Student, Department for Integration Studies, MGIMO University

A. I. Tevdoy-Burmuli

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department for Integration Studies, MGIMO University

The paper examines right-wing populism in contemporary Europe, focusing on nationalism as a structural feature of the discourse of European right-wing populist parties. Nationalism and right-wing populism are analyzed in the light of the most important existing theories. The authors prove the existence of an organic interconnection between nationalism and right-wing populism, define the basic concepts, distinguish three key groups of the right-wing populist “Others”, and trace the nationalist rhetoric elements in the discourse of populist parties in different European sub-regions. Populism per se is defined as a strategy of political struggle which involves anti-elitism, anti-pluralism and self-identification with people’s will. However, populism understood this way is not sufficient enough to form the ideological base of political entities; it lacks some additional ideological element. The definition of nationalism as active loyalty of a person to the cultural community he or she is now connected with by most solid identity ties, based on the constructivist ethnicity paradigm, makes it possible to connect the nationalist phenomenon with a wide range of populist manifestations, from moderate to radical ones. The use of the dichotomy of “exclusive” and “inclusive” nationalisms proved its relevance for the purposes of singling out right-wing populism. Thus, it is nationalism that distinguishes right-wing populism as a strategic and ideological complexity from populism per se as a mere political strategy. The empirics used in the article include data on the rhetoric of right-wing populist parties concerning immigrants with a Muslim background, Jews, Roma and Sinti. The authors point to the civilizational nature of nationalism in Western Europe, analyze changes in nationalist rhetoric in a moment when a populist party tries to become a part of the establishment, and how right-wing populists vote in the European Parliament when the anti-nationalist resolutions are discussed. The authors conclude that a nationalist marker enables researchers to distinguish right-wing populism from other forms of populism and contributes to categorizing and revealing the particularities of national right-wing populism models.

Keywords: nationalism; right-wing populism; the Other; ethnicity; identity.

УДК-32:329

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-34-49

ИНТЕРНАЦИОНАЛ КРАЙНЕ ПРАВЫХ ПАРТИЙ И ПОПЫТКИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

А. О. Любимова¹

В данной статье рассмотрены особенности и специфика развития интернационала крайне правых партий Европейского союза и их попыток сотрудничества на международном уровне. Цель исследования – определение возможностей крайне правых партий действовать совместно в рамках организованных интернациональных групп на примере их взаимодействия в Европарламенте. Рост евроскептицизма и радикализма и электоральные успехи крайне правых партий за последние десятилетия свидетельствуют о значительном усилении позиций крайне правых партий Европейского союза на национальном и международном уровнях, что находит отражение в их стремлении сформировать международные группы, крайне правые интернационалы, чтобы совместно со своими союзниками определять и влиять на европейскую политическую повестку. Удачное совмещение проблем внутреннего развития государств с внешнеполитическими действиями нашли отражение в политических повестках крайне правых, активное реагирование на внешние вызовы и их адаптацию для избирателей, актуальность взглядов на развитие Европейского союза и предложений кардинальных изменений положительно влияют на рост их электоральной базы. Значимость крайне правых партий в международном контексте уверенно растёт, и современные евроскептические тенденции способствуют данному процессу. Укрепив свои позиции на национальном уровне, крайне правые партии готовы к новому этапу международного сотрудничества. Легкость формирования коалиций крайне правых не является новой для политической истории, однако эти союзы ранее не отличались долговечностью. Общие политические настроения и сопутствующие им события предоставляют крайне правым новую почву для формирования интернационала. Дополнительно, процесс Brexit внёс немалый вклад для развития международного сотрудничества правых радикалов. В рамках данной работы проводится исследование истории прогресса крайне правых партий в Европе, представляется анализ их взглядов, рассматриваются особенности современного политического климата Европейского союза, опыт коали-

---

¹ Любимова Анжела Олеговна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail lyubimova.angela@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-7315-6290. ResearcherID: N-5711-2018).

ционного взаимодействия, фактор Brexit и его влияние на европейский политический климат.

Ключевые слова: крайне правые партии; Европейский союз; Brexit; Европарламент; евроскептицизм; международное сотрудничество; евровыборы.

Конец 2017 и начало 2018 гг. вновь стали результативным и противоречивым периодом для представителей крайне правых партий Европы. С одной стороны, в немецком политическом спектре «Альтернатива для Германии», получив третье место в бундестаге, заняла позицию партии федерального уровня. Обладая теперь большими финансовыми и институциональными возможностями, «Альтернатива для Германии» добилась беспрецедентного доступа и влияния на государственный аппарат страны и процесс принятия решений. С другой стороны, после проигрыша президентской гонки весной 2017 г. во Франции Марин Ле Пен, лидер «Национального фронта», продолжает терпеть нападки как от конкурентов извне, так и внутри партии, что постепенно отрицательно влияет на рейтинги политика. Тем не менее события этого года не помешали ей быть переизбранной в качестве председателя партии уже в третий раз и сделать заявление о смене названия партии. Тем временем, Австрия стала единственной в Западной Европе страной, в правительство которой вошла крайне правая партия, а в Италии парламентские выборы выиграла крайне правые в лице «Лиги пяти звёзд» и партии Сильвио Берлускони «Вперед, Италия!». Данные события только лишний раз доказывают активность крайне правого политического фронта, который развивается в разных направлениях.

Таким образом, возможность возникновения новых политических объединений со стороны крайне правых является всё так же актуальной и выглядит даже более перспективной, чем раньше.

Цель статьи – определить возможности крайне правых партий действовать совместно в рамках организованных интернациональных групп на примере их взаимодействия в Европарламенте. Для достижения цели необходимо ответить на ряд вопросов: исследовать историю прогресса крайне правых в Европе, проанализировать их взгляды, посмотреть опыт коалиционного взаимодействия, а также фактор Brexit.

История

Наблюдение и изучение феномена причин успеха и усиления крайне правых партий конца XX–начала XXI вв. за последние десятилетия перестало быть темой исключительно исследовательского характера. Популярность идей крайне правых во всех европейских странах и рост евроскептицизма являются политической реальностью Европейского союза последнего десятилетия. Крайне правые партии всё так же успешно трансформируются и адаптируются к на-

стоящему политическому климату стран, отвечая на наиболее острые вопросы и проблемы. Политика мультикультурализма в дискурсе крайне правой риторики представляется как причина других важнейших проблем стран Европейского союза: иммиграция, экономический кризис, упадок национальных и моральных европейских ценностей и другие.

Принимая во внимание успехи крайне правых партий у избирателей за последние десятилетия и в последние пять лет, в частности, стоит отметить, что СМИ привлекают не результаты выборов как таковые, а именно процесс усиления крайне правых взглядов и повсеместный рост евроскептицизма. Политические успехи крайне правых в СМИ характеризуются как «победа» радикалов и противников единой модели Европейского союза.

Крайне правые партии на современном этапе находятся на новой ступени своего развития. Значительный рост электоральной базы, достигнутый в большей части посредством смягчения партийного имиджа, формулировок и выступлений, является прямым доказательством факта приемлемости их идеологии для либерального европейского общества, политические взгляды которого за последние годы явно сместились вправо. Крайне правые партии являются влиятельными акторами на политической арене, что особенно ярко видно на фоне возросшего уровня евроскептицизма во всех странах Европейского Союза и процессов, сопровождающих его как следствие.

Кризисные явления экономической и политической жизни европейских стран, повлёкшие за собой проблемные последствия, во многом повлияли на процесс усиления ультраправых партий в конце XX–начале XXI вв. В целом, политологи и исследователи выделяют общие причины усиления ультраправых партий на европейском пространстве, однако, каждая страна имеет ряд особенностей, объясняемых историческим, политическим, экономическим и другими факторами и влияющий на развитие ультраправой политической мысли в данной стране.

Нельзя не обратить внимание на сложности, с которыми сталкиваются крайне правые партии: их малочисленность (по количеству электората), экстремистскую природу и прошлое наследие, зависимость от лидера, не говоря уже о проблемах финансирования и многих других сложностях, которые являются последствиями вышеперечисленного.

Крайне правые силы представляют собой достаточно разное и способное к преобразованиям политически-активное поле, и в этом кроется одна из причин, почему классификация партий в классическом виде для них не может быть применима в полной мере.

По количественному признаку крайне правые партии стран Европейского союза относятся к малым партиям, склонным к преобразованиям в зависимости от современных политических тенденций. Их реакционность заключается в быстром реагировании на вызовы, поставленные перед действующими правительствами, которые не всегда способны быстро ответить на них, на чём выигрыва-

ют крайне правые политики, предлагая альтернативный вариант. Оставаясь оппозиционными, современные крайне правые партии находятся в легальном политическом поле своих стран, так как представлены в национальных парламентах. Резкость и жёсткость идеологических формулировок сменяются более приемлемыми и понятными для электората стран европейских демократических режимов заявлениями, процесс «смягчения» имиджа партии является важным для привлечения голосов избирателей. И, конечно, роль лидера, которая важна для партий любого политического спектра, в случае крайне правых имеет почти ключевое значение для достижения успеха.

В данной статье не рассматриваются экстремистские партии фашистского характера, о существовании которых необходимо упомянуть. Их так же относят к крайне правому политическому лагерю, но именно эти партии остаются маргинальными и вне легитимного поля. Такие движения представляют собой определённую проблему для современных популистских партий, ушедших от столь жёсткой и экстремистской риторики, так как ставят вопрос об истинной природе и намерениях современных крайне правых политиков. Это так же является одной из причин, представляющих сложность создания единой классификации данных партий.

Крайне правые партии как участники международного процесса. Интернационал крайне правых

Исторически сложилась довольно интересная ситуация с нахождением крайне правых партий в системе международных отношений. Ещё в начале XX в. деятельность политических партий по отношению к национальным правительствам, межправительственным организациям, ТНК и другим субъектам международных отношений при анализе их взаимодействий могла быть охарактеризована как незначительная на фоне возрастающей роли негосударственных субъектов в системе международных отношений. Ввиду процессов глобализации и других вывозов современного общества изменениям подвержены и политические партии, их определяющие признаки как политических объединений. Дополнительно, принимая во внимание многомерность и структурную ограниченность деятельности политических партий, их активность на международной арене не является первостепенной задачей.

Интернационал, европейские социал-демократические партии, стал первым примером партийной кооперации, основанной на сходстве политических интересов и идеологических доктрин на международном уровне [3]. Исторически сложилось, что наиболее успешным в объединении своих сил стал левый политический лагерь (социалистический и коммунистический интернационалы), в отличие от правого (либеральный интернационал), где уровень межпартийной работы носил в большей степени совещательный характер. Однако и здесь стоит напомнить, что крайне правые группировки и фашистские движе-

ния 1920-х гг. делились опытом друг с другом, а следом фашистские правительства Гитлера и Муссолини выступали на одной стороне.

Однако итоговая цель политических партий, которая следует из определения данного понятия, всегда заключалась в захвате власти. Достижение данной цели подразумевает продвижение партии и участие её представителей в выборных органах и, как следствие, влияние на политические элиты. Именно эту модель политической активности регулярно в наше время демонстрируют крайне правые партии, которые направляют все свои силы для увеличения присутствия в парламентах своих стран, а наиболее успешные из них вступают в борьбу за президентский пост.

В данном контексте так же стоит рассмотреть вопрос принятия и поддержки устоявшихся крайне правых партий по отношению к новопоявившимся. В большинстве случаев в самом начале политического пути новые малые партии стараются завязать контакты и начать сотрудничество с партиями, обладающими именем на политической арене. К данному сотрудничеству обращаются как с целью получения совета, так и для поиска возможностей для кооперации. И в данном случае реакция крайне правых партий с уже устоявшейся репутацией по отношению к «новичкам» играет важную роль, так как от их одобрения и поддержки зависит дальнейшая судьба нового политического объединения. Ключевым в данном случае является репутационный аспект: с одной стороны, заручаясь поддержкой определенной партии, новые политические объединения автоматически делают выбор в сторону приверженности взглядов этой партии, как и с другой стороны, устоявшаяся на политической арене партия данным жестом поддержки берёт на себя ответственность за действия партии «новичка», что может нести за собой репутационные риски.

Реакция партийных интернационалов и родственных партий особенно показательна в данном случае, так как зачастую неодобрение деятельности определённых партий, их критика или игнорирование указывают на несоответствие их деятельности и имиджа реальным намерениям и целям. В истории межпартийного сотрудничества крайне правых партий такие примеры появляются довольно часто. Одной из наиболее запоминающейся стала ситуация отказа Национального фронта Франции от сотрудничества с Британской национальной партией, аргументированного открытым расизмом последней [7, 234]. Британская национальная партия не раз получала обвинения подобного рода, однако, данный шаг, сделанный со стороны Национального фронта, послужил разграничением позиций двух партий на международном уровне, что было сделано во многом в рамках имиджевой составляющей и имело последствия для репутаций обеих партий. Во избежание репутационных рисков в своё время «Национальный фронт» Франции отказался от сотрудничества с «Йоббиком».

Принимая во внимание современный «право ориентированный» политический климат в Европейском союзе, любой успех крайне правых воспринимается как победа евроскептиков. Интересно, что ещё пару десятилетий назад

крайне правые партии при реализации своей политической платформы сталкивались с куда большими сложностями, о чём явно свидетельствуют их электоральные успехи: в 2000-х гг. они носили редкий и единичный характер, что более серьёзно привлекло внимание к феномену усиления крайне правых партий, а 2010-е гг. стали ярким примером укрепления их позиций с уже регулярными победами, всё большим присутствием в национальных парламентах, а значит прямым влиянием на политическую повестку страны.

Успехи некоторых европейских партий, относящихся к данному политическому спектру, имеют свою предысторию и контекст в каждом частном случае. В некоторых странах крайне правые более сильны в определённых областях (территориальных единицах), то есть на местных выборах. Однако, проведя анализ «старых» крайне правых партий (например, «Национальный фронт»), правильно утверждать, что успех на более высоком уровне пришёл не сразу, а с развитием партии, одной из ступеней которого были и местные выборы. В Соединённом Королевстве исторически сложилась особенность партийного развития страны, заключающаяся в борьбе двух партий тори и лейбористов. Остальные партии безусловно составляют политическое поле страны, однако, на реальное влияние они едва ли могут претендовать. Тем интереснее парламентские выборы Великобритании 2015 г., в результате которых Партия Независимости Соединённого Королевства получила около 4 млн голосов избирателей, заняв третье место после тори и лейбористов, и в общем итоге добилась одного места в Палате общин (что объясняется условиями мажоритарной избирательной системы страны) [1]. Хотя, к сожалению, результаты досрочных парламентских выборов 2017 г. стали скорее катастрофичными (партия потеряла 145 мест и сохранила одно), но это можно, согласно заявлению бывшего лидера партии Найджела Фараджа, вариативно аргументировать сложившейся ситуацией, связанной с Brexit, которая долгое время была почти основным положением программы партии, а теперь стала реальной повесткой дня для консерваторов [4]. Политическую ситуацию и партийную расстановку сил в Соединённом Королевстве стоит рассматривать в отдельном порядке ввиду того факта, что именно эта страна на данный момент реализовала главную концепцию крайне правых. Таким образом, действительно, она дала мощнейший импульс для двустороннего процесса дезинтеграции/интеграции Европейского союза (показав пример возможности выхода из него, активизировался встречный процесс консолидации и укрепления оставшихся стран-участниц).

Однако, другим интересным примером выступает венгерский «Йоббик». Относительно молодая крайне правая партия постепенно, но уверенно улучшает свои показатели. Статистика выглядит следующим образом: 2010 г. – преодоление 5%-ного порога для вхождения в национальный парламент Венгрии, 16% избирателей дают 47 мест, 2014 г. – 20% голосов, 2018 г. – второе место, 20% голосов, но с увеличением числа своих мандатов до 23 [2].

В свою очередь, борьба и показательные результаты ряда крайне правых партий уже давно идут на более высоком уровне. В президентской гонке 2017 г. во Франции второе место заняла лидер «Национального фронта» Марин Ле Пен (в первом туре 21,30% против 24,01% Эммануэля Макрона, во втором около 33,90% голосов) [15], в рамках выборов в бундестаг в Германии третье место впервые заняла крайне правая популистская партия «Альтернатива для Германии» (12,6% голосов избирателей предоставили 94 места в парламенте), в Австрии в конце 2017 г. было сформировано новое коалиционное правительство, куда вошли представители крайне правых сил, а именно пост министра внутренних дел занял генеральный секретарь Партии свободы Герберт Кикль, [9] а в Италии результатом парламентских выборов в 2018 г. стала победа коалиции партий «Лига Севера», «Вперед, Италия!» и «Братья Италии» (37% голосов избирателей, 260 мест в Палате депутатов и 113 в Сенате). Все эти события объединяет прежде всего явная тенденция европейского электората к возврату правых ценностей и идей, антимигрантской политики, что впервые в истории в таком масштабе заставляет этот электорат голосовать за представителей крайне правых и популистских партий. Численные и процентные показатели как таковые изначально не имели принципиальной важности, во многом более волнительным был факт вхождения этих партий в парламенты впервые. Однако, безусловно, эти показатели также являются внушительными и предоставили беспрецедентное право влияния на политику страны в рамках законного поля.

В этом и есть одна из новых и наиболее значимых особенностей современных крайне правых партий: они больше не маргинальны, они находятся в политической системе страны. После анализа деятельности крайне правых партий и их результатов на национальных парламентских выборах, видна тенденция ухода этих партий от явного отрицательного имиджа «недовольного электората».

Примечательно, что в некоторых странах сотрудничество правых и крайне правых политических сил обеспечивает легитимность правых радикалов. Данная ситуация применительна в большей мере к странам Центральной и Восточной Европы. Интеграция в существующую партийно-политическую систему предоставляет крайне правым партиям возможность транслировать свои идеи всему обществу в рамках легального поля. Радикальный характер крайне правых партий и более резкая риторика делает их легко узнаваемыми и выделяет из числа других партий [7, 279].

Так же объединяющей чертой крайне правых партий, представители которых входят в национальные парламенты и достигают наиболее успешных результатов, является готовность смягчения своих резких позиций по ряду вопросов и возможность кооперации. Именно национальные парламенты представляют собой важнейший инструмент для продвижения их идей, сначала на национальном, а потом и международном уровне.

**История международных объединений и коалиций крайне правых партий
в Европейском парламенте и встреч представителей
крайне правых партий на современном этапе**

За историю своего существования крайне правые партии неоднократно предпринимали попытки объединения и продолжают создавать новые коалиции, исходя из новых политических вызовов Европейского союза и собственных интересов. В свою очередь, укрепление представительства крайне правых партий в национальных парламентах напрямую влияет на увеличение возможности их представителей на выборах уже на более высоком уровне – Европарламенте. Зачастую крайне правые силы стремятся к консолидированному единству накануне выборов в Европарламент, а принимая во внимание их не столь многочисленное присутствие, поиск путей к объединению всегда является актуальным.

В 2009 г. крайне правый сектор был представлен фракцией «Европа за свободу и демократию», состоящей из членов крайне правой Партии независимости Соединенного Королевства, Лиги Севера и др. (всего 27 депутатов), в 2014 г. фракция была названа «Европа за Свободу и Прямую Демократию» и объединила уже 48 депутатов (в большинстве от Партии независимости Соединённого Королевства и итальянского «Движения пяти звёзд») [16]. В 2010 г. появился «Европейский альянс за свободу» (в Европейском парламенте был признан в 2011 г.) [13], однако, Партия независимости Великобритании изначально дистанцировалась от Альянса, как и сам Альянс, в свою очередь, отказался сотрудничать с Британской национальной партией и «Йоббиком» по причине откровенно фашистского характера этих партий. Для создания собственной фракции в Европейском парламенте необходимо объединить не менее 25 депутатов, в состав фракции были приглашены представители крайне правых не менее чем от семи стран, 38 депутатов, но в результате данная попытка Альянса не увенчалась успехом.

В 2014 г. крайне правые партии, включая «Национальный фронт» и «Лигу севера», вышли из альянса, образовав европейскую политическую партию «Движение за Европу наций и свобод», которую возглавила Марин Ле Пен. Помимо лидера французских крайне правых, к объединению присоединились нидерландская «Партия свободы», Партия свободы Австрии и бельгийская партия «Фламандский интерес». В Европейском парламенте фракция называется «Европа наций и свобод» и насчитывает 37 депутатов.

Таким образом, расстановка сил крайне правых в Европейском парламенте выглядит следующим образом: «Движение пяти звёзд» Италии и Партия независимости Соединённого Королевства представляют «Европу за Свободу и Прямую Демократию», французский «Национальный фронт», нидерландская «Партия свободы», Австрийская партия свободы объединяются в «Европе наций и свобод». Примечательно, что «Альтернатива для Германии» отправила в

каждую из парламентских групп по представителю [12].

Выборы в мае 2014 г. зафиксировали беспрецедентный рост партий-евроскептиков, правых и крайне правых политических сил, основу которых составляют яркая антимиграционная и антиисламская риторика, стремление к проведению самостоятельной государственной финансовой и экономической политики. Итого, в 2014 г. 140 евроскептиков приняли участие в работе Европейского парламента по сравнению с 2009 г., когда у них было 56 мандатов.

Таким образом, события 2014 и 2015 гг. приводят нас к заключению, что «Европа наций и свобод» стала новой попыткой ультраправых сил в лице тех же лидеров сформировать устойчивую международную коалицию, а значит ультраправые партии не оставляют попыток реализации своих целей посредством объединения сил на международном уровне.

Не стоит игнорировать работу крайне правых политиков вне Европейского парламента. Съезды и встречи их представителей проводятся довольно часто, иногда приуроченные к определённым политическим событиям, а в некоторых случаях это рабочие собрания для обсуждения актуальной политической повестки крайне правых партий. Например, на следующий день после инаугурации Дональда Трампа, в январе 2017 г. Марин Ле Пен («Национальный фронт»), Фрауке Петри («Альтернатива для Германии») и Герт Вилдерс («Партия свободы») встретились с целью укрепления своих взаимоотношений, что является удачным моментом для укрепления своих позиций на фоне общего успеха евроскептиков и популистов. С Brexit и избранием в президенты Дональда Трампа 2016 г. действительно стал абсолютной победой евроскептиков, к чему апеллировала Марин Ле Пен, объявив 2017 «годом пробуждения народов континентальной Европы» [14]. В конце 2017 г. в Чехии лидер правоконсервативной партии «Свобода и прямая демократия» (SPD) Томио Окамура организовал конференцию лидеров крайне правых партий «За Европу суверенных наций» [10]. В конференции приняли участие члены фракции Европарламента «Европа наций и свобод», в частности, выступили Марин Ле Пен, Герт Вилдерс и другие с критикой «диктатуры Европейского союза», были обсуждены остальныe вопросы политической повестки крайне правых [5].

На этих формах взаимодействия попытки сотрудничества крайне правых партий на международном уровне не заканчиваются. Развитие СМИ и социальные сети представляют собой отличную платформу для политического общения, которые многие политики используют и для высказывания мнений, и для поддержки своих коллег. В данном случае, можно привести обширное количество примеров от поздравительных твитов (Марин Ле Пен в поддержку итогов итальянских коллег в рамках последних парламентских выборов, Найджела Фараджа в честь победы Дональда Трампа в президентской гонке, Герта Вилдерса в честь успеха Норберта Хофера в рамках президентских выборов в Австрии в 2016 г. и др.), вплоть до смены фото профиля в сети Facebook Марин Ле Пен на изображение британского флага в честь поздравления Найджела Фа-

раджа с итогами референдума по вопросу Brexit (следует напомнить, что у этих двух политиков существует ряд разногласий и их межпартийные отношения нельзя охарактеризовать дружескими).

Политическая история неоднократно демонстрировала легкость формирования коалиций крайне правых, которые не являются долговечными. Данная ситуация может быть объяснена рядом причин. Во-первых, приоритетом национальных интересов, во-вторых, евроскептической риторикой без предложения альтернативы Европейскому союзу, в-третьих, защита политики экономического национального протекционизма. Существует распространённое мнение, согласно которому, поддержка крайне правых радикалов на выборах в Европарламент в большей степени представляет собой протест, нежели отражение реальной поддержки избирателей [7,83]. Крайне правые партии не являются однородной политической силой, и прежде всего мотивом к кооперации на международном уровне в их случае служат стратегические цели, а не идеологическая основа.

Наследие Brexit

Результаты Референдума в Великобритании 23 июня 2016 г. стали шоком для мировой общественности, однако, в настоящий момент, это факт, с которым так или иначе страны Европейского союза смирились и пытаются построить работу самым удобным путём для развития Европейского союза. Став победой евроскептиков и противников идеи европейской интеграции, Brexit предоставил Европе два пути развития: неминуемое продолжение дальнейшей дезинтеграции или, наоборот, активная консолидация сил во имя сохранения идеи единой Европы. С момента объявления результатов и принятия решения по Brexit прошло уже почти два года. Во-первых, за это время можно сделать уже более чёткие выводы по процессу выхода Великобритании и будущему Европейского союза без этой страны в своём составе, а во-вторых, ряд новых важных событий представил собой очередные вызовы для целостности Европейского союза, а его реакция дала новую почву для размышления о будущем Европы и влияния евроскептиков на него. Согласно процедуре выхода, процесс должен быть завершён 29 марта 2019 г.

Соединённое Королевство стало первой страной, которая действительно реализовала стратегию выхода из Европейского союза. Главный вопрос, который оставался неясным изначально и ответы на который проясняются только сейчас: будет ли Великобритания сохранять свои связи с Европейским союзом и в каком масштабе?

Чем дальше, тем больше обе стороны процесса испытывают новые сложности в оформлении нового взаимодействия. Не обходится и без реакций на происходящие события и внутри Соединённого Королевства. Почти сразу же после Brexit лидер Партии независимости Соединённого Королевства Найджел

Фарадж объявил о своей отставке с поста председателя партии, аргументировав это выполнением своей поставленной задачи. Действительно, Фарадж, возглавляя партию британских радикалов почти 20 лет, сумел превратить Партию Независимости Соединённого Королевства из маргинального движения в третью по популярности партию в стране, за главную цель которой проголосовали 17 млн британцев [11]. Именно Найджел Фарадж смог убедить Дэвида Кэмерона провести референдум, итоги которого многих застали врасплох. Найджел Фарадж объявил о своём решении сразу же после Brexit, однако, не сложил своих полномочий в качестве депутата Европарламента и продолжает дальше активно следить за настоящей реализацией выхода Соединённого Королевства из Европейского Союза.

В данный момент явно виден сценарий развития «мягкого» выхода из Европейского союза, который выгоден самой коалиции и которая поддерживается действующим правительством Терезы Мэй, о чём говорит политический курс, предпринятый действующим премьер-министром. Медленное решение условий, отсутствие чёткого понимания и видения будущего для страны – всё это критика, исходящая не только от Найджела Фараджа, Европейский союз также не доволен отсутствием конкретности позиции Великобритании по Brexit. Но только с пониманием условий выхода по Brexit возможна дальнейшая работа Европейского союза по созданию нового концептуального подхода, который сможет соединить в себе решение внешних задач и укрепить сообщество изнутри. Таким образом, без понимания будущего Соединённого Королевства вне Европейского союза, перспективы и направления развития последнего в полной мере обозначить невозможно.

Главная проблема, для решения которой необходимо понимание условий по Brexit, это бюджет (укрепление еврозоны, формирование бюджета, создание бюджетных планов), ведь с потерей Великобритании в качестве страны члена Европейского союза, бюджетная нагрузка на остальные страны многократно увеличивается, однако, в какой степени и для каких стран – вопрос остаётся нерешённым. По последним заявлениям главы Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера, будут приняты меры по сокращению аграрной и региональной политики, также обсуждается сокращение семилетнего плана развития до пятилетнего периода после 2020 г., идут дискуссии о перераспределении важности расходов по определённым статьям (нелегальная миграция, защита и оборона). На данный момент только Германия изъявила готовность частично компенсировать потери бюджета в размере €3,5 млрд в год, что опять же подчёркивает ситуацию неравного вклада всех стран-участниц по урегулированию поставленных общих вызовов. В данном контексте происходит давление на другие страны-участницы по вопросу политики приёма беженцев. Необходимость изменений в институциональном развитии Европейского союза также предвидится. Здесь речь прежде всего касается возможности сокращения состава Европейского Парламента. Другая идея, предложенная Ж.-К. Юнкером о совмещении постов

глав Еврокомиссии и Евросовета, была отвергнута на основании вывода о сокращении роли государств-членов Европейского Союза в развитии европейской интеграции при принятии данной меры [6]. Позиция крайне правых лидеров по отношению к проблемам Европейского союза довольно проста: выход из него, что позволит направить освободившиеся средства на решение проблем внутри страны и её граждан по тем же статьям (защита, оборона, новые рабочие места и т.д.). Отказ от принятия мигрантов также представляют собой дополнительные финансовые возможности для граждан. Защита суверенности и национальной идеи во всех её измерениях является основой политических заявлений всех крайне правых партий. Таким образом, предлагая более простые подходы по решению проблем как Европейского союза, так и национальных вопросов, позиции крайне правых политиков становятся более устойчивыми, что вновь способствует их успеху.

Решение проблем Европейского союза и прогнозирование перспектив его развития возможно только после формулировки принципов выхода Великобритании из него. В той же мере, будущее Великобритании как для самой страны, реализовавший этот выход, так и в качестве примера для остальных европейских держав, которые возможно задумываются о нём, на данный момент пока не решён вопрос по Brexit и сама Великобритания не обозначила своей чёткой позиции, остаётся туманным.

И всё же с момента объявления результатов Brexit уже произошёл ряд важных событий, который можно с уверенностью охарактеризовать как успех крайне правых политических сил. Одним из последних и весьма неожиданных стали результаты парламентских выборов в Италии, ведь в данном случае победа евроскептиков и популистов основана не только на проблеме иммиграции, но в большей степени на сложной экономической ситуации в стране, ставшей результатом политики Европейского союза и соблюдения 3%-ного порога бюджетного дефицита, в частности. Столь евроскептические настроения в этом направлении безусловно шокировали Брюссель, лишней раз продемонстрировав кризис Европейского союза в его политической модели и демократических традициях управления, которые в последнее время всё чаще подвержены критике из-за нехватки творческой инициативы в принятии решений, застое в развитии, отсутствии институциональной модернизации [8].

Заключение

В заключение отметим, что международное сотрудничество представляет собой комплексный и взаимозависимый двусторонний процесс. С одной стороны, крайне правые партии, защищая национальные идеи, должны искать поддержку избирателей прежде всего в национальных парламентах, чтобы провести свои идеи и реализовать их. С другой стороны, чем больше влияние крайне правых партий в Европарламенте, тем больше у них возможности выступить

единым фронтом и на более высоком и результативном уровне, что упрочит их позиции и в государстве. Интернационал крайне правых партий особенно интересен с точки зрения сложности его создания: коалиции и взаимная поддержка друг друга крайне правыми политиками являются яркой чертой их политической деятельности, однако, эти объединения и союзы недолговечны, что, прежде всего, объясняется отсутствием общей идеологической основы. Стратегические цели, являющиеся объединяющей основой для крайне правых партий, имеют свойство меняться, что в итоге отражается на дальнейшей судьбе коалиции. Важным остаётся и репутационный аспект, который влияет на выбор союзников в той или иной коалиции. Риторика крайне правых партий в своём большинстве похожа, неспособность традиционных партий ответить на современные вызовы всё так же помогает популистам и евроскептикам привлекать новых избирателей. Сотрудничество удобно для представления оппозиции главному врагу – Европейскому союзу. Одной из интереснейших черт подавляющего большинства крайне правых партий является антиамериканизм и в противовес ему сотрудничество или явное желание его установить с Россией. Современные СМИ также влияют на развитие политики: предоставляя неограниченный доступ к информации, они способствуют и развитию популистских идей в европейском обществе, в том числе.

Для понимания будущего Европейского союза прежде всего необходима ясность условий выхода Великобритании из него. Великобритания стала первой страной, осуществившей главную цель политических повесток всех крайне правых партий Европейского союза. Таким образом, её пример и дальнейшее существование вне коалиции во многом станут путеводными и решающими для других стран, всерьёз задумывающихся об этом, что напрямую представляет угрозу идее европейской интеграции. Усиление евроскептических и популистских идей, успехи крайне правых партий как на местном, так и на международном европейском уровне только будут усиливаться как ответ на политику Европейского союза, неспособного в полной мере удовлетворить потребности европейского электората.

Библиографический список

1. *Бударгин А.* Сезон партийных конференций в Великобритании: новые приоритеты антагонистов // Аналитическая записка. 2016. № 36. (№66) [Budargin A. Sezon partijnykh konferencij v Velikobritanii: novye priority antagonistov [Party conference season in the UK: new priorities for the antagonists. Analytical paper No. 36, 2016 (No. 66)]. Available at: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an66.pdf/> (accessed 19.04.2018)].
2. В Венгрии лидеры партий подали в отставку после парламентских выборов // МИА «Россия сегодня». 2018. 9 апр. [V Vengrii lidery partij podali v otstavku posle parlamentskikh vyborov [In Hungary leaders of parties resigned after the

- parliamentary elections // International News Agency “Rossiya Segodnya”. 2018. April 9]. Available at: <https://ria.ru/world/20180409/1518180170.html> (accessed 19.04.2018)].
3. *Галкин А.П.* Политические партии в системе международных отношений // Вестник ВолГУ. 2003–2004. Сер. 7. Вып. 3. [Galkin A.P. Politicheskie partii v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenij [Political parties in the system of international relations // Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies. 2003–2004. Issue 3. P. 123–128].
  4. Досрочные парламентские выборы в Великобритании: причины и ожидания // ТАСС. 2017. 10 мая [Dosrochnye parlamentskie vybory v Velikobritanii: prichiny i ozhidaniya [Early parliamentary elections in Great Britain: reasons and expectations // Russian News Agency TASS. 2017. May 10]. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4241171> (accessed 18.04.2018)].
  5. Европа суверенных наций против диктатуры Евросоюза // Фонд стратегической культуры [Evropa suverennykh nacij protiv diktatury Evrosojuza [Europe of sovereign nations against dictatorship of the European Union // Analytical Internet portal “Strategic Culture Fund”]. Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2017/12/17/evropa-suverennyh-nacij-protiv-diktatury-evrosouza-45276.html> (accessed 20.04.2018)].
  6. *Еремина Н.* «Иллюзии вместо дел» и кто заплатит за брекзит. Расклад сил накануне саммита ЕС // «Евразия Эксперт». 2018. 21 марта [Eremina N. «Illuzii vmesto del» i kto zaplatit za brekzit. Rasklad sil nakanune sammita ES [“Illusions instead of actions” and who will pay for Brexit. Distribution of forces on the eve of the EU summit // Analytical Internet portal “Eurasia. Expert”. 2018. March 21]. Available at: <http://eurasia.expert/kto-zaplatit-za-brekzit-sammita-es/> (accessed 30.03.2018)].
  7. *Еремина, Н. В., Середенко, С. Н.* Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств. СПб, Алетейя, 2016. [Eremina N. V., Seredenko S. N. Pravyj radikalizm v partijno-politicheskikh sistemakh sovremennykh evropejskikh gosudarstv [The right radicalism in party and political systems of modern European states]. St. Petersburg, Aleteja Publ., 2016].
  8. Итоги выборов в Италии стали шоком для Брюсселя // euronews. 2018. 5 марта [Itogi vyborov v Italii stali shokom dlja Brjusselja [Italy’s election earthquake shakes Brussels // Euronews. 2018. March 5]. Available at: <http://ru.euronews.com/2018/03/05/insight-italy-election> (accessed 21.04.2018).
  9. Крайне правые в правительстве Австрии: “Нет причин для опасений” // Би-би-си 2017. 16 дек. [Krajne pravye v pravitel'stve Avstrii: “Net prichin dlja opasenij” [The far-right in the government of Austria: “There are no reasons for fears” // BBC News Russian. 2017. December 16]. Available at: <https://www.bbc.com/russian/news-42379825> (accessed 19.04.2018)].

10. Лидеры европейских ультраправых партий встретились в Праге // RFI. 2017. 12 дек. [Lidery evropejskikh ul'trapravykh partij vstretilis' v Prage [European far-right leaders met in Prague // RFI. 2017. December 12]. Available at: <http://ru.rfi.fr/evropa/20171216-lidery-evropejskikh-ul'trapravykh-partii-vstretilis-v-prage> (accessed 20.04.2017)].
11. Человек, обещавший вернуть Британию. История Найджела Фараджа // Би-би-си. 2016. 4 июля [Chelovek, obeshhavshij vernut' Britaniju. Istorija Najdzhe-la Faradzha [The person who promised to return Britain. Nigel Farage's history // BBC News Russian. 2016. July 4]. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-36705671> (accessed 19.04.2018)].
12. *De Jonge L.* The Nationalist International: Is There a Brown Network in the Making? // *E-International Relations*. 2017. 12 March. Available at: <Http://www.e-ir.info/2017/03/12/the-nationalist-international-is-there-a-brown-network-in-the-making/> (accessed 16.04.2018).
13. Grants from the European Parliament to political parties at European level 2004-2011 // European Parliament. 2011. April. Available at: http://www.europarl.europa.eu/pdf/grants/grant_amounts_parties.pdf (accessed 16.04.2018).
14. Le Pen: The People of the West Are Awakening // BREITBART LONDON. 2017. 21 Jan. Available at: <http://www.breitbart.com/london/2017/01/21/le-pen-sees-year-awakening-europe-nationalists-meet/> (accessed 21.04.2018).
15. Résultats des élections // Franceinfo 2017. Available at: <https://www.francetvinfo.fr/elections/resultats/#type=presidential&year=2017> (accessed 21.04.2018).
16. UKIP's alliance in Europe rescued by Polish MEP // BBC. 2014. 20 October. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-europe-29692378> (accessed 16.04.2018).

THE INTERNATIONAL OF FAR- RIGHT PARTIES AND ATTEMPTS OF ITS POLITICAL GROUP FORMATION

A. O. Liubimova

Postgraduate Student, Saint Petersburg State University

The article examines the specific features of the development of the International of the European Union far-right parties and their attempts to cooperate at the international level. The author seeks to define the far -right parties' opportunities to work conjointly within organized international groups through the example of their interaction in the European Parliament. The growth of Euroscepticism and radicalism, as well as the electoral progress of far-right parties over the past decades demonstrate a considerable strengthening of the position of the European Union far-right parties at the national and international levels. This results in their aspiration to form interna-

tional groups to influence the European political agenda, together with allies. The successful combination of the internal development problems in European states and foreign policy actions is reflected in the political agenda of the far-right parties. Their active response to external challenges, views on the development of the European Union and proposals for dramatic changes lead to the growth of their electoral base. The importance of the far-right parties is surely growing in the international context, and the current Eurosceptic trends promote this process. Having strengthened their positions at the national level, far-right parties are ready for a new stage of international cooperation. Easiness of forming far-right coalitions is not new to political history; however, these unions did not seem to be strong previously. General political moods and events accompanying them provide a new base for forming the International of the far-right. In addition, the Brexit process made a considerable contribution to the development of international cooperation of the right-wing radicals. The paper presents a research on the history of the development of far-right parties in Europe. It analyzes their views, features of modern political climate of the European Union, the experience of coalition interaction, the Brexit factor and its influence on the European political climate.

Keywords: far-right parties; European Union; Brexit; European Parliament; Euroscepticism; international cooperation; Euro elections.

УДК-32:321.7

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-50-66

**ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА «ФАСАДОМ»?
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ЭЛЕКТРОННОГО
УЧАСТИЯ В НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТРАНАХ¹**

Ю. А. Кабанов²

Последнее десятилетие отмечено заметным ростом интереса недемократических стран к электронному участию: онлайн-механизмам взаимодействия с гражданами по вопросам публичной политики, вроде порталов электронных петиций и обращений. Подобные инструменты появляются в самых разных недемократических странах, от постсоветского пространства до Ближнего Востока. Это ведет к переосмыслению соотношения информационных технологий и политического режима. Если ранее Интернет воспринимался как «технология освобождения», то сейчас все больше исследователей склоняется к тому, что он может обеспечивать выживание авторитаризма. В этих условиях электронное участие становится очередным «демократическим институтом», адаптируемым в целях авторитарной консолидации.

Хотя попытки осмыслить этот процесс растут, исследовательская повестка далеко не исчерпана. В данной работе мы суммируем уже имеющиеся знания о функционировании электронного участия в недемократических странах, а также обрисовываем возможные дальнейшие направления исследований. Для этого электронное участие рассматривается как политический курс, институт и процесс.

Как политический курс электронное участие предстает как результат диффузии инноваций и *policy learning*. Наиболее вероятным реципиентом данного курса среди недемократических стран становится тот, кто больше зависит от внешней и внутренней легитимации режима, а также обладает достаточным уровнем развития государственных институтов. Довольно часто электронное участие служит прикрытием репрессивной Интернет-политики и не выходит за пределы вебсайтов.

---

¹ Публикация подготовлена по результатам проекта "Управление в многоуровневых политических системах: наднациональные союзы и федеративные государства (на примере Европейского союза, Евразийского Экономического союза и Российской Федерации)" в рамках Программы фундаментальных исследований ВШЭ.

² Кабанов Юрий Андреевич – преподаватель департамента прикладной политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Санкт-Петербург. E-mail: ykabanov@hse.ru (ORCID: 0000-0002-4011-2010. ResearcherID: L-7012-2015).

В некоторых случаях электронное участие может стать институтом авторитарной консолидации, выполняя схожие с другими «демократическими» институтами функции, вроде сбора информации о предпочтениях и мониторинга за элитами. Для этого онлайн-механизмы должны обладать определенным институциональным дизайном и часто подвергаются манипуляциям. Благодаря этому диктаторам удастся канализировать протестный потенциал в Интернете в контролируемые им пространства.

Об электронном участии как процессе мы знаем пока немного. Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что использование подобных механизмов действительно повышает легитимность режима в глазах граждан. Однако пока только предстоит выяснить, кто, почему и с каким результатом оказывается вовлеченным в недемократическое электронное участие.

Мы полагаем, что более тесная интеграция сравнительного авторитаризма и *E-Participation Studies* усилит исследования в обеих дисциплинах.

Ключевые слова: авторитарный режим; электронное участие; авторитарная консолидация; диффузия инноваций; гражданское участие.

Введение

Выживание авторитарных режимов часто обуславливается тем, насколько успешен диктатор в выстраивании отношений с элитами [12; 21; 27; 59], в то время как гражданам отводится довольно второстепенная роль. Это справедливо лишь отчасти, и дело не только во вполне реальной опасности массовых протестов [60]. За пределами политической борьбы авторитарные правительства вынуждены постоянно взаимодействовать с обществом через политические курсы, осуществляя в широком смысле управление. И в этом, как подчеркивают С. Гуриев и Д. Трейзман, диктаторам все актуальнее быть, или казаться, компетентными [37].

Вероятно, поэтому они все чаще делают вид, что им важно мнение граждан по вопросам публичной политики. Для этого учреждаются разнообразные механизмы общественного участия – как офлайн, так и онлайн. Последние, вроде интернет-опросов, петиций и обращений, часто объединяются термином *электронное участие (э-участие)* и составляют предмет данной статьи.

В последние годы механизмы э-участия получили широкое и стремительное распространение в самых разных авторитарных контекстах: от электоральных режимов до монархий [5], и приобрели характеристику «потемкинских электронных деревень» [47], фасадом авторитарного правления.

Но что скрывается за фасадом? В действительности, эта тенденция позволяет задуматься о многих чертах современного авторитаризма и его стратегиях

выживания: от способности учиться инновациям до умения адаптировать демократические институты. Почему одни автократии активнее внедряют инструменты э-участия, чем другие? Способствуют ли они демократизации или авторитарной консолидации? Наконец, как эти инструменты влияют на процесс принятия решений и на самих граждан?

Данная статья не дает исчерпывающих ответов на эти вопросы. Ее задача заключается в суммировании того, что уже известно о феномене э-участия в недемократических странах, а также в определении возможных направлений дальнейших исследований. Это, как представляется, позволит обогатить две развивающиеся отрасли знаний – сравнительный авторитаризм, с одной стороны, и междисциплинарное поле *E-Participation Studies*, с другой.

Электронное участие и авторитаризм: что мы (не) знаем?

Рост интереса недемократических стран к э-участию стал особенно заметен во втором десятилетии XXI в., о чем мы знаем благодаря Индексу электронного участия ООН (*UN E-Participation Index*), оценивающему правительственные сайты на наличие инструментов информирования (*e-information*), консультирования (*e-consultation*) и участия (*e-decision-making*)¹. Высокие показатели некоторых автократий в рейтинге и заставили ученых по-новому взглянуть на соотношение э-участия и политического режима.

Одни авторы высказали обоснованное сомнение в валидности измерений [34; 35], сопряженное с попытками сделать их более «чувствительными» к режиму [53]. И действительно, рейтинг ООН ничего не говорит о реальном использовании э-участия. Однако его режимная «нейтральность» открыла интересную исследовательскую перспективу, зафиксировав стремление недемократических стран, если не внедрить э-участие, то хотя бы быть выше в самом рейтинге, через «подгонку» сайтов под критерии экспертов ООН [9].

Подобное положение вещей шло вразрез с прежними представлениям о том, что э-участие, как и э-правительство, оказываются для авторитарных стран либо непосильными, либо неинтересными, либо опасными [63; 52; 47]. Правда, уже на ранних этапах «демократическая» переменная работала не всегда, оказываясь то значимо положительным [43], то значимо отрицательным фактором [78]. Сейчас же способность отдельных авторитарных стран внедрять сопоставимые с демократиями технологии вызывают мало сомнений [45; 70].

---

1 UN E-Participation Index. Available at: URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/about/overview/e-participation>.

На первый взгляд, ничего нового и необычного в этом нет. Каналы, позволяющие рядовым гражданам обратиться с жалобой и предложением, существовали и ранее в различных авторитарных странах. Например, механизм обращений граждан в СССР, по мнению Е. Богдановой, мог влиять на принятие решений и представлял «наиболее легитимную возможность отстаивания интересов гражданами» [1:141]. Жалобы и доносы служили и инструментом контроля, и каналом «обратной связи» [2: 23–24]. Подтверждается это и выводом М. Димитрова, что в социалистической Болгарии анализ жалоб был даже более важным источником информации, чем выборы [23].

Однако э- участие не является простой реинкарнацией прежних институтов. Во-первых, речь идет о глобальной волне распространения инновации, где на прежние представления о формах участия наслаивается дискурс демократизации и неолиберальной идеологии государственного управления [65]. В некоторых странах, как в России, происходит гибридизация прошлого опыта с новыми тенденциями [64], где-то подобные институты создаются «с нуля». В любом случае, с количественным ростом каналов э-участия усиливается и их переосмысление в различных контекстах.

Во-вторых, э-участие затрагивает не только проблему участия граждан, но и роли инноваций, в частности, Интернета в динамике авторитарного режима. Это еще один повод задуматься, является ли он «технологией освобождения» [22] или инструментом авторитарного контроля [31]. Хотя э-участие и контролируется государством, для его дальнейшего развития нужен Интернет, а значит открываются возможности для мобилизации [66].

Иными словами, несмотря на заметную преемственность, э-участие все-таки представляется и количественно, и качественно новым этапом развития гражданского участия в авторитарном контексте.

Первая проблема, с которой сталкиваются исследователи, заключается в однозначном разграничении э-участия на «демократическое» и «авторитарное». Это сделать сложнее, чем в случае участия офлайн, поскольку неэффективность последнего в авторитаризме легче поддается выявлению. Действительно, э-участие в автократиях не оказывает существенного влияния на качество управления или снижение коррупции [54], но проблема в том, что и в демократиях подобные эффекты новых технологий вызывают сомнения [7].

Поскольку связь между э-участием и режимом ослабевает и на уровне причин, и на уровне эффектов, резонно обратиться к другим объяснениям. Наиболее очевидным представляется фокус на организационных, финансовых, технологических возможностях государства, качестве институтов и человеческом капитале [20; 41].

И тем не менее, одной лишь способностью («потому что могут») нельзя объяснить всего. Почему э-участие оказывается на повестке дня самых разных недемократических стран: от Китая и Казахстана до ОАЭ и России? Почему рост интереса начинается с 2010–2012 гг.? Наконец, как объяснить высокий уровень флуктуации этих стран в Индексе ООН? Яркими примерами здесь являются ОАЭ, поднявшиеся с 79-го места в 2012 г. на 19-е в 2016 г., или Казахстан, вырвавшийся на 3-е место в 2012 г. и опустившийся на 67-е в 2016 г.¹

Поэтому на первый план выходят не только способности государств, но и их мотивация. Многие авторы задумались о том, что за внедрением технологий стоит стремление к дополнительной легитимации через своеобразный «электронный образ» государства, свидетельствующий о его современности, открытости и стабильности [15; 74].

Отсюда, как показала работа И. Острема и др., демократические и недемократические государства отличаются тем, на кого направлено э-участие. Если мотивация первых формируется изнутри через давление гражданского общества, то последние ориентируются на международную социализацию и привлечение инвестиций [5].

Новый этап развития этой гипотезы заключается в поиске различий в стратегиях легитимации уже внутри группы авторитарных стран. И такие различия находятся: если закрытые гегемонистские режимы действительно склонны создавать порталы «на экспорт», то соревновательные автократии используют э-участие и для внутренней легитимации [58]. Более того, как показывает исследование М. Кнойера и С. Харниша, различия в мотивации связаны с типом режима (так, охотнее всего э-участие внедряют монархии), а также с отдельными «кризисами легитимности», вроде финансового кризиса 2008 г. и Арабской весны [50].

Среди авторитарных стран явно выделяется группа, где э-участие оказывается наиболее вероятным и успешным. Их называют по-разному: «электронными гегемониями» [67], «сетевыми автократиями» [57], странами с «двойной стратегией» [46]. Все эти термины роднит не только высокий уровень проникновения ИКТ, но и значительная степень цензуры в Интернете.

Таким образом, за последние несколько лет исследования значительно продвинулись в осмыслении заметного роста механизмов э-участия в недемократических странах. Ключевым стал отход от простой дихотомии «демократия – авторитаризм» к оценке более сложной динамики внутри отдельных типов авторитарного режима, а также фокус на легитимирующем потенциале новых

---

¹ UN E-Participation Index...

технологий. Однако пока единой объяснительной модели нет. Кроме того, данный кластер количественных работ не позволяет увидеть, что происходит с этой инновацией дальше. Глядя на цифры рейтинга ООН, мы в действительности не знаем, существует ли э-участие за пределами веб-сайтов.

Опыт институционализации э-участия хорошо изучен на примере Китая. Именно отсюда появляется понятие *консультативного авторитаризма*, «в котором власть использует коммуникацию для сбора предпочтений от [граждан], и принимает их предпочтения во внимание ... для процесса принятия решений» [40, 273]. В теории, развитие практик участия мыслится как движение в сторону делиберативного авторитаризма – сочетания делиберативных практик с неизменностью концентрации власти [40].

Как и в рассмотренном ранее случае посткоммунистических стран, э-участие в Китае ложится на почву выстроенной системы «аналоговых» институтов участия, позволивших стране канализировать общественное недовольство в контролируемые режимом институты [62], попутно собирая информацию для более эффективного управления [40]. В этом смысле сотрудничество с гражданами мыслится не только в терминах политического выживания, но и в русле оперативного решения социально-экономических задач [72; 79]. Оба этих компонента, в конечном счете, должны работать вместе на повышение легитимности власти [44].

Вполне естественно, что такие благоприятные для режима эффекты могут наблюдаться лишь в том случае, если (1) участие граждан предполагается, и (2) институциональный дизайн э-участия особым образом настроен.

Немногочисленные работы, посвященные анализу э-участия как процесса вовлечения граждан, действительно находят интересные закономерности. Так, Р. Труэкс определил, что участие в работе государственных интернет-порталов в Китае действительно повышает восприятие гражданами режима как легитимного и открытого. Впрочем, это, скорее, относится к менее образованным слоям населения [75]. Помимо социальных характеристик, важен и институциональный дизайн порталов: работа П. Уоллина доказывает, что авторизация на порталах под собственным именем заставляет граждан проявлять большую лояльность к власти [77]. Дж. Чен и Й. Сей показали, что онлайн-обсуждения еще и приводят к расколу между самими гражданами, заставляя их обвинять в неправильной политике друг друга, а не власть [17].

Аутентификация – не единственный инструмент контроля э-участия. Во-первых, правительство обладает значительной дискрецией в том, какие мнения граждан учитывать [30; 75], и зачастую отзывчивость власти обеспечивается лишь в случае серьезного давления «сверху» или «снизу» [16]. Во-вторых, ре-

пертуар подобного участия сильно ограничен как перечнем тем (локальные вопросы публичной политики), так и отсутствием возможности коллективной мобилизации на порталах [30]. В-третьих, активность приветствуется только на государственных каналах, в то время как остальное интернет-пространство находится под пристальным контролем [49].

Однако и здесь важен баланс, поскольку чрезмерная имитация этого института чревата, поскольку может усугубить некомпетентность власти в глазах граждан, что используется оппозицией для ее дискредитации [24].

Таким образом, из обзора литературы выкристаллизовывается три базовых направления исследований э-участия в авторитарном контексте. Первое ориентировано преимущественно на количественные исследования, фиксирующие и объясняющие паттерны распространения э-участия. Здесь э-участие понимается, скорее, как политический курс, успешность принятия которого (или актуальность его в повестке дня) отражается в Индексе ООН.

Второе направление призвано раскрыть более глубокую динамику функционирования э-участия, и с этой точки зрения последнее мыслится как институт, формирующий правила взаимодействия государства и общества, и оказывающий влияние на политическую систему.

Наконец, третье, и наименее представленное направление, непосредственно анализирует собственно процесс: вовлеченность и участие граждан на интернет-каналах, его причины и эффекты.

Представляется, что дальнейшая проработка этих направлений ценна не только для осмысления э-участия *per se*, но и для понимания важных процессов современной практики выживания авторитарных режимов. Это, соответственно, обучение *policy learning* и авторитарная модернизация, авторитарная консолидация и роль институтов, а также участие граждан и их восприятие политического режима.

Исследовательская программа: возможные направления

Э -участие как политический курс: авторитарная диффузия. Как показывают последние исследования, заимствование политических курсов и институтов – как друг у друга, так и у демократий, – является существенным элементом устойчивости авторитарных стран [4; 42; 39]. Э-участие укладывается в логику подобной авторитарной диффузии [50], хотя ее каналы пока не вполне ясны. Наиболее вероятным «нулевым пациентом» является Сингапур, не поки-

давший первую десятку Индекса ООН за время наблюдений,¹ хотя сейчас говорят о нескольких волнах и разных каналах диффузии, зависящих от географии и типов режимов [50].

На данный момент исследованиям диффузии э-участия не хватает единой объяснительной модели, и среди множества таких в области *policy learning* [71], наиболее полной и подходящей представляется модель Ф. Берри и В. Берри, согласно которой готовность внедрить инновацию определяется: 1) мотивацией акторов; (2) препятствиями и ресурсами для их преодоления; (3) другими курсами и (4) внешними факторами [8].

Важнейшим аспектом мотивации, по-видимому, можно считать стремление к легитимации [5; 50; 58], которая наряду с кооптацией и репрессиями становится ключевой опорой режима [29]. Однако еще предстоит уточнить, с какими именно притязаниями на легитимность диффузия э-участия связана сильнее всего: отзывчивость и «демократичность» власти [25], включенность в мировое сообщество или эффективность государственного управления [76], а также как связь притязаний и э-участия связана с типом авторитарного режима [50]?

Следует учитывать и необходимость минимизации технологических и административных рисков на пути развития инновации, для чего нужны ресурсы и определенная *state capacity*, которая выражается как в контроле над населением и территорией, так и в «способности бюрократии выполнять поставленные перед ней задачи» [73]. Некоторые консолидированные авторитарные страны имеют сопоставимый с демократиями уровень возможностей [6], что позволяет им успешно внедрять политические курсы. Не следует забывать и об *agency*, когда в отсутствие достаточного качества государственных институтов в ход идет политическая воля и внимание к курсу со стороны ключевых игроков [28].

Остальные элементы модели пока встречаются в литературе довольно редко и нуждаются в эмпирической проверке. В частности, речь идет о сопутствующих политических курсах, вроде регулирования рынка телекоммуникаций [36], политики в области э-правительства [51], цензуры в Интернете [46; 57]. Есть основания полагать, что репрессивная политика в Сети тесно связана с попытками «прикрыть» ее э-участием, а монополизация телекоммуникационной отрасли позволяет авторитарным правительствам более эффективно претворять его в жизнь. Следует отметить и важность внешних факторов («внешних шоков»), например, кризисов легитимности [50], которые должны получить отражение в модели диффузии.

---

¹ UN E-Participation Index...

Э-участие как институт. Как показывает опыт Китая, если э-участие предполагает хотя бы минимальную работоспособность и не ориентировано исключительно вовне, перед диктатором неизбежно возникает проблема институционального выбора и неопределенности. «Необитаемые» вебсайты вряд ли полезны [7] и играют против режима [24], а чрезмерная свобода чревата мобилизацией. Как пишет А. Шедлер, «пока политические институты не получили минимальную власть и автономию, они не могут внести независимый вклад в авторитарное управление и выживание, но как только политические институты [их] получают, они могут повернуться против диктатора» [69: 73].

Хотя э-участие на первый взгляд не столь значимо, как другие институты, интересно, как решается дилемма в этом случае. Многие указывают на умение авторитарных стран справиться с ней в свою пользу, превращая э-участие в инструмент авторитарной консолидации [3; 33]. Черты консолидации: повышение управляемости, отзывчивости и укорененности власти в обществе [32; 33], – вполне логично встраиваются в функционал э-участия.

Оценка вклада э-участия в авторитарную консолидацию возможна через выявление тех функций, которое оно выполняет. Здесь, как мне видится, у онлайн-петиций и опросов много общего с другими псевдодемократическими институтами, вроде партий и выборов. Как пишет Д. Бранкати, они выполняют множество функций: (1) *сигнал* оппозиции о силе режима; (2) *сбор информации*; (3) *распределение патронажа*; (4) *credible commitment*; (5) *мониторинг* за элитами [14]. Эту классификацию можно использовать в качестве начальной точки поиска. При этом сигнальная, информационная и мониторинговая функции э-участия кажутся наиболее вероятными.

Очевидно, что, как и другие институты, э-участие не избегает манипуляций, что отчетливо видно на примере того же Китая. Подобное «меню манипуляций» [68] вытекает, в первую очередь, из институционального дизайна э-участия. Даже в демократических странах результаты э-участия ставятся в зависимости от особенностей организации и регулирования коммуникации на разных площадках, равно как и от способов учета этих результатов при принятии решений [38; 56].

Гипотетическое «меню манипуляций» э-участием довольно разнообразно: это и *манипуляции на «входе»*, вроде именной авторизации на порталах, ограничения репертуара возможных тем обсуждений и предварительной модерации, и *манипуляции процесса* (сокращение возможностей коллективного обсуждения инициатив, «накрутка» сообщений и голосов и т.п.), а также *манипуляции на выходе*: отсутствие реальных механизмов учета мнения граждан; чрезмерная дискреция в отборе инициатив; наличие «амортизирующих» институтов

между порталом э-участия и органами власти (комиссии и пр.). Этот перечень, конечно, нуждается в дальнейшей эмпирической проверке.

Э-участие как процесс. Процессы э-участия в авторитарных странах остаются наименее изученным аспектом этого феномена. Кто, почему и с каким результатом оказывается вовлеченным? Играть ли роль социально-экономические и демографические факторы [13]?

Опыт изучения демократий подсказывает, что Интернет мало поменял ситуацию, и э-участие не избежало неравенства с точки зрения гендера, образования и дохода [10; 55; 61]. Применима ли данная стратегия объяснения к авторитариям? На интуитивном уровне подобное предположение правдоподобно, поскольку э-участие изначально предполагает некий порог «входа» вроде ИКТ-навыков и иных ресурсов. Однако эффект, скажем, образования, может быть противоположным [18] и нуждается в проверке.

Следует проверить и иную перспективу, основанную на институциональном подходе и подчеркивающую значение «правил игры», выгод и издержек участия [11]. Особо важным фактором здесь видится *political efficacy* [26; 48], которая не в последнюю очередь определяется и институциональным дизайном э-участия.

Немногочисленные работы, построенные на китайском материале [75; 77], дают хорошую основу для изучения влияния вовлеченности граждан в работу порталов э-участия на их восприятие легитимности и эффективности режима. Анализ иных кейсов и их сопоставление существенно усилить имеющиеся на данный момент выводы.

Заключение

В то время как исследования э-участия в авторитарном контексте только набирают обороты, появляются свидетельства и некоторого отхода от этой политики¹. Очевидно, что по мере спада ажиотажа вокруг данной инновации, будет усиливаться дифференциация между теми, кто «наигрался» и теми, кто увидел в э-участии потенциал к укреплению режима с точки зрения как выживания, так и управления. Будет усиливаться и разрыв между теми, кто провалил реформу из-за нехватки ресурсов, эффективности бюрократии или отсутствия антрепренеров, и теми, кому удалось успешно провести проект авторитарной модернизации в жизнь. Тем интереснее будет анализировать судьбу проектов э-участия в широкой сравнительной перспективе.

---

¹ Крашениников Ф. Куда зашло открытое правительство? // Ведомости. 2018. 23 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/05/23/770376-otkritoe-pravitelstvo>.

Указанная в обзоре проблематика пока содержит больше вопросов, чем ответов. И ответы, которые могут быть даны, позволят по-новому взглянуть не только на э-участие, но и на тенденции развития современных авторитарных режимов. Представленные в работе направления исследований э-участия: как политического курса, института и процесса, – затрагивают большое число тем, представляющих растущий интерес в сравнительной политологии и политическом анализе.

В целом, мы полагаем, что интеграция наработок в области сравнительного авторитаризма и *E-Participation Studies* станет шагом в развитии обеих дисциплин. Если первая получит новый показательный случай адаптации «демократических» институтов в целях авторитарной консолидации, вторая выиграет за счет более эмпирической повестки, переносящей дискуссию с технологически детерминированных нормативных суждений на анализ ИКТ в контексте властных отношений. Большое значение для такой интеграции будут иметь сравнительные исследования, дополненные глубоким анализом отдельных случаев.

Библиографический список

1. Богданова Е.А. Обращения граждан в органы власти как опыт отстаивания своих интересов в условиях позднесоветского общества (1960–1970-е гг.): дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2006 [Bogdanova E.A. Obrashcheniya grazhdan v organy vlasti kak opyt otstaivaniya svoikh interesov v usloviyakh pozdnesovetskogo obshchestva (1960–1970-e gody). Dis. kand. sotsiol. nauk [Citizens' Appeals to Public Authorities as a Practice of Defending Interests in the Conditions of the Late Soviet Society (1960-1970s). Cand. soc. sci. diss. St. Petersburg, 2006].
2. Сунгуров А.Ю. Функции политической системы и их изменения в процессе российского транзита. СПб., 2008 [Sungurov A. Yu. Funktsii politicheskoy sistemy i ikh izmeneniya v protsesse rossiyskogo tranzita [Functions of Political System and Their Changes in the Process of the Russian Transit. St. Petersburg, 2008].
3. Ambrosio T. Beyond the Transition Paradigm: A Research Agenda for Authoritarian Consolidation // *Demokratizatsiya*. 2014. Vol. 22. No. 3. P. 471–494.
4. Ambrosio T. Constructing a Framework of Authoritarian Diffusion: Concepts, Dynamics, and Future Research // *International Studies Perspectives*. 2010. Vol. 11. No. 4. P. 375–392.

5. *Åström J. et al.* Understanding the Rise of E-Participation in Non-Democracies: Domestic and International Factors // *Government Information Quarterly*. 2012. Vol. 29. No. 2. P. 142–150.
6. *Bäck H., Hadenius A.* Democracy and State Capacity: Exploring a J Shaped Relationship // *Governance*. 2008. Vol. 21. No. 1. P. 1–24.
7. *Bekkers V., Homburg V.* The Myths of E-government: Looking Beyond the Assumptions of a New and Better Government // *The Information Society*. 2007. Vol. 23. No. 5. P. 373–382.
8. *Berry F.S., Berry W.D.* Innovation and Diffusion Models in Policy Research // *Theories of the Policy Process*. Ed. by Paul A. Sabatier and Christopher M. Weible. Boulder: Westview Press, 2014. P. 307–362.
9. *Bershadskaya L., Chugunov A., Trutnev D.* E-government in Russia: Is or Seems? // *Proceedings of the 6th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance*. ACM, 2012. P. 79–82.
10. *Best S. J., Krueger B. S.* Analyzing the Representativeness of Internet Political Participation // *Political Behavior*. 2005. Vol. 27. No. 2. P. 183–216.
11. *Bimber B., Flanagin A. J., Stohl C.* Reconceptualizing Collective Action in the Contemporary Media Environment // *Communication Theory*. 2005. Vol. 15. No. 4. P. 365–388.
12. *Boix C., Svolik M. W.* The Foundations of Limited Authoritarian Government: Institutions, Commitment, and Power-Sharing in Dictatorships // *The Journal of Politics*. 2013. Vol. 75. No. 2. P. 300–316.
13. *Brady H.E., Verba S., Schlozman L.* Beyond SES: A Resource Model of Political Participation // *American Political Science Review*. 1995. No. 89. P. 271–294.
14. *Brancati D.* Democratic Authoritarianism: Origins and Effects // *Annual Review of Political Science*. 2014. Vol. 17. P. 313–326.
15. *Chadwick A.* The Electronic Face of Government in the Internet Age: Borrowing from Murray Edelman // *Information, Communication & Society*. 2001. Vol. 4. No. 3. P. 435–457.
16. *Chen J., Pan J., Xu Y.* Sources of Authoritarian Responsiveness: A Field Experiment in China // *American Journal of Political Science*. 2016. Vol. 60. No. 2. P. 383–400.
17. *Chen J., Xu Y.* Authoritarian Governance with Public Communication // *Annual Conference of the Midwest Political Science Association, Chicago*. 2014.
18. *Croke K. et al.* Deliberate Disengagement: How Education Can Decrease Political Participation in Electoral Authoritarian Regimes // *American Political Science Review*. 2016. Vol. 110. No. 3. P. 579–600.
19. *Curtin D., Meijer A. J.* Does Transparency Strengthen Legitimacy? // *Information Polity*. 2006. Vol. 11. No. 2. P. 109–122.

20. *Dada D.* The Failure of E Government in Developing Countries: A Literature Review // The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. 2006. Vol. 26. No. 1. P. 1–10.

21. *De Mesquita B. B. et al.* The Logic of Political Survival. MIT Press, 2005.
22. *Diamond L.* Liberation technology // *Journal of Democracy*. 2010. Vol. 21. No. 3. P. 69–83.
23. *Dimitrov M. K.* What the Party Wanted to Know: Citizen Complaints as a “Barometer of Public Opinion” in Communist Bulgaria // *East European Politics and Societies*. 2014. Vol. 28. No. 2. P. 271–295.
24. *Distelhorst G.* The power of Empty Promises: Quasi- democratic Institutions and Activism in China // *Comparative Political Studies*. 2017. Vol. 50. No. 4. P. 464–498.
25. *Dukalskis A., Gerschewski J.* What Autocracies Say (and What Citizens Hear): Proposing Four Mechanisms of Autocratic Legitimation // *Contemporary Politics*. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 251–268.
26. *Finkel S. E.* Reciprocal Effects of Participation and Political Efficacy: A Panel Analysis // *American Journal of Political Science*. 1985. Vol. 29. No. 4. P. 891–913.
27. *Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. No. 11. P. 1279–1301.
28. *Gel'man V., Starodubtsev A.* Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernisation: Russian Policy Reforms in the 2000s // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68. No. 1. P. 97–117.
29. *Gerschewski J.* The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes // *Democratization*. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 13–38.
30. *Gilley B.* The Limits of Authoritarian Resilience // *Journal of Democracy*. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 18–26.
31. *Goebel C.* The Innovation Dilemma and the Consolidation of Autocratic Regimes. 2013. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2287539>.
32. *Goebel C., Lambach D.* Charting the Dark Side of the Moon: Regime Responsiveness, Authoritarian Consolidation and the (In-) Stability of Authoritarian Regimes. Available at: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_1073.pdf.
33. *Goebel C.* The Information Dilemma: How ICT Strengthen or Weaken Authoritarian Rule // *Statsvetenskaplig tidskrift*. 2013. Vol. 4. P. 385–402.
34. *Grönlund Å.* Connecting eGovernment to Real Government. The Failure of the UN eParticipation Index // *International Conference on Electronic Government*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2011. P. 26–37.
35. *Grönlund Å.* ICT Is Not Participation Is Not Democracy – eParticipation Development Models Revisited // *International Conference on Electronic Participation*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2009. P. 12–23.
36. *Gulati G. J., Yates D. J.* Strategy, Competition and Investment: Explaining the Global Divide in E-government Implementation with Policy Variables //

- Electronic Government, an International Journal. 2011. Vol. 8. No. 2–3. P. 124–143.
37. *Guriev S., Treisman D.* How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of the New Authoritarianism // National Bureau of Economic Research, 2015. Working Paper No. 21136.
38. *Hale S. A. et al.* How Digital Design Shapes Political Participation: A Natural Experiment with Social Information // PloS ONE. 2018. Vol. 13 (4). P. e0196068.
39. *Hall S. G. F., Ambrosio T.* Authoritarian Learning: a Conceptual Overview // East European Politics. 2017. Vol. 33. No. 2. P. 143–161.
40. *He B., Warren M. E.* Authoritarian Deliberation: The Deliberative Turn in Chinese Political Development // Perspectives on Politics. 2011. Vol. 9. No. 2. P. 269–289.
41. *Heeks R.* Do Information and Communication Technologies (ICTs) Contribute to Development? // Journal of International Development. 2010. Vol. 22. No. 5. P. 625–640.
42. *Heydemann S., Leenders R.* Authoritarian Learning and Authoritarian Resilience: Regime Responses to the ‘Arab Awakening’ // Globalizations. 2011. Vol. 8. No. 5. P. 647–653.
43. *Jho W., Song K. J.* Institutional and Technological Determinants of Civil e-Participation: Solo or Duet? // Government Information Quarterly. 2015. Vol. 32. No. 4. P. 488–495.
44. *Jiang M., Xu H.* Exploring Online Structures on Chinese Government Portals: Citizen Political Participation and Government Legitimation // Social Science Computer Review. 2009. Vol. 27. No. 2. P. 174–195.
45. *Kabanov Yu., Romanov B.* Interaction between the Internet and the Political Regime: An Empirical Study (1995–2015) // International Conference on Digital Transformation and Global Society. Springer, Cham, 2017. P. 282–291.
46. *Karlsson M.* Carrots and Sticks: Internet Governance in Non-Democratic Regimes // International Journal of Electronic Governance. 2013. Vol. 6. No. 3. P. 179–186.
47. *Katchanovski I., La Porte T.* Cyberdemocracy or Potemkin e-villages? Electronic governments in OECD and Post-Communist Countries // International Journal of Public Administration. 2005. Vol. 28. No. 7-8. P. 665–681.
48. *Kenski K., Stroud N. J.* Connections between Internet Use and Political Efficacy, Knowledge, and Participation // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2006. Vol. 50. No. 2. P. 173–192.
49. *King G., Pan J., Roberts M. E.* How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression // American Political Science Review. 2013. Vol. 107. No. 2. P. 326–343.
50. *Kneuer M., Harnisch S.* Diffusion of E-government and E-participation in Democracies and Autocracies // Global Policy. 2016. Vol. 7. No. 4. P. 548–556.

51. *Krishnan S., Teo T. S. H., Lymm J.* Determinants of Electronic Participation and Electronic Government Maturity: Insights from Cross-Country Data // *International Journal of Information Management*. 2017. Vol. 37. No. 4. P. 297–312.
52. *Lee C., Chang K., Berry F. S.* Testing the Development and Diffusion of E-government and E-democracy: A Global Perspective // *Public Administration Review*. 2011. Vol. 71. No. 3. P. 444–454.
53. *Lidén G.* Technology and Democracy: Validity in Measurements of E-democracy // *Democratization*. 2015. Vol. 22. No. 4. P. 698–713.
54. *Linde J., Karlsson M.* The Dictator's New Clothes: The Relationship Between E-Participation and Quality of Government in Non-Democratic Regimes // *International Journal of Public Administration*. 2013. Vol. 36. No. 4. P. 269–281.
55. *Lindner R., Riehm U.* Broadening Participation through E Petitions? An Empirical Study of Petitions to the German Parliament // *Policy & Internet*. 2011. Vol. 3. No. 1. P. 1–23.
56. *Lindner R., Riehm U.* Electronic petitions and institutional modernization. International parliamentary e-petition systems in comparative perspective // *JeDEM- eJournal of eDemocracy and Open Government*. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 1–11.
57. *MacKinnon R.* China's "Networked authoritarianism" // *Journal of Democracy*. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 32–46.
58. *Maerz S. F.* The electronic face of authoritarianism: E-government as a tool for gaining legitimacy in competitive and non-competitive regimes // *Government Information Quarterly*. 2016. Vol. 33. No. 4. P. 727–735.
59. *Magaloni B.* Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41. No. 4–5. P. 715–741.
60. *Magaloni B., Wallace J.* Citizen Loyalty, Mass Protest and Authoritarian Survival / *Conference on Dictatorships: Their Governance and Social Consequences*, Princeton University. 2008.
61. *Min S. J.* From the Digital divide to the Democratic Divide: Internet skills, Political Interest, and the Second-Level Digital Divide in Political Internet Use // *Journal of Information Technology & Politics*. 2010. Vol. 7. No. 1. P. 22–35.
62. *Nathan A. J.* Authoritarian Resilience // *Journal of Democracy*. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 6–17.
63. *Norris P.* Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. NY: Cambridge University Press, 2001.

64. *Owen C.* A Genealogy of Kontrol' in Russia: From Leninist to Neoliberal Governance // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. No. 2. P. 331–353.
65. *Owen C., Bindman E.* Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia // *Government and Opposition*. 2017. P. 1–23.

66. *Ruijgrok K.* From the Web to the Streets: Internet and Protests under Authoritarian Regimes // *Democratization*. 2017. Vol. 24. No. 3. P. 498–520.
67. *Santaniello M., Amoretti F.* Electronic Regimes: Democracy and Geopolitical Strategies in Digital Networks // *Policy & Internet*. 2013. Vol. 5. No. 4. P. 370–386.
68. *Schedler A.* The New Institutionalism in the Study of Authoritarian Regimes // *Totalitarismus und Demokratie*. 2009. Vol. 6. No. 2. P. 323–340.
69. *Schedler A.* The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism. Oxford: Oxford University Press, 2013.
70. *Stier S.* Political Determinants of E -Government Performance Revisited: Compar-ing Democracies and Autocracies // *Government Information Quarterly*. 2015. Vol. 32. No. 3. P. 270–278.
71. *Stone D.* Transfer and Translation of Policy // *Policy Studies*. 2012. Vol. 33. No. 6. P. 483–499.
72. *Teets J. C.* Let Many Civil Societies Bloom: The Rise of Consultative Authoritarianism in China // *The China Quarterly*. 2013. Vol. 213. P. 19–38.
73. *Thorsen M., Grundholm A. T., Ulrichsen D.* State Capacity, Democracy, and Human Development. Paper prepared for the Annual meeting of the Danish Political Science Association on October 27–28, 2016.
74. *Tomkova J.* E-consultations: New tools for civic engagement or facades for political correctness // *European Journal of ePractice*. 2009. Vol. 7. P. 45–55.
75. *Truex R.* Consultative Authoritarianism and Its Limits // *Comparative Political Studies*. 2017. Vol. 50. No. 3. P. 329–361.
76. *Von Soest C., Grauvogel J.* Comparing legitimation strategies in Post-Soviet countries // *Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia*. Palgrave Macmillan, London, 2016. P. 18–46.
77. *Wallin P.* Authoritarian Collaboration. Unexpected Effects of Open Government Initiatives in China. Linnaeus University Dissertations. No. 200/2014. Linnaeus University Press, 2014. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:762016/FULLTEXT02>.
78. *Williams C. B., Gulati G. J. J., Yates D. J.* Predictors of on-line services and e-participation: a cross-national comparison // *Proceedings of the 14th Annual International Conference on Digital Government Research*. ACM, 2013. P. 190–197.
79. *Yan X., Xin G.* Reforming Governance under Authoritarianism: Motivations and Pathways of Local Participatory Reform in the People’s Republic of China // *Democratization*. 2017. Vol. 24. No. 3. P. 405–424.

WHAT IS BEYOND THE FAÇADE? RESEARCH PROGRAM OF E-PARTICIPATION IN NON-DEMOCRACIES

Yu. A. Kabanov

Lecturer, Department of Applied Political Science,
National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russia

Currently, non-democracies are showing a significant interest in e-participation tools, i.e. in various online mechanisms for citizen participation in public policy, such as e-petitions and e-consultations. Such instruments can be found in a vast range of countries from the post-Soviet space to the Middle East. This leads to new interpretations of the role ICT play in regime dynamics, and describes the peculiarities of contemporary authoritarianism. While the Internet has long been considered a *liberation technology*, it is currently viewed as providing stability of the authoritarian regime. In these circumstances, e-participation is becoming another pseudo-democratic institution, adapted as a tool for authoritarian consolidation.

Although the number of works aimed at understanding this phenomenon is increasing, the research agenda is far from being complete. This paper, first, summarizes what we know and do not know about e-participation in authoritarian contexts, and second, outlines several prospects for further research. In this regards, the author considers e-participation as a policy, institution and process.

As a policy, e-participation is the result of the global innovation diffusion and policy learning. The most likely recipient of this innovation among non-democracies is a regime dependent upon internal and external legitimation, as well as having sufficient state potential for reforms. Quite often, e-participation becomes a window-dressing for a repressive Internet-policy and does not go beyond websites.

At the same time, e-participation can become a full-fledged institution of authoritarian consolidation, performing the same functions as other institutions, such as information gathering and monitoring the elites. For this, online mechanisms must have a certain institutional design and manipulation menu. It eventually helps dictators to channel Internet protests into the spaces that are fully controlled by the government.

E-participation in non-democracies as a process remains an underexplored issue. The evidence prove that the use of such mechanisms indeed makes citizens consider the government to be more legitimate. However, it is to be further explained who, why and with what result is engaged into non-democratic e-participation.

The author argues that a stronger integration between comparative authoritarianism and e-participation studies would be beneficial for both areas of research.

Keywords: authoritarianism; e-participation; authoritarian consolidation; policy diffusion; civic participation.

УДК-32:32.019.5(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-67-87

**ЭЙФОРΙΑ ИЛИ ПОХМЕЛЬЕ? АТРИБУЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЦЕССИИ.
РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА¹**

Е. В. Сироткина, М. А. Завадская²

Известно, что экономический спад зачастую транслируется в снижение политической поддержки, однако происходит ли то же самое в условиях всеобщего патриотического подъема? Что становится решающим фактором, когда логика ретроспективного экономического наказания и вознаграждения за геополитические успехи вступают в противоречие («консолидация вокруг знамени»)? Случай России после присоединения Крыма в марте 2014 г. с последовавшим за тем экономическим спадом осенью 2014 г. представляет уникальную возможность исследовать взаимное наложение этих логик. Мы обращаемся к квази-экспериментальной методологии, чтобы ответить на данный вопрос. Опрос включает вопрос об оценке респондентами эффективности работы ключевых федеральных институтов власти: президента, Госдумы и правительства, а также два экспериментальных вопроса насчет отношения к присоединению Крыма и восприятию экономики. Было обнаружено, что оценки работы президента только повышаются в случае получения информации об ухудшающихся экономических условиях («двойной» эффект консолидации вокруг знамени). Вместе с тем

---

1 Данное исследование было проведено при поддержке гранта №16-33-01049-ОГН ОГН-МОЛ-А2 Политика в тяжелые времена: методы обеспечения политической легитимности власти в России, а также Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100". Авторы благодарят Центр сравнительных исторических и политических исследований (ЦСИПИ) ПГНИУ, а именно Андрея Семенова и Алексея Гилева, Лабораторию сравнительных социальных исследований (ЛССИ) НИУ ВШЭ, а именно Эдуарда Понарина, Бориса Соколова, Нику Костенко, Виолетту Корсунову, Олесю Волченко и Анну Широканову; участников семинара PONARS, Генри Хэйла, Джона Ройтера, Пола Гуда и Джоша Такера.

2 Сироткина Елена Викторовна – младший научный сотрудник, Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ. E-mail: Elena.sirotkina@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0296-9558. ResearcherID: P-4549-2017).

Завадская Маргарита Андреевна – Ph.D. in Social and Political Science, старший научный сотрудник, Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ & Европейский университет в Санкт-Петербурге. E-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru; mzavadskaya@hse.ru (ORCID: 0000-0002-3728-4073. ResearcherID: O-1815-2016).

© Сироткина Е.В., Завадская М.А., 2018

эффект эйфории сказывается на оценках правительства и Госдумы в меньшей степени. Примечательно, что оценки работы Госдумы в наибольшей степени подвержены логике «экономического наказания» в сравнении с правительством. Консолидация вокруг знамени действительно смещает уровень политической поддержки, способствуя «разделению политической ответственности между институтами власти и в долгосрочной перспективе, подрывая легитимность законодательной власти».

Ключевые слова: атрибуция политической ответственности; экономическая рецессия; консолидация вокруг знамени; опросный эксперимент.

Введение

В 2013 г. российская экономика демонстрировала признаки стагнации и надвигающейся рецессии. В отличие от кризиса 2008 г. тревожные сигналы стали следствием внутриэкономических дисбалансов и снижения экспортных цен на нефть. К осени 2014 г. покупательская способность российских граждан резко снизилась, в том числе и как результат вступления в силу международных санкций и контрсанкций. В то же время присоединение Крыма в марте 2014 г. привело к аномальному росту политических рейтингов Владимира Путина до рекордных показателей в 80% [14]¹. Феномен резкого роста политической поддержки в условиях геополитической мобилизации получил в исследованиях международных отношений название консолидации или объединения «вокруг знамени» ('rally around the flag') [20]. Несмотря на усиливающиеся кризисные явления в экономике и даже валютный кризис осени 2014 г. никак не повлияли на высокие рейтинги поддержки.

Динамика политической поддержки, как правило, отражает не только восприятие экономических изменений, но и иных явлений. К тому же поддержка и атрибуция ответственности опосредуются институциональным дизайном – партийной системой, конституцией и избирательной системой – которые смещают значимость тех или иных институтов в глазах избирателей (президентов или премьер-министров), облегчают или затрудняют атрибуцию политической ответственности. В целом, электоральные демократии предоставляют институциональные механизмы наказания в случае непопулярной политики, в то время, как в электоральных авторитарных режимах такой возможности у граждан фактически нет. Таким образом, массовые опросы, проведенные независимыми полстерами, являются, по сути, единственным источником информации об уровне политической поддержки, особенно учитывая фальсификацию предпочтений и иные искажения [7].

---

¹ Предыдущие исследования (см. Frye et al. 2017) подтверждают, что «истинные» предпочтения россиян несущественно отклоняются от результатов опросов.

Исследования, посвященные феномену объединения «вокруг знамени» и динамике экономической поддержки в условиях кризиса [12; 26; 9; 13; 2], практически обходят стороной вопрос о том, что происходит в случае единовременного роста патриотических настроений и экономического спада. Начиная с 1990 г. насчитывается несколько случаев совпадения экономического спада и патриотической мобилизации: война в Персидском заливе (США, 1990 и 1992 гг.), война между Израилем и Ливаном в 2002 г., военная операция «Болеас» в ЮАР в 1998 г., конфликт между Турцией и Ираком в 2007 г. и колумбийская агрессия против Эквадора и Венесуэлы в 2008 г. Россия оказывалась в подобных обстоятельствах за последние два десятилетия неоднократно: в 1999 г. после экономического кризиса, совпавшего с началом второй чеченской кампании; в 2008 г., когда мировой финансовый кризис 2008 г. совпал с конфликтом в Южной Осетии и, наконец, крымские события 2014 г. и начало рецессии.

Обычно эффект объединения «вокруг знамени» на политическую поддержку длится от одного до нескольких месяцев, затем возвращается к прежним показателям. Однако российский уровень поддержки властей остается неизменным и после весны 2014 г., несмотря на ухудшающиеся экономические условия. В данном исследовании мы задаемся вопросом, как и насколько эффект консолидации «вокруг знамени» помогает политическим элитам обеспечивать высокие уровни политической поддержки в «тяжелые времена» и насколько данный эффект способствует размыванию атрибуции ответственности за экономический спад. Насколько уровень политической поддержки во время патриотического подъема опосредуется проблемами в экономике? Наконец, все ли политические институты в равной степени являются бенефициарами консолидации «вокруг знамени» или же «несут наказание» в глазах граждан за экономический спад?

Мы анализируем эффекты крымских событий и восприятия экономической динамики на то, как российские граждане оценивают эффективность работы федеральных политических институтов. Во-первых, мы опираемся на понятия прайминга ('priming') [15], отсылая к способности некоторых вопросов заострять специфические проблемы таким образом, что они могут временно влиять на последующие ответы. Например, более развернутый вопрос, содержащий информацию о том, что некоторые эксперты считают состояние экономики кризисным, может способствовать более критической оценке респондента. Таким образом, вопросы, содержащие дополнительную информацию, могут смещать оценки респондентов. В целом этот метод близок методу виньеток, где респондент случайным образом получает информацию о том или ином явлении в виде короткого сообщения [16]. Следуя той же логике, ожидается, что сообщение о присоединении Крыма может также смещать оценки эффективности работы институтов в более позитивном ключе. Такой дизайн позволяет нам увидеть то, как рост патриотизма компенсирует проблемы в экономике и насколько восприятие экономики «отрезвляет» после крымской эйфории.

Для того, чтобы отследить потенциальные эффекты прайминга респонденты случайным образом получили либо оба вопроса, либо один из них. Таким образом, группа респондентов, ответившая на оба вопроса подряд, является экспериментальной, а только на один – контрольной. Оценка разницы средних оценок эффективности работы политических институтов (средний эффект экспериментального воздействия или *average treatment effect*, АТЕ) позволит нам ответить на поставленный исследовательский вопрос.

Помимо эффекта прайминга мы также рассматриваем то, как положительные ответы на экспериментальные вопросы влияют на оценку эффективности институтов. Мы анализируем то, как положительные ответы на оба вопроса – о согласии с присоединением Крыма и согласии с тем, что Россия находится в состоянии экономического кризиса – влияют на оценку работы институтов, тем самым рассматривая силу эффекта взаимодействия.

Основные выводы заключаются в том, что оценки респондентов действительно зависят от их политического отношения к присоединению Крыма и восприятия экономической ситуации. Эти оценки также чувствительны к праймингу: в условиях патриотической консолидации вопрос о состоянии экономики не провоцирует более критическую оценку властей и даже укрепляет поддержку президента. При этом Госдума является единственным политическим институтом, не получающим бонусной поддержки от консолидации «вокруг знамени». Основным бенефициаром эффекта консолидации «вокруг знамени» является президент и в меньшей степени правительство РФ. Правительство и Госдума также несут ответственность за провалы в экономике в глазах респондентов.

Данное исследование вносит свой вклад в литературу о последствиях геополитических конфликтов и патриотического подъема в условиях недемократических режимов, а также механизмах атрибуции политической ответственности в условиях фактического отсутствия политических каналов обратной связи. Наконец, данное исследование обращается к более широкой проблеме общественного мнения в условиях различных политических режимов. Статья состоит из теоретического обоснования исследования, описания исследовательского дизайна и методологии, результатов и заключения.

Теоретическая рамка

Экономический кризис и авторитаризм

Экономический кризис, как правило, оказывает влияние на динамику политического режима и может привести, как минимум, к значимым правительственным перестановкам [13; 10]. Исследования большого числа случаев в целом указывают, что экономические спады в той или иной степени подрывают политическую стабильность и ведут к смене правительств и даже режима. С другой

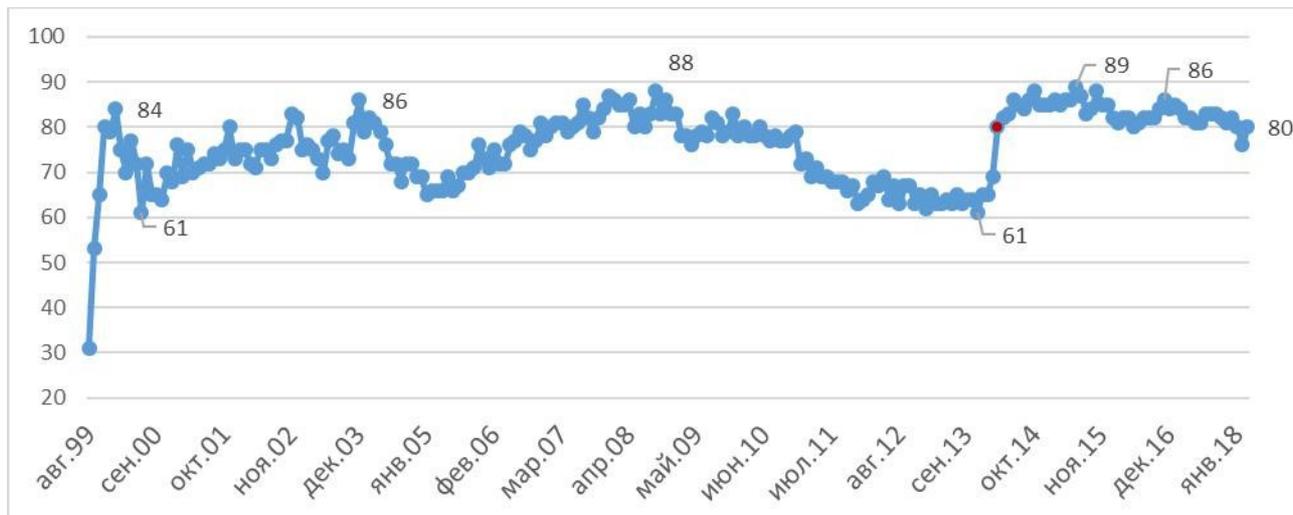
стороны, природа и масштаб урона зависит от политики регулирования и коалиционной политики элит [24; 25]. Некоторые политические режимы успешно абсорбируют экономические шоки через перенастройку отношений с группами интересов и перестановку сил внутри правящей коалиции.

Согласно литературе об экономическом голосовании, кризисы способствуют размыванию политической поддержки существующего режима. Однако в сравнении с демократиями, авторитарные режимы располагают большим полем для маневра в регулировании экономики, в том числе за счёт усиления клиентелистских связей между элитами и элитами и избирателями. Есть свидетельства того, что авторитарные режимы с ресурсозависимой экономикой более чувствительны к кризисным явлениям в экономике [23], однако, с другой стороны, более специализированные исследования выборов указывают на то, что относительно бедные автократии как раз более успешно справляются с кризисами [11]. Если экономическое благосостояние ухудшается, то издержки на покупку каждого дополнительного голоса открывают возможности для электорального клиентелизма и покупки голосов. С ростом экономической уязвимости граждан, становится проще контролировать их политическое поведение. В контексте авторитаризма именно такие группы граждан становятся особо уязвимыми в случаях политической нелояльности. Так, парадоксальным образом выходит, что чем хуже экономические условия, тем проще мобилизовать поддержку режима. Данный тезис получит название «трагического блеска» (the ‘tragic brilliance’ thesis) [5; 17].

Мы полагаем, что субъективное измерение играет большую роль в атрибуции ответственности, нежели объективное положение дел в экономике: если уровень благосостояния ухудшается постепенно без шоков, или кризис затрагивает лишь некоторые сектора экономики, то и восприятие экономической динамики будет иным, поэтому важно учитывать восприятие респондентами экономической динамики [10], чтобы оценить степень значимости экономической повестки в оценке эффективности политических институтов.

Подъем патриотизма и консолидация «вокруг знамени»

Эффект консолидации «вокруг знамени» выражается во временном росте политической поддержки правящей элиты [26; 4]. Однако аномальные всплески уровня политической поддержки – явление достаточно редкое и скоротечное. В данном контексте Россия представляет любопытный случай, поскольку «маленькие победоносные войны» возникали трижды с 1999 г., приводя к временному росту поддержки. Последний рост поддержки в марте 2014 г. длится более двух лет (см. рис.1).

Источник: Левада Центр (<http://www.levada.ru/en/ratings/>)

Рис. 1. Динамика поддержки В. Путина с 1999 по 2018 гг.

Политическая поддержка и экономика в России

Политические события в России открывают редкую возможность исследовать механизмы атрибуции политической ответственности в условиях электорального авторитаризма. С одной стороны, признаки надвигающейся стагнации и рецессии стали ощутимыми еще в 2013 г., некоторые аналитики утверждали о продолжении кризиса 2008 г. [27]. Отечественные экономисты зафиксировали тревожные сигналы осенью 2013 г., однако кризис развернулся в полную силу годом позже, когда рубль прошел несколько волн девальвации, цены на нефть и энергоносители упали, экономические санкции ужесточились, усилился отток капитала, уровень инфляции достиг отметки 11,4%, превысив прогнозные значения в два раза. Макроэкономические показатели осени 2014 г. зафиксировали снижение реальных зарплат, сокращение потребления домохозяйств и массовый отток сбережений. Именно такая экономическая картина наблюдалась в контексте консолидации нации вокруг курса В. Путина.

С середины 1990-х гг. политическая поддержка в целом была тесно связана с динамикой агрегированных экономических показателей [31]. Политические последствия Великой рецессии 2008–2009 гг. в России оказались довольно ограниченными [28], однако кризис подорвал политическую поддержку со стороны определенных групп граждан – в первую очередь, среднего класса и малого бизнеса [3]. Некоторые исследования показывают, что политическая поддержка с середины 2000-х гг. в большой степени становится автономной от экономических колебаний и склонна отражаться в социотропных оценках, нежели индивидуальных [18; 19; 28]. Однако социотропная модель голосования все же получила меньше эмпирической поддержки, чем модель эгоцентрического голосования.

Наконец, вопрос последствий международных санкций со стороны ЕС и США также остается открытым. Санкции направлены на снижение внутривнутриполитической поддержки [8; 22]. Однако мы находим не так много доказательств того, что санкции действительно способны подорвать поддержку режима, скорее мы наблюдаем смещение атрибуции политической ответственности в сторону международного сообщества или второстепенных политических акторов (“scapegoating argument”) [6]. Последнее означает, что российское правительство по большому счету избежало ответственности благодаря консолидации “вокруг знамени” и целенаправленному искажению информации в медийном пространстве. Более того, Тимоти Фрай указывает на то, что политические предпочтения (partisanship) играют решающую роль в восприятии международных санкций: скептики в отношении политики Путина склонны винить правительство больше, нежели сторонники, реагируя на информацию о санкциях [6].

На рисунке 1 показана динамика поддержки В. Путина с 1999 по 2017 гг. Мы наблюдаем постепенный спад с 2010 г. вплоть до зимних Олимпийских игр в 2014 г. Рейтинг стремительно взлетел после присоединения Крыма с 61 до 89%. После 2016 г. мы вновь наблюдаем снижение уровня поддержки до 80%, все еще отражающее высокий уровень поддержки президента. Однако такие скачки наблюдались и прежде: самый существенный скачок в августе-сентябре 1999 г. после начала Второй чеченской кампании с 30 до 84%, с 70 до 86% в 2003 г., а также рейтинг достиг отметки 88% во время военного конфликта с Грузией летом 2008 г.

Опираясь на вышеизложенное, мы формулируем следующие гипотезы:

Эффекты прайминга

Данный набор гипотез обращен на то, насколько чувствительны респонденты к информации о геополитическом успехе или же критическому сообщению об экономических трудностях. Сообщение о Крыме также может служить сигналом о том, что последующие оценки работы власти должны быть высокими, поскольку эта информация крайне политизированна. Даже те, кто относятся к этому событию более скептически, скорее всего, предпочтут о своем отношении умолчать.

H1: Респонденты, отвечавшие на вопросы про Крымские события и экономическую обстановку, склонны оценивать эффективность политических институтов ниже, чем те, кто отвечал только на вопрос про Крым.

Основные эффекты

Основные эффекты отражают то, как те или иные ответы на экспериментальные вопросы повлияли на оценку работы институтов – президента, Госдумы и правительства.

H2a: Те, кто одобряет присоединение Крыма к РФ, при прочих равных условиях оценивают работу институтов выше;

H2b: Те, кто согласен с тем, что Россия находится в состоянии экономического кризиса, склонны оценивать работу институтов ниже.

Эффекты взаимодействия

Эффекты взаимодействия оценивают взаимное влияние разнонаправленных факторов – патриотического подъема и атрибуции ответственности за неудачи в экономике.

Н3а: Поддержка Крыма перевешивает значимость согласия с негативными явлениями в экономике и ведет к более высокой оценке политических институтов (эффект эйфории);

Н3б: Признание того, что российская экономика находится в кризисе перевешивает согласие с присоединением Крыма и ведет к более низким оценкам политических институтов (эффект похмелья).

Исследовательский дизайн

Опросный эксперимент и данные

Эмпирической базой исследования стал репрезентативный общероссийский опрос и опросный эксперимент, проведенный в августе 2016 г. [21]. Опрос проведен ведущей социологической организацией России Левада-Центром. Выборка включает 1 601 респондента в возрасте старше 18 лет. Выборка была разделена случайным образом на 4 группы, которые ответили на вопросы прайминга. Первая группа респондентов ответила на вопрос об том, согласны ли они с присоединением Крыма к РФ (“Вы поддерживаете или не поддерживаете решение российского руководства о включении в состав Российской Федерации Республики Крым?”); в дальнейшем мы именуем эту группу “крымской”. Вторая группа отвечала только на вопрос о том, согласны ли они, что отечественная экономика находится в кризисе (“Согласны ли Вы с утверждением экспертов, что Россия сейчас переживает экономический кризис?”); эту группу мы в дальнейшем именуем “экономической”. Респонденты третьей группы ответили на оба вопроса. Четвертая группа, не отвечавшая ни на один вопрос, в анализе не учитывается. Схема распределения на группы описана на рис. 2. Вопросы с оценкой эффективности работы институтов следовали непосредственно после экспериментальных вопросов.

"Крымская" группа	"Экономическая" группа	"Смешанная" группа
• Вопрос про присоединение Крыма	• Вопрос про оценку экономической ситуации	• Оба вопроса

Рис. 2. Дизайн опросного эксперимента

Зависимые переменные – оценки эффективности работы президента, Госдумы и правительства. Респонденты оценивали работу институтов по шкале Лайкерта от 1 (“крайне неэффективно”) до 4 (“очень эффективно”) (см. Приложение). Вопросы об оценке эффективности задавались в следующей последовательности: Госдума, президент и правительство¹ (см. рис. 3, где представлено распределение ответов по экспериментальным группам). Анализируя ответы на подобные вопросы, предполагаем, что респонденты временно погружаются в два альтернативных дискурсивных контекста – геополитического успеха и экономических трудностей. Последнее может вызывать эмоции, связанные с патриотизмом и гордостью за страну или же, напротив, более критический модус политической оценки.

Социальные праймеры (primers) широко используются в психологических исследованиях [1; 32] и помогают идентифицировать то, как манипулятивное использование сообщений или условий влияет на последующие суждения. В политической науке прайминг используется для выявления более достоверных ответов в случае чувствительных или политизированных контекстов [33]. Примеры позволяют получить более- менее несмещенные суждения, поскольку респонденты с малой вероятностью могут распознать намерения исследователя и вряд ли будут корректировать ответы в сторону более социально одобряемых позиций. В российском контексте мы можем предполагать, что некоторые группы респондентов действительно могут воздерживаться от выявления истинных предпочтений, особенно по политически чувствительным темам.

Затем мы оцениваем основные эффекты положительного ответа на оба прайминговых вопроса, то есть поддержка присоединения Крыма и признание существования экономического кризиса в России. После этого мы оцениваем эффект взаимодействия обоих прайминговых вопросов. Для всех регрессионных моделей мы используем набор контрольных переменных: возраст, пол, образование, размер поселения, федеральный округ, политические предпочтения, частота просмотра федеральных телевизионных каналов, доверие телевидению в целом. Политические предпочтения измерены через вопросы о том, голосовал(а) ли респондент за Единую Россию и Владимира Путина на прошлых выборах.

---

¹ Данный подход позволяет респондентам сравнить три политических института. При этом оценка правительства после оценки президента может потенциально снизить поддержку правительства. Однако вопросы были заданы в одинаковой последовательности во всех экспериментальных группах.

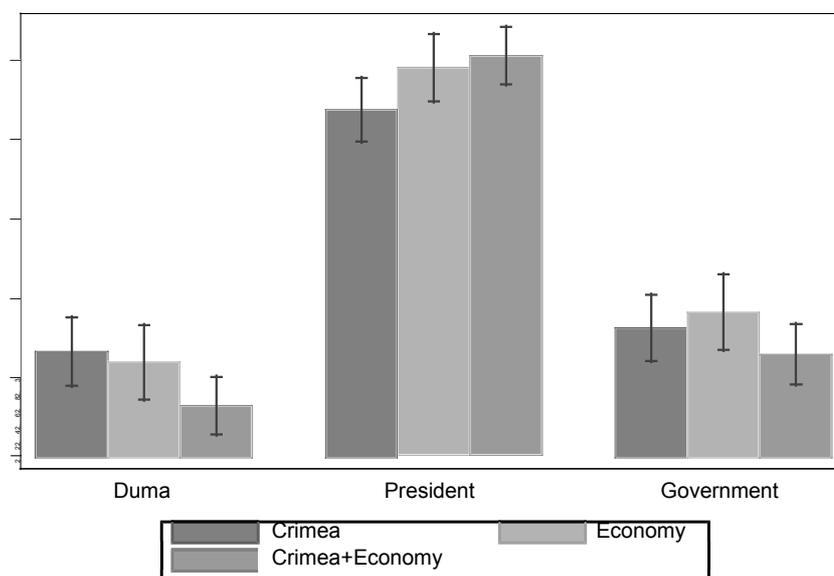

Рис. 3. Оценка эффективности работы институтов по экспериментальным группам

Результаты

Прездсказуемо, что оценки эффективности работы президента самые высокие во всех трех экспериментальных группах. Примечательно и контринтуитивно, что наиболее высокие оценки наблюдаются в группе с обоими праймерами. В группе только с экономическим праймером оценки также выше, чем в группе без него. Среднее значение оценки работы Госдумы в «экономической» группе ниже, чем в «Крымской» и выше чем в «смешанной» группе. Оценка работы правительства самая высокая в «экономической» группе и самая низкая в «смешанной» группе. Как и ожидалось, подавляющее большинство респондентов поддерживают присоединение Крыма. Почти 93% респондентов «крымской» группы высказались «за». В «смешанной» группе доля поддерживающих крымскую кампанию примерно та же: 93 против 7%. Около 84% респондентов в «экономической» группе согласны, что Россия переживает экономический кризис, 87% в «смешанной» группе (см. табл. А и Б Приложения).

Эйфория или похмелье?

Поскольку прайминговые вопросы были распределены случайно по экспериментальным группам, то мы можем оценить средний эффект экспериментального воздействия (АТЕ) [29; 30], сопоставляя средние значения зависимых переменных по группам: «экономическая» группа в сравнении со «смешанной» и «крымская» группа в сравнении со «смешанной», мы центрировали зависимые переменные и оценили МНК-регрессию с учетом всех контрольных перемен-

ных и робастных стандартных ошибок. Результаты представлены на рис. 3 и 4, а также в приложении.

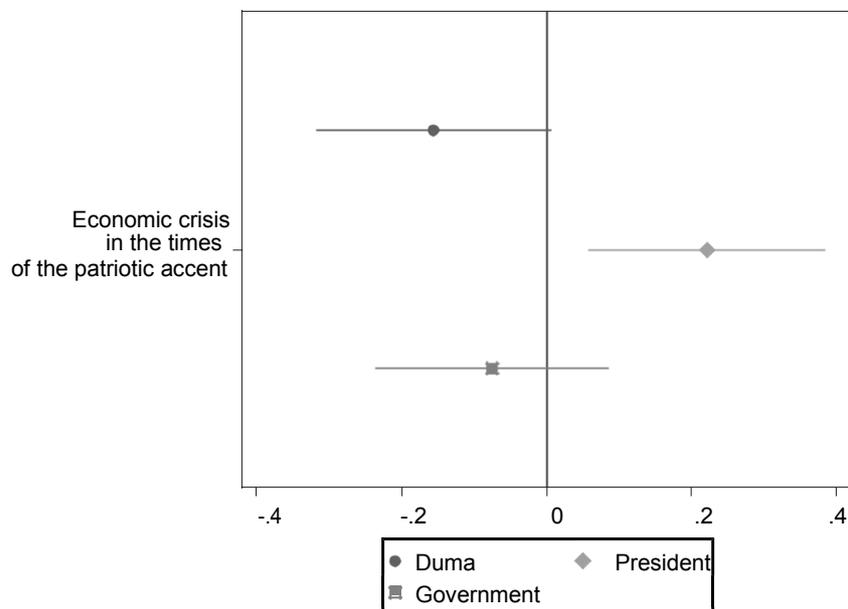

Рис. 4. Средний эффект экспериментального воздействия (average treatment effect) прайминга экономики в контексте патриотической мобилизации¹

Мы обнаруживаем серьезные последствия консолидации “вокруг знамени”, при том не находим опосредующего эффекта восприятия экономического кризиса. Более того, оценки “смешанной” группы указывают, что оба праймера увеличивают оценку работы президента на 0.22 пункта (шкала оценки варьирует от 1 до 4) вопреки теоретическим ожиданиям. При этом мы не наблюдаем ничего подобного для оценок Госдумы и правительства². Чтобы убедиться в устойчивости наших оценок мы провели серию тестов на случайный статистический вывод (randomized statistical inference) (см. табл. Г Приложения).

Основные эффекты

Мы оценили регрессионные модели, используя утвердительные ответы на прайминговые вопросы про Крым и экономику. Обнаружилось, что оценки работы Госдумы никак не зависят от поддержки крымской кампании, при этом правительство получает 0,29 дополнительных пунктов, а президент – 0,59 по

¹ На рисунке 4 представлены стандартизированные эффекты с доверительными интервалами. В случае пересечения доверительным интервалом нулевой отметки, эффект считается статистически незначимым, и, наоборот, чем дальше от нулевой отметки, тем более сильный эффект мы наблюдаем.

шкале от 1 до 4. Основным бенефициаром консолидации «вокруг знамени» является президент и отчасти правительство.

Мы обнаруживаем противоположные результаты, измеряя основной эффект признания респондентами экономического кризиса: президентские оценки остаются нечувствительными к положительным ответам респондентов, оценки Госдумы и правительства несколько снижаются (см. рис. 5). Утвердительные ответы на прайминговые вопросы предполагают, что оценка правительства ближе к логике ретроспективного экономического наказания. Президент получает бонусы за Крым и никак не ассоциируется с экономикой. Эффективность Госдумы никак не связана с крымскими бонусами и даже страдает от негативных оценок экономики.

Эффекты взаимодействия

Какой эффект в большей степени определяет оценку политических институтов: эйфория от геополитических успехов или похмелье от экономической рецессии? Когда мы включаем оба вопроса в модель, то оценки эффективности работы президента и правительства становятся даже более позитивными, а значимость восприятия экономики пропадает. Поддержка крымских событий увеличивает средний уровень поддержки президента на 0,64 пункта, поддержки правительства – на 0,34 пункта.

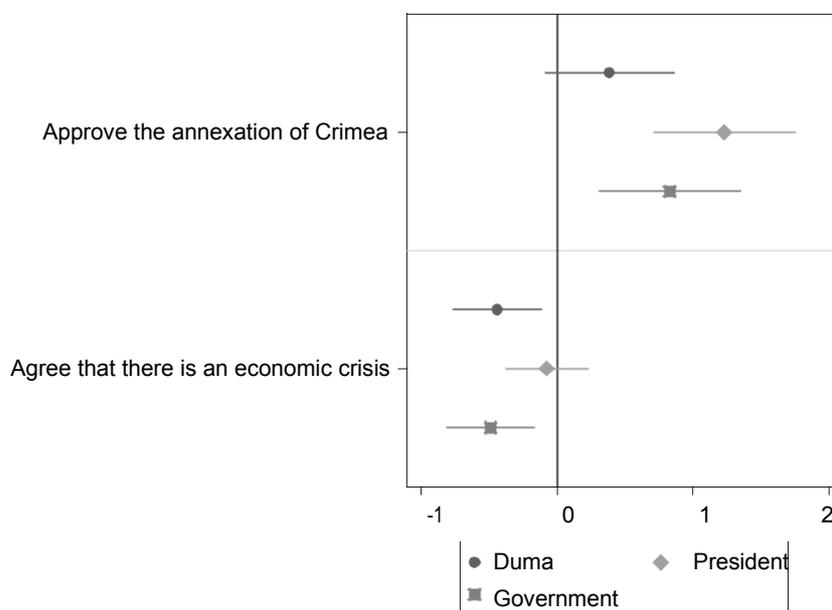

Рис. 5. Основные эффекты восприятия экономической ситуации и поддержки Крыма, с учетом контрольными переменными

Альтернативные объяснения Доход

Мы также учли влияние экономических переменных, характеризующихся двумя способами: оценка респондентом дохода семьи и субъективная оценка покупательской способности респондента. Переменная доход семьи состоит из трех категорий: богатый, средний и бедный. Покупательская способность операционализована через вопрос «Сколько Вы можете позволить себе потратить из ежемесячной зарплаты?» Формулировки вопросов и описательная статистика переменных доступны в приложении. Результаты показывают, что более обеспеченные респонденты оценивают работу Думы выше, в то время как влияния на оценку работы других институтов, обнаружено не было.

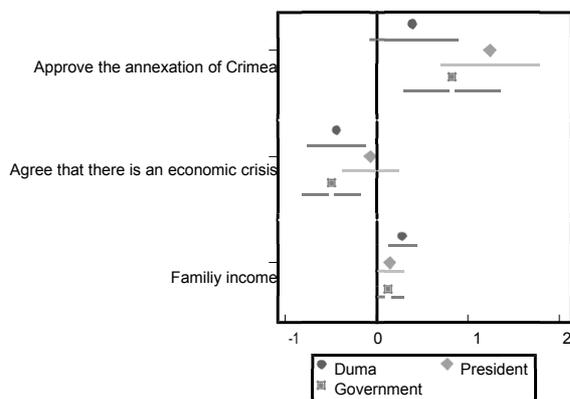

Рис. 6. Эффект дохода на оценку эффективности политических институтов

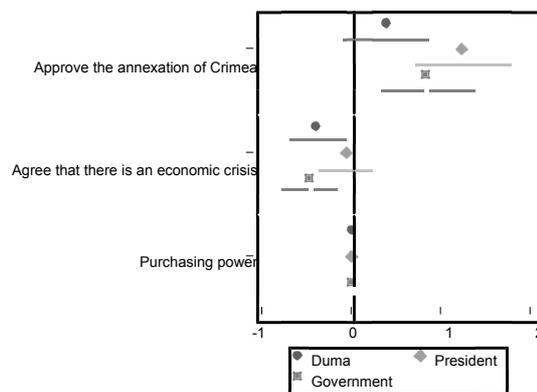

Рис. 7. Эффект покупательской способности на оценку эффективности политических институтов

Роль политических предпочтений

Учитывая, что идеологические предпочтения затруднительно операционализировать через голосование за ту или иную партию, поскольку партийная система после 2005 г. была сведена до набора лояльных и подконтрольных партий, которые в большей степени связаны с государственным аппаратом, нежели избирателями, поэтому мы вынуждены использовать более примитивное деление на тех, кто скептически настроен по отношению к нынешнему президенту и тех, кто его безоговорочно поддерживает. Такой подход позволит нам с наименьшей вероятностью ошибки определить «лоялистов» и «оппозиционеров». Для операционализации данной переменной мы также использовали два вопроса из анкеты «Омнибуса» Левада Центра: «За кого Вы голосовали на последних президентских выборах?» и «За кого Вы голосовали на последних парламентских выборах?». Ответы на эти вопросы, как мы ожидаем, служат показателями

того, каких политических взглядов придерживается респондент. Мы объединили эти две переменные и присвоили значение «1» тем, кто голосовал за В. Путина и поддерживает «Единую Россию», и «0», если ответ был другим. Результаты показывают, что поддержка В. Путина и Единой России на выборах положительно связана с оценкой работы правительства и президента.

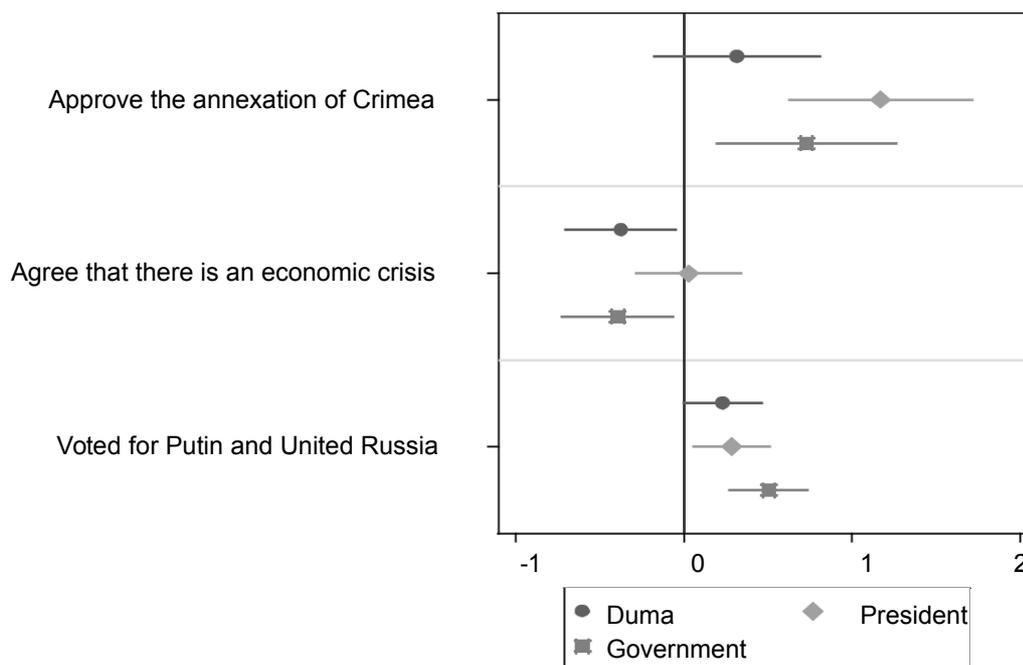

Рис. 8. Эффект политических предпочтений на оценку эффективности политических институтов

Влияние СМИ

Предвзятое освещение СМИ тех или иных политических значимых событий в России играет важную роль в формировании отношения к присоединению Крыма и оценке экономической ситуации. Для того, чтобы оценить возможный эффект пропаганды в формировании общественного мнения, мы также учли такие переменные, как частота просмотра федеральных каналов и степень доверия телевидению. Частота просмотра новостей на федеральных каналах измеряется с помощью шкалы из 5 категорий, где единица означает “никогда”, а “5” – “ежедневно”. Доверие телевидению операционализировано с помощью переменной из четырех категорий, где “4” означает что новости “абсолютно объективны”, а единица означает полное отсутствие доверия ТВ каналам. Мы также учли частоту использования интернет-ресурсов как прокси для доступа к альтернативным источникам информации. Данная переменная также принимает 5 значений от 1 до 5, где единица означает, что респондент никогда не пользуется Интернетом.

Результаты, представленные на рис. 9, показывают, что доверие в объективность новостей существенно влияет на поддержку властей. Однако частота потребления новостного контента не особо влияет на разницу в оценках. Частое использование Интернет снижает оценку работы президента. Не частота, а именно доверие СМИ играют решающую роль для оценки властей.

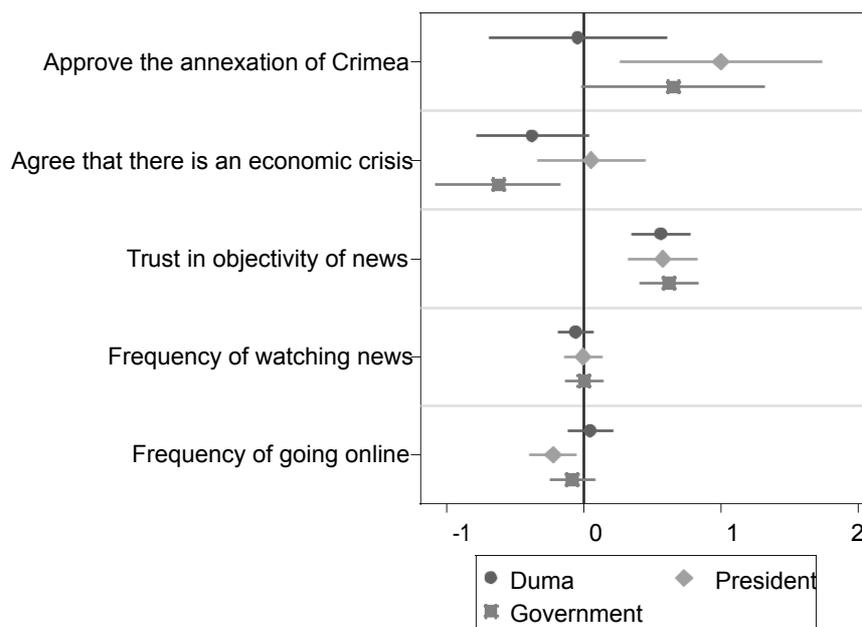

Рис. 9. Эффекты потребления СМИ на оценку эффективности политических институтов

Заключение

Механизмы атрибуции политической ответственности чувствительны к типу режима и институциональному дизайну. Результаты опросного эксперимента продемонстрировали, что респонденты связывают различные политические институты с различными политическими курсами. Случай России показывает, что существует незримое деление зон политической ответственности между президентом и остальными институтами и именно это деление играет ключевую роль в атрибуции политической ответственности.

Президент получает политические бонусы от действий на международной арене, правительство и Госдума несут ответственность за внутреннюю политику. Правительство, при этом, также может быть бенефициаром внешнеполитического курса, который считается успешным. Подобное “разделение труда” воспроизводится в контексте экономической политики и международных отношений. Мы наблюдаем селективное внимание к различным политическим институтам и селективное наказание: президент отвечает за международные

дела, а Госдума и правительство – за внутреннюю политику. Президент не несет наказания за плохую экономику, а Госдума, наоборот, не получает никакого поощрения за внешнюю политику. Правительство и поощряется, и наказывается одновременно.

Президенциализм неизменно фокусирует внимание на фигуре президента и исполнительной ветви власти, нежели на легислатуре. При этом легислатура оказывается ответственной за неудачи в экономике, где, впрочем, Госдума имеет весьма ограниченное влияние. Последнее представляется особенно любопытным, поскольку большинство экономических решений принимается далеко за пределами российской легислатуры. При этом Госдума оказывается своеобразным “козлом отпущения” (scapegoating effect) в глазах граждан.

Мы также обнаружили то, что респонденты действительно корректируют свои оценки работы политических институтов в зависимости от их оценки экономической ситуации в контексте всеобщего патриотического подъема. Однако это смещает оценки в весьма неожиданном направлении: реагируя на оба праймера – поддержка Крыма и согласие с тем, что российская экономика в состоянии кризиса – провоцируют своего рода «двойной» эффект консолидации «вокруг знамени». Вероятно, ответственность за кризис и последствия санкций возлагаются в том числе на международное сообщество и потому только усиливают патриотическую реакцию большинства респондентов. Однако это предположение требует дальнейшего эмпирического подтверждения.

Политические предпочтения также влияют на оценку политических институтов. Те, кто поддерживают присоединение Крыма к РФ демонстрируют значительно более высокие уровни доверия президенту, а также правительству. Между тем те, кто согласен, что Россия находится в экономическом кризисе, оценивают правительство и Госдуму более критично. Эффекты более выражены в случае правительства. Оценка работы президента не зависит от восприятия кризиса.

Энтузиазм в отношении Крыма также может формироваться особенностями потребления СМИ. Мы обнаружили, что те, кто считают информацию объективной, демонстрируют систематически более высокий уровень поддержки всех институтов. При этом частота просмотра новостей на федеральных каналах значимого эффекта не имеет. Иными словами, важно не то, как часто респонденты смотрят телевизор, а как именно они это делают. Экономические переменные также отчасти влияют на оценки респондентов: те, кто оценивают свое благосостояние положительно, относятся к Госдуме лояльнее. Наоборот, те, кто признают наличие кризисных явлений в экономике, систематически оценивают работу президента ниже.

Подводя итог, можно утверждать, что механизмы атрибуции политической поддержки зависят от институционального разделения труда и зон ответственности между президентом, правительством и Госдумой. Однако это разделение труда не полностью совпадает с тем, что указано в Конституции РФ. Госдума

несет ответственность за провалы в экономике, которую она едва ли может регулировать. А президент, несмотря на непосредственное участие в принятии решений и по внутривластным вопросам, при этом ответственности за это не несет. Даже в 2016 г. мы все еще наблюдаем эхо крымских событий 2014 г., за которые президент все еще вознаграждается. Правительство и даже в большей степени Госдума играют роль “козлов отпущения” в атрибуции ответственности. Мы видим больше эйфории, чем “похмелья”, что отчасти поддерживает оценки всем политическим институтам на относительно высоком уровне.

Библиографический список

1. *Bargh J. A., Chen M., Burrows L.* Automaticity of social behavior: Direct effects of trait construct and stereotype activation on action. // *Journal of personality and social psychology*. 1996. No. 71(2). P. 230–244.
2. *Bartels L., Bermeo N.* Mass politics in tough times: opinions, votes and protest in the Great Recession. Oxford: Oxford University Press, 2013.
3. *Chaisty P., Whitefield S.* The effects of the global financial crisis on Russian political attitudes. // *Post-Soviet Affairs*. 2012. No. 28(2). P. 187–208.
4. *Chatagnier J. T.* The effect of trust in government on rallies ‘round the flag. // *Journal of Peace Research*. 2012. No. 49(5). P. 631–645.
5. *Diaz-Cayeros A., Magaloni B., Weingast B.R.* Tragic brilliance: Equilibrium party hegemony in Mexico. 2003. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1153510> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1153510>.
6. *Frye T.* Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments from Russia. 2017. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3048980> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3048980>.
7. *Frye T., Gehlbach S., Marquardt K.L., John Reuter O.* Is Putin’s popularity real? // *Post-Soviet Affairs*. 2017. No. 33(1). P. 1–15.
8. *Galtung J.* On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia. // *World politics*. 1967. No. 19 (3). P. 378–416.
9. *Gasirowski M. J.* Economic crisis and political regime change: An event history analysis. // *American Political Science Review*. 1995. No. 89(4). P. 882–897.
10. *Gélineau F.* Electoral accountability in the developing world. // *Electoral Studies*. 2013. No. 32(3). P. 418–424.
11. Voter Volatility in Electoral Authoritarian Regimes: Testing the “Tragic Brilliance” Thesis. // *Comparative Sociology*. 2016. No. 15(5). P. 535–559.
12. *Gourevitch P.A.* Politics in hard times: comparative responses to international economic crises. Ithaca: Cornell University Press, 1986.
13. *Haggard S.* The politics of the Asian financial crisis. // *Journal of Democracy*. 2000. No. 11(2). P. 130–144.
14. *Hetherington M.J., Nelson M.* Anatomy of a rally effect: George W. Bush and the war on terrorism. // *PS: Political Science & Politics*. 2003. No. 36(1). P. 37–42.

15. *Iyengar S., Simon A.* News coverage of the Gulf crisis and public opinion: A study of agenda-setting, priming, and framing. // *Communication research*. 1993. No. 20(3). P. 365–383.
16. *Kapteyn A., Smith J.P., Van Soest A.* Vignettes and self-reports of work disability in the United States and the Netherlands. // *American Economic Review*. 2007. No. 97(1). P. 461–473.
17. *Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. Cambridge University Press, 2006.
18. *McAllister I., White S.* 'It's the Economy, Comrade!' Parties and Voters in the 2007 Russian Duma Election. // *Europe-Asia Studies*. 2008. No. 60(6). P. 931–957.
19. Democratization in Russia and the global financial crisis. // *Journal of communist studies and transition politics*. 2011. No. 27(3–4). P. 476–495.
20. *Mueller J.E.* Presidential Popularity from Truman to Johnson. // *American Political Science Review*. 1970. No. 64(1). P. 18–34.
21. *Mutz D.C.* Population-based survey experiments. New Jersey: Princeton University Press, 2011.
22. *Pape R.A.* Why economic sanctions do not work. // *International security*. 1997. No. 22(2). P. 90–136.
23. *Pei M., Adesnik A.D.* Why recessions don't start revolutions. // *Foreign Policy*. 2000. P. 138–151.
24. *Pepinsky T.B.* Economic crises and the breakdown of authoritarian regimes: Indonesia and Malaysia in comparative perspective. New York: Cambridge University Press, 2009.
25. The Global Economic Crisis and the Politics of Non-Transitions. // *Government and Opposition*. 2012. No. 47(2). P. 135–161.
26. *Remmer K.L.* The political impact of economic crisis in Latin America in the 1980s. // *American Political Science Review*. 1991. No. 85(3). P. 777–800.
27. *Robinson N.* Russia's response to crisis: The paradox of success. // *Europe-Asia Studies*. 2013. No. 65(3). P. 450–472.
28. *Rose R.* Micro-economic responses to a macro-economic crisis: a pan-European perspective. // *Journal of communist studies and transition politics*. 2011. No. 27(3-4). P. 364–384.
29. *Rubin D.B.* Assignment to treatment group on the basis of a covariate. // *Journal of educational Statistics* 1977. No. 2(1). P. 1–26.
30. Causal inference using potential outcomes: Design, modeling, decisions. // *Journal of the American Statistical Association*. 2005. No. 100(469). P. 322–331.
31. *Treisman D.* Putin's popularity since 2010: why did support for the Kremlin plunge, then stabilize? // *Post-Soviet Affairs*. 2014. No. 30(5). P. 370–388.
32. *Wheeler S.C., Jarvis W.B.G., Petty R.E.* Think unto others: The self-destructive impact of negative racial stereotypes. // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2001. No. 37(2). P. 173–180.

33. Zaller J., Feldman S. A simple theory of the survey response: Answering questions versus revealing preferences. // American Journal of Political Science. 1992. No. 36(3). P. 579–616.

EUPHORIA OR HANGOVER? POLITICAL BLAME ATTRIBUTION AT THE TIMES OF ECONOMIC RECESSION. EVIDENCE FROM A SURVEY EXPERIMENT

E. V. Sirotkina

Junior Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research (LCSR), Higher School of Economics

M. A. Zavadskaya

Ph.D. in Social and Political Science, Senior Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research (LCSR), Higher School of Economics & European University at St. Petersburg

How is perception of the state authorities affected when an economic downturn interferes with citizens' patriotic unity? Which takes the upper hand: euphoria born of geopolitical success or a hangover from economic misfortune? This study explores the variance in political support in Russia after the annexation of Crimea in the context of the economic crisis. Using a population-based survey experiment, we randomly assigned questions asking to assess the Crimea joining Russia, the state of economy in Russia, and both of them. Comparing the averages between the group with the question on Crimea and the group with both questions, we estimated the average treatment effect of the economic downturn undermining national consolidation in regard to the evaluation of the president, the parliament (State Duma) and government effectiveness. Counterintuitively, the president's rating only wins when patriotic unity is disturbed by the economic hardship, but this disturbance has no effect on the evaluation of the parliament and the government effectiveness. We found that the euphoria somewhat suppresses the hangover and preserves the ratings of the State Duma and the government, which receive significantly lower effectiveness evaluations in situations where there is only a hangover (without emphasized patriotism).

Keywords: blame attribution; economic crisis; rally around the flag; public opinion; electoral authoritarianism; survey experiment.

Приложение
Таблица А

Распределение ответов по экспериментальным группам

Вы поддерживаете или не поддерживаете решение российского руководства о включении в состав Российской Федерации Республики Крым?		N	%
“Крымская” группа			
	Да	394	92.27
	Нет	33	7.73
	Всего	427	100.00
“Смешанная группа”			
	Да	434	93.33
	Нет	31	6.67
	Всего	465	100.00

Таблица Б

Распределение ответов по экспериментальным группам

“Согласны ли Вы с утверждением экспертов, что Россия сейчас переживает экономический кризис?”		N	%
“Экономическая” группа			
	Да	309	84.20
	Нет	58	15.80
	Всего	367	100.00
“Смешанная” группа			
	Да	398	87.09
	Нет	59	12.91
	Всего	465	100.00

Таблица В

**Оценка экспериментального эффекта воздействия
(average treatment effect) (“эффект похмелья”)**

ПЕРЕМЕННЫЕ	(1)	(2)	(3)
	Госдума	Президент	Правительство
«Крымская» vs «смешанная» группы	-0.07 (-1.08)	0.21*** (3.19)	0.05 (0.76)
Пол	-0.06 (-0.89)	0.04 (0.66)	0.08 (1.28)
Возраст	-0.02 (-1.08)	-0.04*** (-3.55)	-0.02 (-1.43)
Возраст ²	0.00 (1.14)	0.00*** (3.40)	0.00 (1.10)
Образование	0.02 (0.76)	0.02 (0.78)	0.01 (0.33)
Доход	0.00 (0.60)	-0.00 (-0.72)	-0.00 (-0.00)
Размер поселения (<i>Москва – референтная категория</i>) Более, чем 500 тыс.	0.17	-0.30*	0.08

ПЕРЕМЕННЫЕ	Окончание табл. В		
	(1) Госдум а	(2) Президент	(3) Првительство
от 100 до 500 тыс.	(1.37) 0.12	(-2.11) -0.42***	(0.60) 0.01
до 100 тыс.	(1.07) 0.16	(-3.13) -0.54***	(0.06) -0.08
Сельская местность	(1.35) 0.10	(-3.90) -0.52***	(-0.68) -0.11
Федеральный округ (<i>Северо-Запад – референтная категория</i>)	(0.82)	(-3.84)	(-0.86)
Центральный ФО	0.02 (0.15)	-0.12 (-1.05)	0.13 (1.10)
Южный+Сев.Кавказ. ФО	0.03 (0.25)	0.12 (1.10)	0.29* (2.31)
Приволжский ФО	-0.03 (-0.21)	0.01 (0.05)	0.17 (1.30)
Уральский ФО	0.14 (1.00)	0.16 (1.16)	0.25~ (1.67)
Сибирский ФО	-0.12 (-0.88)	-0.07 (-0.50)	-0.07 (-0.50)
Дальневосточный ФО	-0.20 (-0.96)	0.54*** (3.20)	-0.06 (-0.24)
Политические предпочтения	0.18* (2.50)	0.28*** (4.39)	0.27*** (3.91)
Частота просмотра новостей федеральных ТВ	0.12*** (3.17)	-0.10** (-2.76)	0.07~ (1.89)
Доверие СМИ	0.36*** (7.36)	0.39*** (8.03)	0.44*** (9.51)
Частота использования интернета	0.05 (1.37)	-0.05 (-1.50)	-0.01 (-0.27)
Константа	-1.26** (-2.78)	0.24 (0.58)	-1.27*** (-2.93)
N	594	618	602
R ²	0.17	0.28	0.27
F test	5.67	9.26	10.28
Prob >F	0.00	0.00	0.00

t-статистика в скобках, *** p<0.005, ** p<0.01, * p<0.05, ~ p<0.1

Таблица Г

Тесты на случайный статистический вывод			
“Крымская” vs “Смешанная”	t-test	Wilcoxon rank-sum test	Fisher–Pitman permutation
Госдума	0.02	0.05	0.05
Президент	0.02	0.01	0.01
Правительство	0.24	0.26	0.25

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-88-102

КОНСУЛЬТАТИВНО-СОВЕЩАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУБЪЕКТНОСТЬ БЕЗ АВТОНОМИИ?¹

К. А. Сулимов²

В статье дискутируется вопрос о субъектности консультативно-совещательных органов (КСО) с участием представителей общества, прямо или косвенно аффилированных с органами власти и другими организациями, выполняющими публичные функции, в современной России. Анализируются существующие и возможные подходы к понятию субъектность, сделан вывод о нерелевантности его толкования в отношении КСО в связке с понятием автономность. С опорой на одну из школ в рамках коммуникативного направления в исследовании организаций («коммуникативное устройство организации» – communicative constitution of organizations), которую связывают с именем и наследием Н.Лумана, предложен концептуальный подход к пониманию субъектности КСО, в соответствие с которым, субъектность консультативно-совещательного органа – это его активность в конституировании, воспроизводстве и возможном изменении собственного статуса и связанных с ним объема и характера условий и возможностей существования и действия. В эмпирическом отношении в современной России субъектность КСО оказывается ситуативной, мерцающей и спорадической. Предложенный концептуальный ракурс вносит вклад в научную дискуссию о понятии субъектности в целом и о конкретных новых формах и разновидностях субъектности и субъектов (акторов) в современном мире.

Ключевые слова: консультативно- совещательные органы; общественные советы; субъектность; со-управление; публичное управление; теория социальных систем; коммуникация; коммуникативное устройство организации; механизм взаимодействия.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-03-00121-ОГН.

² Сулимов Константин Андреевич – кандидат политических наук, заведующий кафедрой политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID ID: 0000-0003-4277-3135. Researcher ID: N-9455-2018).

Совокупность консультативно-совещательных органов в России и запрос на субъектность

В современной России можно наблюдать весьма разнообразную и чрезвычайно многочисленную совокупность консультативно-совещательных органов (КСО) с участием представителей общества, прямо или косвенно аффилированных с органами власти и другими организациями, выполняющими публичные функции. В первую очередь бросается в глаза значительные отличия КСО друг от друга по набору параметров: а) аффилирование: органам государственной власти (исполнительной или законодательной), высшим должностным лицам, государственным и муниципальным учреждениям, и квазисамостоятельные (например, общественные палаты, но аппараты, обеспечивающие их деятельность, являются государственными учреждениями Российской Федерации и ее субъектов; б) формирование: непосредственно и исключительно органами, лицами и учреждениями, при которых КСО создаются или во взаимодействии с другими организациями (в настоящее время, прежде всего с общественными палатами, но не только), а также кооптация, конкурсное или бесконкурсное формирование и так далее; в) уровни и территориальный масштаб деятельности: локальный (большинство КСО при учреждениях), муниципальные, региональный и федеральный; г) предметно-тематическая широта деятельности: универсальные (те же общественные палаты) или отраслевые, созданные в рамках отдельных государственных и муниципальных политик. Вместе с тем, если обратиться к целевым функциям, которыми законодательно наделяются КСО, то различия между ними сглаживаются до нюансов. Основными функциями оказываются обеспечение взаимодействия граждан, «представителей общественности» с органами государственной власти и местного самоуправления (совещательная функция), и консультирование уполномоченных органов на основе и в результате данного взаимодействия (консультативная функция). Совещательную функцию призвана обеспечить коллегиальная (с участием представителей общества, «общественности») форма КСО. Консультативная функция должна и может реализовываться в разных формах и видах: реакция на запрос уполномоченного органа, общественный контроль¹, независимая оценка качества условий оказания услуг организациями в социальной сфере² и прочее. Ис-

---

1 Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ.

2 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования: Федеральный закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 № 256-ФЗ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями

пользование сильных терминов (например, *контроль*) не должно вводить в заблуждение. Речь все равно идет о консультировании или советовании, то есть об информировании уполномоченных органов, по результатам которого те могут принять то или иное решение, так как КСО, за редкими исключениями, не обладают властными полномочиями. Так же не имеет принципиального значения разнообразие названий КСО. Они, как правило, включают слово «совет» с определением: общественный, экспертный, координационный, наблюдательный, попечительский, консультационный. Иногда это просто «советы» с дальнейшим указанием на конкретную сферу и /или аффилиацию, а иногда – «(постоянные) рабочие группы» или различные комиссии. Важно, что все эти КСО обладают явной структурной эквивалентностью [10, 148], то есть сходством их позиций в сетевой структуре и сходством их собственных организационных структур.

В литературе используются разные обобщающие термины для обозначения КСО. Кроме термина «консультативно-совещательные органы», в качестве обобщающих названий всей совокупности КСО или ее отдельных сегментов также фигурируют: «общественно-консультативных советы» [1], «консультативные общественные советы» [5], «общественные коллегиальные органы» [4]. За стилистическими нюансами может скрываться серьезное различие в интерпретации места КСО в социальной системе. Аффилированность части КСО органам исполнительной власти традиционно вызывает озабоченность из-за опасений в их ангажированности интересам органа власти, и соответственно, неспособности представлять и отстаивать общественные интересы. Поэтому одни определяют КСО как не общественные, а государственно-общественные органы [5], другие – как институты гражданского общества, но с определенной спецификой [2].

Тем не менее, сама диспозиция, в рамках которой ищут место для КСО одна и та же: государство vs общество. В этой диспозиции заинтересованные стороны (ученые, эксперты, органы власти, сама общественность) склонны наделять любые КСО идентичной функциональной ролью институционализированного посредника в отношениях между обществом и государством. Вопрос в том, насколько они справляются с этой нормативной ролью. В такой постановке вопроса, пожалуй, проявляется специфика российского восприятия темы. В России почти не принято рассматривать КСО в политико-властном контексте. При том, что в мировой практике КСО часто интерпретируются как один из инструментов политического участия, в частности, меньшинств [22]. Активно исследуется роль КСО в контексте использования гражданского общества для легитимации авторитарных режимов [16], широкое распространение получил термин «консультативный авторитаризм» (Consultative Authoritarianism), осо-

бенно в отношении Китая [26; 12], который, в собственной терминологии, строит «консультативную демократию», противопоставляя ее представительной демократии западного образца [17]. Важно отметить, что как раз опыт Китая показывает, что консультативные органы могут быть вполне инструментальными при авторитаризме не только для режима, но и для общества, в случае если местные органы власти найдут свой интерес во взаимодействии с общественными группами [15]. Из этого, в частности, следует, что объяснение слабости КСО в России через характер политического режима не может быть достаточным и единственным.

Российское государство проявляет значительный интерес к КСО, разумеется, не целиком, а в лице своих отдельных институций и при поддержке политического руководства (тема КСО находила отражение и в посланиях и указах главы государства). На федеральном уровне даже сложилась своеобразная коалиция части чиновничества и экспертного сообщества, институционально оформленная очень специальным конгломератом органов, которые при этом не являются государственными органами в строгом, легалистском смысле слова: Общественная палата РФ, Правительственная комиссия по координации деятельности открытого правительства, Экспертный совет при Правительстве РФ (так, по крайней мере, было до смены правительства после президентских выборов 2018 г.).

Государство проводит унифицирующую политику, фактически направленную, в том числе, на повышение субъектности КСО (подробнее см. [6]). Логика этой политики заключается в стремлении преодолеть оппортунистическое поведение государственных и других публичных органов, при которых создаются КСО, через обеспечение независимого от этих органов формирования КСО, повышение их статуса и стимулирование их активности. Иными словами, государство видит необходимость в активно действующих КСО и при этом полагает, что они в данный момент таковыми не являются. Причину обнаруживают в излишней зависимости КСО от государственных и иных публичных органов, которые их создают, ресурсно и содержательно (через обращение с запросами) обеспечивают деятельность. На оценку ситуации с КСО и рецептов ее изменения почти не влияет позиция оценивающего – и представители экспертно-академической среды, некоммерческого сектора, и представители государства – в случае критического восприятия работы КСО ключевую причину видят в их зависимости и несамостоятельности: *«зачастую они слабы и назначаются самими губернаторами. Есть проблема излишней зависимости региональных палат от местного начальства. Мы обсуждали, что надо предложить программу по усилению региональных общественных палат, по большей автономности их действий (В. Фадеев)»*¹.

---

¹ Правкомиссия одобрила план законодательного закрепления принципов открытости власти, 22 Июня 2017 // Открытое правительство. URL: <http://open.gov.ru/events/5516105/>.

Выход был найден через повышение независимости КСО от государственных органов и должностных лиц, то есть можно говорить о попытке реализовать формулу *субъектность КСО – через автономию КСО*. Таким образом, в центре внимания находится автономия КСО и способы ее обеспечения. При этом эта автономия мыслится в субъектном ключе. КСО должны быть не просто площадкой, местом столкновения и делиберации интересов разных сторон, а активно и самостоятельно действующим субъектом, самостоятельно ставящим перед собой цели и добивающимся их реализации.

В последние несколько лет был достигнут значительный прогресс в реализации второй части формулы, т.е. обеспечение автономии КСО при исполнительных органах государственной власти (общественные советы) Вплоть до того, что в государственный орган может вообще не участвовать в формировании состава совещательного органа при самом себе и не иметь никаких, даже косвенных, рычагов влияния на процесс. Однако обобщенная оценка достижения первой части формулы, то есть повышения субъектности КСО, которая в целом понимается как самостоятельная и иницирующая активность, скорее негативная. Ее разделяют как представители государства, так и ученые, эксперты, и другие заинтересованные стороны – прежде всего участники этих КСО со стороны общества.

Причина, как представляется, состоит в том, что «воспитание субъектности» КСО развивалось по преимуществу в организационно-технологическом русле. Но такая политика оказалась до некоторой степени парадоксальной в смысле соотношения избранной цели и используемых средств. КСО стремятся превратить в полноценных субъектов взаимодействия государства и общества. При этом субъектность понимается как автономная независимость – в первую очередь, от органов власти, при которых КСО созданы, но также фактически и от любых общественных групп, которые в нем представлены, то есть они должны приобрести некую самостоятельную сущность и самостоятельное существование.

Однако самостоятельное автономное существование не является гарантией способности действовать, поэтому, далее, необходимо проблематизировать саму формулу: *субъектность – через автономию*, как явно неадекватную достигнутому современной наукой пониманию проблематики субъектности.

Субъектность в современной политике как теоретическая проблема

В условном «традиционном» понимании, которое по-прежнему доминирует в обыденном интеллектуальном сознании, что и проявляется в умонастроениях и политике «воспитателей субъектности», понятие «субъектность» неразрывно связано с понятиями «автономность» и «автономия», а «политическая субъектность» – с понятиями «суверенность» и «суверенитет». В своей основе это понимание опирается на идею свободного, рационального и решающего субъекта – не важно, индивидуум это или некая социальная общность. Иными словами, речь идет о некотором состоянии или качестве субъекта, связанных с обладанием и применением какой-то власти (часто на определенной территории или в социальном пространстве – *privacy*), с самозаконодательством, независимостью и абсолютным самоуправлением, с возможностью быть *causa sui* и тому подобное.

В академических дискуссиях в рамках разных дисциплин (психология, философия, социология и пр.) и по разным направлениям традиционная связка субъектности и автономности давно поставлена под вопрос и в концептуальном и эмпирическом отношении. Скорее напротив, относительно общим местом в современных научных дискуссиях является подчеркивание принципиальной неавтономности, контекстуальности любого социального субъекта в его действии, что проявляется, например, в появлении таких понятий как «situated agency» [14] и «embedded agency» [7]. Современные подходы строятся на преодолении традиционных оппозиций субъект–объект, субъект–структура, индивидуальный–коллективный, контроль–сопротивление и даже человеческий–нечеловеческий.

При этом сохраняется акцентуация деятельностного характера субъектности, например, в часто цитируемом определении Энтони Гидденса – *the capability to 'make a difference'* [13, 14]¹. Вопрос, однако, в том, как и в каких формах возможна деятельность субъекта, когда он не является автономным от окружающей его среды. Согласно тому же Гидденсу, социальные структуры как ограничивают, так и делают возможным действие. Схожую логику демонстрирует Джудит Батлер, когда пишет, что «утверждать, что субъект зависим, является неотъемлемой частью целого, не означает, что он предопределен; напротив, зависимый характер субъекта является самой предпосылкой его субъектности» [9, 46].

Собственно, в рамках феминистической теории многое сделано, чтобы решить проблему того, как зависимые женщины могут быть активно дейст-

---

¹ В русском издании 2003 г. термин *agency*, который я интерпретирую как наиболее операциональное соответствие русскому слову *субъектность*, переведен как *деятельность*, см.: Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.; похожие сложности возникают и в других языках, например, в немецком, см.: [27, 76].

вующими субъектами. В концептуальном отношении это вылилось в отказ от негативной модели субъектности, которая построена на противостоянии ограничивающим социальным нормам [20], и в отказ понимать субъектность в терминах автономного авторства и суверенного субъекта [23]. В эмпирических исследованиях показано, что, субъектность не просто синоним сопротивления отношениям господства, а способность к действию, которую создают и делают возможным конкретные отношения подчинения, в которых существуют женщины [18; 21].

На другом материале – в исследовании соотношения и ролей граждан и потребителей в современной политике – Марк Бевир предлагает отказаться от *«одинаково неправдоподобных альтернатив автономного субъекта и смерти субъекта»*. Идеальной автономии не существует, люди несвободны и не действуют вне и помимо конкретных социальных контекстов. Но невозможность соответствовать идеализированным и иллюзорным нормативными ожиданиями не закрывает возможность для действия, меняющего самих субъектов и окружающий мир [14, 8–9].

Схожим курсом развивалось понимание субъектности в других научных направлениях. В рамках анализа социальных сетей, так называемой реляционной социологии, Эмирбайер и Мише в своей программной статье указывают на важность интерсубъективности, социального взаимодействия и коммуникации как важнейших компонентов субъектных процессов: субъектность всегда является диалогическим процессом, посредством которого субъекты ... взаимодействуют с другими в коллективно организованных контекстах действий [11, 973–974].

Переосмысление субъектности не ограничивается только «человеческим» (*human*), индивидуальным измерением, но касается и социальных и политических субъектов. Хотя само противопоставление индивидуальной и социально-политической субъектности явно проблематизировано в современном мире, что и демонстрируют вышеприведенные примеры. Переоценка в немалой степени связана с изменением социального мира в целом, что как представляется, связано и с изменением человеческой субъектности (плюс, мы ее теперь лучше понимаем). Возможно, особенно ярко это видно в изменении интерпретации политической субъектности, которая традиционно рассматривалась как способность влиять на политическую систему, ориентированную на государство. Но сегодня почти общим местом стало утверждение, что государство, сохраняя свою значимость, дезагрегировано и разбросано по горизонтальным сетям. В этом новом контексте множество новых участников – от административных сетей до неправительственных субъектов, от групп без гражданства до транснациональных фирм – конкурируют друг с другом и с традиционными государственными агентствами, чтобы влиять на политическую систему [19]. Соответственно, на повестке дня стоит и новое понимание субъектности и поиск новых форм ее существования и реализации.

Субъектность КСО как участие в решениях по поводу его статуса

Каким образом можно понимать консультативно-совещательные органы

и их возможную субъектность, имея в виду обозначенный теоретический контекст? Представляется продуктивным взглянуть на них сквозь призму теории организаций, тем более что именно в рамках этого направления активно разрабатывается проблематика субъектности, причем не просто организаций, но и «субъектность организованности» (*agency of organizing*) как таковой [8]¹. КСО как раз представляют собой довольно специфическую социальную форму. Они явно имеют выраженные организационные черты, то есть не являются просто случайным и временным собранием индивидов, но при этом все-таки сильно отличаются от «очевидных» организаций – фирм, государственных органов, некоммерческих организаций, учреждений. Они не являются юридическими лицами, не имеют собственных ресурсов, собственных обеспечивающих организационных структур, собственного места дислокации и так далее. Они не являются в полном смысле слова постоянно действующими организациями просто в силу того, что основной формой их деятельности являются заседания, то есть встречи их членов, которые происходят только время от времени. Они могут пониматься как представительские органы, но формализация и институционализация этого представительства обычно весьма слабая. Их место в социальной реальности, как было сказано, часто истолковывается как посредническое между государством и обществом – то есть в некотором смысле ни там, ни тут. При этом они явно аффилированы «очевидным» организациям в виде, прежде всего, государственных органов. То есть сами КСО явно не могут быть поняты ни как субъекты, ни как организации в традиционном смысле.

КСО *как бы* существуют и не существуют одновременно, вплоть до, казалось бы, анекдотических ситуаций, когда они могут быть неизвестны даже тем, кто входит в их состав². Тем не менее, в рамках современных подходов оказывается возможным рассматривать группу людей как организованность, даже если отсутствуют такие важные составляющие традиционных организаций как координация, общение, интенциональность и идентификация (чувство членст-

---

1 Иной подход мог состоять, например, в том, чтобы обратиться к понятию гибридных организационных форм Оливера Уильямсона, которые занимают промежуточное положение между рынком и иерархией; они не обладают полной автономией от административного контроля, но он не столь выражен как в иерархиях (фирмах, в нашем случае – органах и учреждениях), они действуют на основании *credible commitments*, они необходимы в случаях нерегулярных и повторяющихся сделок по поводу благ средней степени специфичности – см.: [3].

2 Автору известны такие случаи, речь не о том, что человек забыл – его просто не поставили в известность, то есть просто не выполнили очевидную процедуру согласования, а так как совет и не заработал, и был потом упразднен, то у него и дальше не было шанса узнать про свое членство.

ва) [28]¹. Нет необходимости следовать таким радикальным попыткам переосмысления, грозящим размыть саму идею организации (хотя авторы, конечно, правы в том, что никакой предзаданной границы между организацией и средой не существует), в том числе, потому что КСО свойственны координация, общение, интенциональность и идентификация – по крайней мере, с какой-то степенью интенсивности.

Более продуктивным, представляется, обратиться к концептуальным построениям одной школ в рамках коммуникативного направления в исследовании организаций («коммуникативное устройство организации» – «communicative constitution of organizations»), которую связывают с именем и наследием Н.Лумана [24; 25]. Достоинство самого направления «communicative constitution of organizations» видится в том, что в его рамках организации понимаются как совокупность коммуникативных процессов и событий, которым не предшествует никакая другая организация. Организации являются «процессуальными явлениями», которые необходимо повторять каждый раз в первый раз. Это позволяет схватить организационные особенности КСО, зыбкость, неопределенность границ, а главное прерывистость существования – есть коммуникация, значит есть организация (КСО), нет коммуникации – нет организации. Коммуникация начинается с самой идеи создания органа и протекает между всеми вовлеченными сторонами. Но здесь есть концептуальная сложность – ведь коммуникации могли быть между данными лицами и до идеи КСО, и могут продолжаться после прекращения существования КСО. Что же все-таки его определяет и отграничивает от других коммуникаций?

Лумановский подход, развиваемый его последователями, выглядит в преодолении этой сложности оптимальным. Организации отличаются от других форм социальных систем (по Луману все социальные системы конституированы коммуникацией) через поддержание их существования посредством определенного типа коммуникации, который он называет «коммуникацией по поводу принятия решения» (*decisional communication*). Принятие решений необходимо для того, чтобы справиться с неопределенностью, определить организации саму себя и внешний мир, с которым приходится иметь дело. Но каждое решение оставляет будущее открытым для выбора и тем самым провоцируют собственное оспаривание, что создает необходимость в принятии последующих решений [25]. Решение имеет сложную природу, во что сейчас нет необходимости углубляться, достаточно лишь сказать, что оно всегда имеет коммуникативный характер, например, решение о членстве в организации всегда есть сочетание аутоселекции и гетероселекции, то есть кто-то принимает решение о приеме человека в организацию, но и человек решает стать частью организации.

---

¹ На примере велосипедистов – авторы доказывают, что имеет место организованность в форме коллективного действия, в котором достигаются общие цели или возникает публичное благо.

Взаимодействия по поводу решений и возникающая отсюда взаимозависимость и есть основа субъектности. Но конфигурация субъектности может быть различной и остается вопрос о том, что это собственно за решения и по поводу чего они принимаются. Сам Луман говорит лишь о том, что они могут бесконечно разнообразными, приводя пример решения по поводу членства в организации. Это касается и КСО, но очевидно, что может быть и масса других решений. Более того, через конкретные КСО проходит масса таких решений, которые в строгом смысле слова решениями КСО не являются. Стандартная ситуация, когда в общественный совет при органе исполнительной власти (при должностном лице, учреждении, в общественную палату) направляется для рассмотрения проект какого-то документа и члены КСО его одобряют, соглашаются, возможно даже не ознакомившись с ним. Можно ли в таком случае говорить, что КСО выступил субъектом решения, и его принятие явилось проявлением субъектности? Здравый смысл и интуитивное желание сохранить за понятием субъектности значимость не дают это сделать.

Но решение, тем не менее, принято, причем не только органом власти, который выполнив формальную процедуру, теперь может утвердить документ, но и членами КСО, ведь отказ от содержательного рассмотрения и принятия по этому поводу решения – тоже решение. Но, можно представить, что это не решение КСО, а индивидуальные решения его членов, которые по каким-то частным причинам решили согласиться с предложением уполномоченного органа. При этом коммуникация по поводу принятия решения состоялась, но сам КСО как субъект решения в этом случае отсутствовал (например, можно предположить, что результат был бы тот же, если бы не было КСО, а проект документа те же люди получили по другим каналам). Значит ли это, что КСО как организация просто отсутствует, не говоря уже об его субъектности?

И да, и нет. КСО как некоторое единство в этом примере действительно не участвовал в принятии решения, но это еще не значит, что так же будет в следующий раз. Решения могут приниматься или не приниматься. Важно лишь, что каждое следующее решение должно иметь в виду предыдущее решение (или совокупность предыдущих решений), что и создает устойчивость и воспроизводимость КСО как организационного единства. Более того, отказ от содержательного решения в данный конкретный момент может быть связано с каким-либо предыдущим решением, а значит быть действительным решением КСО (например, в прошлый раз орган власти сделал уступку, обусловив ее

встречной уступкой в будущем, то есть сегодняшний отказ от решения является, по сути, ранее принятым решением).

В этой сложной сети решений все же необходимо найти какой-то предмет, который позволит более определено понимать возникающие организационные конфигурации и, соответственно, конфигурации субъектности. Представляется, что таковым предметом является статус самого КСО. То есть некоторая совокупность взаимозависимостей участвующих сторон, покоящаяся на принятых ранее решениях, которая определяет место, позицию, роль КСО в социальном пространстве. В этой логике статус КСО не определяется исключительно в легалистском ключе – как только зафиксированный в каком-нибудь одном основополагающем документе, типа положения об органе (часто само его наличие важнее, чем его содержание). Статус необходимо понимать более комплексно. В эмпирической реальности он существует в виде совокупности более или менее конкретных взаимных ожиданий коммуницирующих сторон, центрированных на КСО. Разумеется, таких ожиданий может не быть. То есть они могут просто проходить *как бы* сквозь КСО, оставляя его пустой формой. Но даже если они есть, их актуализация не имеет постоянного характера, она все равно прерывистая и спорадическая. При этом почти наверняка участники взаимодействия вовлечены во множество других взаимодействий, в том числе в рамках других организационных форм, в том числе друг с другом. Это определяет ситуативный и мерцающий характер субъектности КСО и в тех случаях, когда она есть.

* * *

Таким образом, субъектность консультативно-совещательного органа – это его активность в конституировании, воспроизводстве и возможном изменении собственного статуса и связанных с ним объема и характера условий и возможностей существования и действия. При этом субъектность – в данном подходе – относится к динамическому измерению существования КСО. То есть субъектность – это не «природное» состояние или качество, которое может быть измерено по шкале больше – меньше (в отличие от автономности). Она не может быть сведена к объему полномочий, которые можно дать или отобрать, то есть к тому, к чему очень часто сводят вопрос о статусе консультативно-совещательных органов в России. Напротив, более важным вопросом, чем объем полномочий (который, конечно, может быть предметом взаимодействия по поводу статуса), является возможность такой коммуникации, в ходе которой

формируются и воспроизводятся взаимозависимости. Навязывание жестких внешних правил в ходе «воспитания субъектности» со стороны федерального центра заставляет другие стороны в большей степени ориентироваться на него, нежели друг на друга, что является одним из факторов блокировки реализации субъектности.

Библиографический список

1. *Белоногов Ю. Г.* Взаимодействие общественно-консультативных советов и государственных органов исполнительной власти в современной России // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2016. № 1. С. 19–36. [Belonogov Yu.G. Vzaimodeistvie obshchestvenno-konsul'tativnykh sovetov i gosudarstvennykh organov ispolnitel'noi vlasti v sovremennoi Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Politologiya. 2016. № 1. S. 19–36.] Belonogov Yu.G. Interactions between Public Advisory Boards and Executives in Contemporary Russia // Perm University Herald. Review of Political Science. 2016. № 1. Pp. 19–36.].
2. *Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д.* Общественные советы при исполнительных органах власти: рецепция федерального законодательства на региональном уровне (на примере Уральского федерального округа) // Российский юридический журнал. 2016. № 2 (март-апрель). С. 68–77. [D'yakova E.G., Trakhtenberg A.D. Obshchestvennye sovery pri ispolnitel'nykh organakh vlasti: retseptsiya federal'nogo zakonodatel'stva na regional'nom urovne (na primere Ural'skogo federal'nogo okruga) // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. N 2, mart-aprel' 2016 g.] Dyakova E.G., Trakhtenberg A.D. Public councils attached to executive bodies: the reception of federal law at the regional level (using the example of the Ural Federal District) // Russian Juridical Journal. 2016. N 2. Pp. 68–77.].
3. *Капелюшников Р. И.* Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике-2009 // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14. № 1. С. 1–69. [Kapelyushnikov R. I. Mnozhestvennost' institutsional'nykh mirov: Nobelevskaya premiya po ekonomike-2009 // Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2010, T. 14, № 1. S. 1–69.] Kapelyushnikov R. I. Multiplicity of Institutional Worlds: Nobel Prize in Economics-2009 // The HSE Economic Journal. 2010, Vol. 14, No 1. P. 1–69].
4. *Рагозина Л. Г., Цацура Е. А., Гришина Е. Е., Пороховская М. А.* Участие общественных коллегияльных органов управления в социальных услугах: российский и зарубежный опыт. М., 2014. [Ragozina L.G., Tsatsura E.A., Grishina E.E., Porokhovskaya M.A. Uchastie obshchestvennykh kollegial'nykh organov upravleniya v sotsial'nykh uslugakh: rossiiskii i zarubezhnyi opyt. M.: Izdatel'stvo Delo, 2014] Ragozina LG, Tsatsura EA, Grishina EE, Porokhovskaya MA Partic-

- ipation of public collegiate management bodies in social services: Russian and foreign experience. Moscow: Publishing Delo, 2014].
5. Руденко В. Н. Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности // ПОЛИТЭКС. 2006. № 3. С. 143–155. [Rudenko V.N. Konsul'tativnye obshchestvennye sovety: osobennosti organizatsii i deyatel'nosti // POLITEKS. 2006. N 3. S. 143–155] Rudenko V.N. Advisory public councils: peculiarities of organization and activity // POLITEX. 2006. N 3. Pp. 143–155].
  6. Сулимов К. А. Системы консультативно-совещательных органов в современной России как институциональные условия со-управления: между унификацией и разнообразием // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2018. № 1. С. 5–23. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-5-23. [Sulimov K. A. Sistemy konsul'tativno-soveshchatel'nykh organov v sovremennoi Rossii kak institutsional'nye usloviya so-upravleniya: mezhdru unifikatsiei i raznoobraziem Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Politologiya"] Sulimov K.A. Systems of consulting and advisory bodies in contemporary Russia as institutional conditions for co-governance: between unification and diversity // Perm University Herald. Review of Political Science. 2018. № 1. Pp. 5–23. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-5-23].
  7. Abdelnour S., Hasselbladh H., Kallinikos J. Agency and institutions in organization studies // Organization Studies. 2017. 38 (12). Pp. 1775–1792. DOI: 10.1177/0170840617708007.
  8. Brumans B. H. J. M. (ed.) The Agency of Organizing: Perspectives and Case Studies. New York: Routledge, 2018. 239 p.
  9. Butler J. Contingent foundations: Feminism and the question of 'Postmodernism' // Feminist contentions: A philosophical exchange / S. Benhabib et al. (eds.). New York/London: Routledge, 1995.
  10. DiMaggio P., Powell W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American Sociological Review. 1983, 48 (2), P. 147–160.
  11. Emirbayer M., Mische A. What is Agency? // American Journal of Sociology. 1998. 103 (4). Pp. 962–1023.
  12. Fewsmith J. Consultative Authoritarianism // Joseph Fewsmith The Logic and Limits of Political Reform in China. Cambridge University Press. 2013. Pp. 142–169. DOI: 10.1017/CBO9781139381703.
  13. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.
  14. Governance, consumers and citizens: agency and resistance in contemporary politics / edited by Bevir M., Trentmann F. Basingstoke, Hampshire, New York, Plagrave Macmillan, 2007. 286 p. DOI 10.1057/9780230591363.
  15. Hsu S. Ph. In Search of Public Accountability: The 'Wenling Model' in China // The Australian Journal of Public Administration. Vol. 68, No. S1. Pp. S40–S50. doi:10.1111/j.1467-8500.2009.00624.

16. *Lorch J., Bunk B.* Using civil society as an authoritarian legitimation strategy: Algeria and Mozambique in comparative perspective // *Democratization*. 2017. Vol. 24, No. 6. Pp. 987–1005. DOI: 10.1080/13510347.2016.1256285.
17. *Ma Yide* The Role of Consultative Democracy in a Constitutional System and the Rule of Law in China // *Social Sciences in China*. 2015. 36:4, Pp. 5–23. DOI:10.1080/02529203.2015.1088619.
18. *Mahmood S.* Feminist theory, agency, and the liberatory subject: Some reflections on the Islamic revival in Egypt // *Etnografica*. 2006. 10. Pp. 121–158.
19. *Marchetti R.* Introduction // *Contemporary political agency: theory and practice* / edited by Bice Maiguashca and Raffaele Marchetti. Routledge, 2013.
20. *McNay L.* *Gender and Agency: Reconfiguring the Subject in Feminist and Social Theory*. Polity Press, 2000. 200 p.
21. *Mohamed S.* Political Agency In The Blogging Of The Everyday: The Case Of Muslim Women Bloggers // *Journal of Islamic, Social and Development*. 2(6). 2017. Pp. 152–165.
22. *Palermo F., Woelk J.* No representation without recognition: The right to political participation of (National) minorities // *Journal of European Integration*. 25:3, 2003. Pp. 225–248, DOI: 10.1080/0703633032000133574.
23. *Posselt G.* Outraging Speech: On the Politics of Performative Contradictions // *Subjectivation in Political Theory and Contemporary Practices* / A. Oberprantacher & A. Siclodi (eds.). Palgrave Macmillan, London, 2016. Pp. 111–129. DOI: 10.1057/978-1-137-51659-6.
24. *Schoeneborn D., Blaschke, S., Cooren, F., McPhee, R. D., Seidl, D., Taylor, J. R.* The three schools of CCO thinking: Interactive dialogue and systematic comparison // *Management Communication Quarterly*. 2014. 28(2). Pp. 285–316. doi:10.1177/0893318914527000.
25. *Schoeneborn D., Vásquez C.* Communicative Constitution of Organizations // *The International Encyclopedia of Organizational Communication*. Craig R. Scott; Laurie Lewis; James R. Barker; Joann Keyton; Timothy Kuhn; Paaige K. Turner (eds.). Vol. 1, Hoboken, NJ: Wiley, 2017. Pp. 367–386. DOI: 10.1002/9781118955567.wbieoc030.
26. *Teets J.* *Converging on Consultative Authoritarianism. In Civil Society under Authoritarianism: The China Model*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 119–144. doi:10.1017/CBO9781139839396.005.
27. *Titzmann F.-M.* *Der indische Online-Heiratsmarkt: Medienpraktiken und Frauenbilder im Wandel*. Berlin: Frank & Timme, 2014. 340 s.
28. *Wilhoit E.D., Kisselburgh L.G.* Collective Action Without Organization: The Material Constitution of Bike Commuters as Collective // *Organization Studies*. 2015. Vol. 36(5). Pp. 573–592.

**CONSULTATIVE AND ADVISORY BODIES IN MODERN RUSSIA:
AGENCY WITHOUT AUTONOMY?**

K. A. Sulimov

Candidate of Political Sciences, Head of Political Science Department, Perm State
University

In modern Russia, there is a strong claim of a set of extremely numerous and various consultative and advisory bodies for the agency. They discharge a consultative public function and join various members whose represent the society and are affiliated to the government directly or implicitly. The conceptual analysis of different approaches to the agency allows making inference about irrelevance interpretation of its links with autonomy in the case of consultative and advisory bodies. The article proposes a theoretical frame for analyzing of agency of consultative and advisory bodies. This theoretical frame bases on one of the schools in the communicative approach in the study of organizations ("communicative constitution of organizations"), which is associated with the name and heritage of Niklas Luhmann (the social systems theory approach). In accordance to this approach, a agency of consultative and advisory bodies is a performance for constituting, reproducing and possible changing its own status and the associated scope and nature of the conditions and opportunities for existence and action. In empirical terms in modern Russia, the agency of the consultative and advisory bodies is situational, flickering and sporadic. The proposed conceptual perspective contributes to the academic discussion on the notion of agency in general and on specific new forms and varieties of agency and agents (actors) in the modern world.

Keywords: consultative and advisory bodies; public councils; co-management; public administration; agency; interaction mechanism; the social systems theory approach; communicative constitution of organizations.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-103-119

ТАТАРСТАН НАЧИНАЕТ И ...? ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК В РОССИИ

Е. Ю. Цумарова¹

Статья посвящена анализу ситуации с изучением родных языков в национальных республиках в России и состоит из трех частей. В первой части представлена теоретическая основа исследования. Языковой вопрос рассматривается как часть проводимой региональными акторами политики идентичности, направленной на формирование «мы-сообщества» с целью легитимации властвующей элиты. Отмечается, что стратегии политики идентичности в регионах зависят от характера взаимоотношений центра и регионов, а также от деятельности федерального правительства по формированию общенациональной идентичности.

Во второй части статьи анализируется история политики идентичности в национальных республиках России в контексте развития федеративных отношений и процесса национального строительства. Формирование отношений центр-регионы в 1990-е гг. позволило национальным республикам активно использовать политику идентичности для достижения своих интересов как внутри региона, так и при торге с федеральным центром за дополнительные полномочия. Рецентрализация российского государства, произошедшая в 2000 -е гг., трансформировала политику идентичности в регионах, основной целью которой стала демонстрация лояльности центральному правительству. Возврат прямых выборов губернаторов в 2012 г. вернул политику идентичности в региональную повестку дня, позволив некоторым из национальных республик вновь использовать ее для торга с центром.

Наконец, в третьей части статьи анализируется непосредственно конфликт вокруг языкового вопроса, начавшийся летом 2017 г. Отмена обязательного изучения родного языка в национальных республиках рассматривается, с одной стороны, как попытка федерального центра в одностороннем порядке пересмотреть сложившийся федеративный контракт и сузить пространство для использования этнической карты для национальных элит. С другой стороны, складывающаяся на данный момент ситуация представляется как возможность политическим элитам республик активизировать риторику политики идентичности внутри и вне региона для отстаивания собственных интересов.

---

¹ Цумарова Елена Юрьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ПетрГУ; доцент факультета сравнительных политических исследований СЗИУ РАНХиГС. E-mail: tsumarova@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9960-4119. ResearcherID: N-4998-2018).

Ключевые слова: политика идентичности; федеративный контракт; родные языки; Татарстан; национальные республики.

В июле 2017 г. на заседании Совета по делам национальностей при Президенте РФ Владимир Путин заявил о недопустимости принудительного изучения языков народов России¹. Президент подчеркнул значимость этнокультурного многообразия, однако предложил главам регионов сконцентрироваться на развитии этнокультурного туризма, а не на преподавании родных языков в школах. Заявление Президента вызвало широкую общественную дискуссию в тех регионах, в которых язык титульного этноса зафиксирован в качестве второго государственного. Многие высказывали опасение о том, что сокращение часов на изучение родного языка в школах приведет к упадку и исчезновению самобытной культуры народов России, полностью нивелирует федеративный характер российского государства. Так, например, Союз писателей Республики Татарстан в своем обращении к Президенту России отмечал, что «исключение татарского языка как государственного языка из списка обязательных предметов школьной программы повлечет за собой свертывание татарской письменности, литературы, да и всей татарской культуры»². При этом противники сокращения часов на изучение родных языков в школах зачастую использовали риторику политики идентичности, акцентируя внимание на необходимости повышения автономии политических сообществ в границах субъектов федерации.

Политика идентичности как инструмент политической борьбы

Термин «политика идентичности» довольно прочно вошел в научный оборот. Зачастую под ним понимается особая политическая практика социальных групп, связанная с борьбой за символические (властные) ресурсы. Как подчеркивает Г. Миненков, политика идентичности — это, прежде всего, «борьба теоретическая и социально-политическая, а не просто объединение в группы по интересам, борьба, связанная с разрушением прежних легитимаций и поиском признания и легитимности, а иногда и власти, а не только возможностей для самовыражения и автономии» [9, 24].

¹ Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55109>, свободный (дата обращения: 05.06.2018).

² Текст обращения Союза писателей Республики Татарстан к Президенту Российской Федерации В.В. Путину [Электронный ресурс]. URL: http://www.sptatar.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1788:%F2%E5%EA%F1%F2-%EE%E1%F0%E0%F9%E5%ED%E8%FF-%F1%EE%FE%E7%E0-%EF%E8%F1%E0%F2%E5%EB%E5%E9-%F0%E5%F1%EF%F3%E1%EB%E8%EA%E8-%F2%E0%F2%E0%F0%F1%F2%E0%ED-%EA-%EF%F0%E5%E7%E8%E4%E5%ED%F2%F3-%F0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9-%F4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8-%E2-%E2-%EF%F3%F2%E8%ED%F3&Itemid=695&lang=ru, свободный (дата обращения: 05.06.2018).

В рамках исследований наций и национализма политику идентичности определяют как «совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности» [12, 165]. О. Малинова предлагает рассматривать политику идентичности современных государств как составную часть символической политики, под которой понимается деятельность политических акторов, направленная на «производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [7].

Однако, как показывает И. Семененко, государство является только одним из участников политики идентичности. В ее формирование и реализацию вовлечены также «гражданские организации и гражданские институты, интеллектуальные сообщества и экспертные структуры, институты социальной сферы и культуры, СМИ, бизнес, органы местного самоуправления, сами граждане» [11, 101]. Помимо этого, наряду с государством агентами политики идентичности могут выступать и другие «политические предприниматели, прежде всего принадлежащие к различным сегментам элит» [5, 190]. Чаще всего речь в данном случае идет о политике идентичности, разворачивающейся внутри региональных политических сообществ.

В. Гельман и Е. Попова рассматривают политику идентичности в регионах как «деятельность региональных элит по управлению информационной средой в целях создания у потребителей информационных потоков внутри и вовне региона желаемого представления о самом регионе, о самих себе в регионе и о месте региональных элит в прошлом, настоящем и будущем региона» [5, 192]. Другими словами, политика идентичности может быть определена как целенаправленная деятельность политических элит по формированию представлений о политическом сообществе с целью «легитимации региональных властных институтов вне и внутри региона» [8, 126].

Представления о региональном сообществе – это, прежде всего, представление о членах сообщества. Формирование образа «мы» является неотъемлемой частью проводимой политики идентичности, наряду с символизацией и ритуализацией принадлежности к региону, а также определением границ «свой» - «чужой». Образ «мы-сообщества» содержит в себе так называемый «коллективный автопортрет» сообщества, указывающий на «ценностные основания его солидарности» [7]. Важную роль в процессе формирования и распространения образа сообщества играют институты социализации, такие как семья, школа, СМИ. При этом, как отмечает Л. Сагитова, ключевым инструментом такой социализации является язык, ведь именно с его помощью «постигается мир, на нем основаны как внешние коммуникации, так и процесс мышления личности» [10, 81]. Кроме того, именно язык позволяет создавать то, что К. Дойч называл общим жизненным контекстом. Общий жизненный контекст – это не только совокупность общих знаний и тем для обсуждения, но и способность

«понимать» собеседника. Это значит, что члены одного сообщества не нуждаются в каких-то пояснениях при упоминании известных для них людей, географических названий. Они могут сослаться на какие-то события без того, чтобы пояснять друг другу, кем является тот или иной человек, где находится тот или иной населенный пункт, что произошло в такое-то время и там-то.

Специфика политики идентичности в регионах обусловлена, в первую очередь, особенностями региона как составной части государства. Можно выделить два вида ограничений, которые влияют на формирование и реализацию политики идентичности в регионах. Первая группа ограничений связана с форматом отношений центр-регионы. В случае с федеративными государствами речь идет о тех элементах федеративного контракта, которые способствуют или, напротив, препятствуют автономному функционированию региона.

Вторым ограничением является деятельность центрального правительства по формированию общенациональной идентичности. Эта деятельность включает в себя распространение так называемой «высокой культуры», ведь, как отмечает Э. Геллнер, государство заинтересовано в «производстве жизнеспособных и полезных членов общества», которые будут «мобильными, готовыми переключиться с одной деятельности на другую» [4].

Соответственно, перед «политическими предпринимателями» в регионах стоят довольно специфические задачи. С одной стороны, политика идентичности в регионах направлена «внутрь» сообщества и ставит своей целью укрепление электоральных позиций властвующих акторов. С другой стороны, политические элиты регионов вынуждены формировать политику идентичности и для внешнего рынка в лице центрального правительства, чтобы получать преференции в виде дополнительных полномочий или материальных ресурсов. Именно на этом уровне политика идентичности может рассматриваться как своеобразный ресурс региональных акторов в процессе торга с федеральным центром при формировании или пересмотре федеративного контракта. Как отмечает А. Стародубцев, «установившаяся территориальная система представляет собой результирующее такой торг равновесие, которое может быть пересмотрено – причем как центральными властями, так и регионами – в тот момент, когда у одной из сторон появятся необходимые для этого ресурсы» [13].

Наличие или отсутствие у региональных акторов специфических ресурсов определяет выбираемую ими стратегию политики идентичности. Как подчеркивает М. Китинг, политические смыслы региональной идентичности могут варьироваться «от устройства регионального лобби в политике через требования автономии вплоть до полного отделения» [6, 75]. Используя терминологию У. Бека¹, можно выделить два типа региональной идентичности, которые могут

---

¹ У. Бек говорил о необходимости замены концепции «эксклюзивного суверенитета» концепцией «инклюзивного суверенитета». Под последним он понимает некоторое

быть целью политики идентичности. Первый тип – «эксклюзивная» идентичность - строится на противопоставлении региональной и общегосударственной идентичности. Региональные элиты в данном случае заинтересованы вобретении максимальной автономии, либо полного суверенитета и могут вступать в открытую конфронтацию с центральным правительством. Центральным элементом такой политики является культивирование уникальности, самобытности региона, конструирование его истории, отличной от истории всего государства.

Региональные элиты могут придерживаться и противоположной стратегии в формировании политики идентичности, которую можно обозначить как «инклюзивную». В данном случае региональная политика идентичности направлена, скорее, на гармонизацию региональной и общегосударственной идентичностей. Формирование инклюзивной идентичности может быть частью рациональной стратегии региональных акторов, для которых принадлежность к единому государству несет больше выгод, чем возможная независимость [15].

Таким образом, политика идентичности рассматривается как деятельность региональных политических акторов, направленная на формирование представлений о «мы-сообществе» в границах субъекта федерации. Цель политики идентичности внутри региона заключается в легитимации властвующих институтов, выраженной в электоральной поддержке. На внешнем рынке политика идентичности может использоваться как ресурс в торге с центральным правительством при формировании или пересмотре федеративного контракта. Такой торг становится возможен только в том случае, когда региональные акторы выбирают стратегию формирования «эксклюзивной» идентичности, направленной на продвижение уникальности и самобытности региона

Одним из инструментов политики идентичности в региональных сообществах выступает язык, который позволяет создавать общий жизненный контекст, определять отличительные черты «своего» сообщества. Языковой вопрос приобретает особую значимость в условиях так называемой языковой конкуренции, когда родной язык региона «не совпадает с тем, на котором основана доминирующая «высокая культура» [10, 81]. В этом случае стратегии региональных политических предпринимателей могут варьироваться от полного принятия доминирующей культуры и перевода родного языка в категорию второстепенных, до обострения борьбы с федеральным центром за культурную и/или политическую автономию.

Определяя «правила игры»: история политики идентичности в республиках России

Национальные республики в составе России представляют собой особый тип субъектов федерации, которые получили дополнительные полномочия в результате целого ряда конфликтов начала 1990-х гг. В первую очередь, речь идет о конфликте между РСФСР и СССР, который ознаменовался суверенизацией не только союзных республик, но и автономных республик в составе РСФСР. Так, уже 9 августа 1990 г. Карелия приняла Декларацию о государственном суверенитете КАССР, которая, помимо прочего, устанавливала карельское гражданство. Подобные декларации впоследствии были приняты большинством республик в составе России.

Распад Советского союза не только не остановил процесс суверенизации, но поставил на повестку дня вопрос о сохранении территориальной целостности российского государства. Прежде всего это было обусловлено событиями на Северном Кавказе, а также тем, что руководство Татарстана требовало предоставить республике все больших полномочий, угрожая выходом из состава РФ. Как писал С. Хенкин, Москва критически не переосмыслила лозунга суверенизации, выдвинутого в борьбе против союзного центра, который изначально «способствовал национальной и региональной консолидации», а позднее «обернулся против целостности самой России» [14, 14].

Центральное правительство пыталось установить новые правила игры с республиками, инициировав подписание 31 марта 1992 г. Федеративного договора. В соответствии с этим документом, республики в составе России получали статус государственных образований, имеющих право самостоятельно участвовать в международных отношениях и обладающих большим объемом полномочий в реализации внутренней политики¹. Договор был подписан всеми республиками, за исключением Татарстана и Чечни, которые стали разыгрывать «этническую» карту в борьбе с федеральным Центром за дополнительные полномочия.

Принятая 12 декабря 1993 г. Конституция России закрепила особый статус республик в составе России. Помимо права принимать собственную конституцию и формировать органы государственной власти республик, статья 68 предоставила республикам право устанавливать второй государственный язык и использовать его в органах государственной власти и местного самоуправления на территории республики. Этим правом воспользовались практически все национальные образования. На протяжении 1990-х гг. статус второго государственного получили 37 языков, включая 13 языков народов Дагестана в 20 рес-

---

¹ Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации (Москва, 31 марта 1992 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/170280/>, свободный. 01.06.2018.

публиках. Исключением стала Республика Карелия, в которой дискуссия о втором государственном языке не завершилась установлением карельского в качестве второго государственного. Только в 2004 г. карельский, вепсский и финский языки получили статус официальных языков республики, которые могут использоваться органами государственной власти и местного самоуправления, а также при проведении выборов и референдумов в местах компактного проживания носителей языка.

Утверждение вторых государственных языков, помимо всего прочего, означало внедрение родного языка и в систему образования. При этом только в 8 республиках изучение второго государственного языка объявлялось обязательным для всех учащихся вне зависимости от этнической принадлежности¹. В большинстве республик второй государственный язык преподавался либо в качестве факультатива, либо являлся обязательным только для представителей титульного этноса.

Таким образом, в 1990-е гг. были обозначены основные контуры федеративного контракта, которые распространялись на большинство национальных республик. Исключением все также являлся Татарстан, с которым в 1994 г. был подписан первый двусторонний договор, а также Чечня, противоречия с которой центральное правительство пыталось решить силовым путем. Политика идентичности при этом стала для республиканских элит «наиболее подходящим инструментом в борьбе с “центром” за ренту на природные ресурсы и контроль над регионом» [1, 215], в то время как этнический фактор во многом служил «ресурсом и инструментом консолидации населения республики вокруг ее лидеров» [10, 98].

Произошедшая в 2000-х гг. рецентрализация российского государства стала главным фактором, повлиявшим на изменение политики идентичности в регионах. Усиление позиций федерального центра, построение «вертикали власти» с последующей отменой прямых выборов губернаторов привели к трансформации политики идентичности в регионах. Так как важным направлением деятельности региональных лидеров стала демонстрация лояльности федеральным органам власти, то именно они и стали главным «потребителем» политики идентичности. Встраивание региона в единое российское пространство являлось необходимым условием для получения различных льгот и преференций от федерального центра.

В то же время пересмотр правил взаимоотношений центра и регионов практически не коснулся культурной и образовательной политики, проводимой регионами. Как отмечают И. Бусыгина и М. Филиппов, основными требованиями федерального центра «выступали поддержание лояльности и обеспече-

---

¹ Надо подчеркнуть, что количество регионов, обязывающих учить второй государственный язык, менялось на протяжении 1990-х и 2000-х гг. В тексте указано максимальное количество регионов.

ние «заказанных» центром электоральных результатов», при исполнении которых «центр попустительствовал региональным властям, предоставляя им широкую свободу действий» [3]. Именно в этом контексте можно рассматривать заключенный в 2007 г. новый двусторонний договор между органами государственной власти России и Республикой Татарстан. Новый договор, хотя и лишал Татарстан права устанавливать республиканское гражданство, но зато позволил выдавать вкладыш в российский паспорт на татарском языке, а также обязывал государственных служащих Татарстана владеть татарским языком¹.

С 2011 г. начался новый виток трансформации политики идентичности в регионах, что было связано, прежде всего, с активизацией деятельности федеральных органов власти по формированию общенациональной идентичности. Так, на состоявшемся 11 февраля 2011 г. Государственном совете по национальной политике впервые за долгое время была озвучена идея о необходимости разработки комплексных планов мероприятий, направленных на укрепление общероссийской идентичности и гармонизации межэтнических отношений.

Как реакция на озвученные идеи в декабре 2012 г. была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., одной из целей которой провозглашалось «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»². Утвержденная 20 августа 2013 г. федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» также ставила своей целью «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»³. Реализация программы предполагала разработку всеми субъектами аналогичных программ, направленных, с одной стороны, на содействие этнокультурному многообразию народов России, а с другой стороны, на укрепление единства российской нации и гармонизацию межнациональных отношений. Такая формулировка целей программы вынуждает российские регионы находить баланс между этнической и национальной идентичностями, что само по себе является своеобразным вызовом для региональ-

---

1 Договор о разграничении предметов ведения и полномочий органов государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <http://tatarstan.ru/documents/polnomochia.htm>, свободный (дата обращения: 10.06.2018).

2 О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 19 дек. 2012 г. №1666 [Электронный ресурс] / Президент Российской Федерации. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521>, свободный (дата обращения: 06.06.2018).

3 О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)»: постановление от 20 августа 2013 г. [Электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>, свободный (дата обращения: 6. 06.2018).

ных элит. Наконец, в декабре 2016 г. Правительство утвердило новую программу "Реализация государственной национальной политики", одной из составных частей которой стала подпрограмма "Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России"¹. Фактически эта программа стала продолжением принятой тремя годами ранее ФЦП, сохранив двойственную формулировку цели: "укрепление единства российской нации и обеспечение этнокультурного развития народов России".

Другим фактором трансформации политики идентичности стали очередные изменения в характере федеративных отношений. Озвученный в апреле 2012 г. возврат прямых выборов губернаторов актуализировал проведение политики идентичности внутри регионального сообщества. Избираемым губернаторам вновь пришлось заниматься консолидацией населения, обеспечивая легитимность властвующим институтам. Однако не все республики воспользовались правом восстановления прямых выборов глав исполнительной власти. После внесения изменений в федеральный закон, позволяющий регионам самостоятельно выбирать механизм избрания на должность высшего должностного лица², Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия, Карачаево-Черкессия и Кабардино-Балкария оставили прежний механизм наделения полномочиями. Таким образом, национальные республики в составе России оказались в неравных условиях. Республики, вернувшие прямые выборы губернаторов, получили возможность вновь использовать политику идентичности для ведения переговоров с федеральным центром, тогда как оставшиеся регионы по сути отказались от пересмотра правил игры.

Примером достаточно успешного торга в это время можно назвать Татарстан, которому удалось пролоббировать сохранение поста Президента республики. Так, еще в декабре 2010 г. Государственная дума приняла закон, предписывающий регионам отказаться от наименования «президент» для руководителей исполнительной власти. Регионы должны были внести необходимые изменения до 1 января 2015 г., однако, позже этот срок продлили на один год для тех регионов, с которыми действуют двусторонние договоры³. К началу 2016 г. должность президента была упразднена во всех регионах, кроме Республики Татарстан. Как отмечали средства массовой информации, руководство Татар-

---

1 Об утверждении государственной программы «Реализация государственной национальной политики»: постановление от 29 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/26005/>, свободный (дата обращения: 06.06.2018).

2 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Фед. Закон Рос. Федерации от 2 апр. 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=174894&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.21470921144194755#04193256662027598>, свободный (дата обращения: 10.06.2018).

3 Путин подписал закон о сохранении должностей президентов субъектов РФ до 1 янв. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/1743921> (дата обращения: 05.06.2018).

стана использовало несколько аргументов в диалоге с центром¹. Во-первых, решение об изменении названия должности главы республики может быть принято только на референдуме, что закреплено в Конституции Татарстана. Во-вторых, двусторонний договор 2007 г. был подписан Президентом республики. И, наконец, в-третьих, на выборах 2015 г. население голосовало за кандидата на должность Президента Татарстана, соответственно, до окончания полномочий действующего Президента изменения не могут быть проведены.

Таким образом, история политики идентичности в национальных республиках демонстрирует противоречивую динамику, которая обусловливается ограничивающими факторами. Трансформация взаимоотношений центр-регионы, а также активизация деятельности центрального правительства по формированию общенациональной идентичности на первом этапе привела к изменению направленности политики идентичности в регионах, а затем вернула ее в региональную повестку дня. При этом, вплоть до 2017 г., федеральный центр не контролировал использование этнических сюжетов в проводимой республиками политики идентичности, декларируя курс на поддержание этнокультурного многообразия.

Родной язык как вопрос политики и идентичности

Вопрос изучения родного языка в национальных республиках неоднократно становился предметом общественных и политических дискуссий внутри регионов [см., например, 16], однако, при этом он ни разу не выходил на федеральную повестку дня. Поворотным пунктом стало высказывание Президента России о недопустимости принудительного изучения родных языков в школах в июле 2017 г. После этого в республиках прошли прокурорские проверки, выявившие многочисленные нарушения федерального законодательства в части реализации образовательной политики². В большей степени проверки коснулись Татарстана и Башкортостана, где на изучение вторых государственных языков приходилось в среднем около пяти часов в неделю³. При этом власти республик настаивали на необходимости обязательного изучения языков.

---

1 См., например: Татарстан отстаивает Президента [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/01/28_a_8045699.shtml, свободный (дата обращения: 05.06.2018).

2 См., например: В Башкирии начались проверки школ на добровольность изучения башкирского [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/08/28/v-bashkiriinachalis-proverki-shkol-na-dobrovolnost-izucheniya-bashkirskogo> (дата обращения: 06.06.2018).

3 Татарский язык делают необязательным [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3447958> (дата обращения: 05.06.2018).

Сложившаяся к началу осени 2017 г. ситуация фактически означала новый виток пересмотра федеративного контракта, инициированный федеральным центром. Центральное правительство впервые указало на необходимость регламентации тех сфер, которые до этого находились под полным контролем республиканских элит. В некоторых случаях республики и сами меняли контуры взаимодействия с центром, очерчивая, казалось, незыблемые полномочия субъекта федерации, к которым относится в том числе «отстаивание права на поддержание религиозных и этнических традиций на территории республики» [13].

При этом стоит отметить, что изменение правил игры происходит не болезненно. Руководители республик пытаются отстаивать право регионов формировать образовательную и культурную политику с учетом особенностей территорий. Лидером в этой борьбе стал Татарстан, больше всех пострадавший от нововведений. Так, уже в ноябре 2017 г. на заседании Государственного совета Республики Татарстан Президент Р. Минниханов заявил о том, что в результате переговоров с Министерством образования и науки России было сформулировано предложение об изучении татарского как второго государственного языка в республике в размере двух часов в неделю¹. Позже эту договоренность подтвердил и Полномочный представитель Президента в Приволжском федеральном округе М. Бабич².

Однако 10 апреля 2018 г. в Государственную думу был внесен законопроект о добровольном изучении национальных языков республик. В соответствии с проектом, преподавание вторых государственных и родных языков может вестись только факультативно, по желанию родителей и не в ущерб изучению русского и иностранного языков. Законопроект вызвал недовольство в большинстве республик. Так, союз журналистов Дагестана заявил, что инициаторы проекта «замахнулись на самое ценное и святое для нашей многонациональной семьи народов России – на родной язык»³. Глава комитета по образованию и национальным вопросам Татарстана Р. Валеев сравнил законопроект с «помин-

---

¹ Стенограмма заседания государственного совета Татарстана 8.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://gossov.tatarstan.ru/activity/stenogram/2017/081117> (дата обращения: 05.06.2018).

² Татарскому языку дали зеленый свет [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3479370?from=four_strana (дата обращения: 07.06.2018).

³ Союз журналистов Дагестана выступил против внесения поправок в закон об образовании [Электронный ресурс]. URL: https://www.riadagestan.ru/news/society/soyuz_zhurnalistov_dagestana_vystupil_protiv_vneseniya_popravok_v_zakon_ob_obrazovanii/ (дата обращения: 05.06.2018).

ками по родным языкам»: «У нации, у которой нет национальной школы, нет будущего»¹. Кроме того, противниками новой инициативы выступили родители, жители национальных республик, направившие обращение к Президенту России, а также создавшую петицию «Нет закону против родных языков»².

8 июня на расширенном заседании рабочей группы Государственной думы по проекту об изучении родных языков было озвучено предложение оставить изучение родного языка в обязательной части образовательной программы, добавив возможность выбора русского языка как родного. Председатель комитета по образованию Государственной думы В. Никонов отметил, что такой вариант «развязывает» ситуацию, но при этом изучение родного языка остается обязательным для всех. Но одним из этих языков может быть русский»³.

Вопрос об изучении родных языков в многонациональном государстве – это вопрос не просто распределения полномочий между разными уровнями власти. В первую очередь, это вопрос идентичности. Противники нового законопроекта обращаются к риторике идентичности, рассматривая язык как неотъемлемую черту этнической идентичности. На это, в частности, указывают члены Совета по правам человека при Президенте России: «Большинство людей стремятся сохранять свою национальную, этническую идентичность, они ценят свое конституционное право говорить, думать, обучаться на родном языке». Ограничение же этого права может рассматриваться как «мера принудительной ассимиляции и искоренения самобытности народов, проживающих на территории России»⁴.

Запрет на обязательное изучение родных языков в этом контексте может вызвать серьезную напряженность как в межнациональных отношениях, так и в отношениях между центром и регионами. Республиканские лидеры на данный момент находятся в ситуации «между двух огней»: с одной стороны, они все еще продолжают находиться в зависимости от федерального центра, что требу-

---

¹ Татарский язык довел до спикера Госдумы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3614085> (дата обращения: 06.06.2018).

² Родители Татарстана и Башкортостана отнесли в Госдуму 20 тыс. писем против законопроекта о добровольном изучении языков [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/385470> (дата обращения: 07.06.2018).

³ Рабочая группа вышла на компромиссный вариант законопроекта об изучении родных языков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.er-duma.ru/news/rabochaya-gruppa-vyshla-na-kompromissnyy-variant-zakonoproekta-ob-izuchenii-rodnykh-yazykov/> (дата обращения: 7.06.2018).

⁴ В СПЧ обеспокоены намерением законодателей перенести преподавание родного языка в вариативную (необязательную) часть [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/read/4599/> (дата обращения: 08.06.2018).

ет от них проявления лояльности. С другой стороны, большинство из них обладает демократической легитимностью и несет ответственность перед избравшим их населением региона. В этой связи политика идентичности, направленная на поддержание культуры, языка, традиций этнических групп, может вновь выступать ресурсом как внутри региона, так и за его пределами. Тем более, как показывает Г. Юсупова, в результате проводимой в 1990-е гг. политики по возрождению национальных традиций и культур в ряде российских республик сформировался класс этнически ориентированной молодежи, которая противостоит насаждению русской культуры [17, 7].

Таким образом, политика идентичности в национальных республиках России разворачивается на нескольких уровнях, на каждом из которых органы власти преследуют разные цели. Так, на внутреннем рынке политика идентичности является механизмом консолидации общества, легитимации действующих институтов. Формирование регионального сообщества позволяет политическим акторам артикулировать особые интересы региона как автономного политического образования. Несмотря на существующие разногласия в вопросе об обязательном изучении родных языков внутри национальных республик¹, на официальном уровне региональные элиты заявляют о недопустимости разделения общества по этническому или языковому принципу, о необходимости консолидации всех групп для отстаивания интересов региона².

На внешнем рынке главным потребителем политики идентичности является федеральный центр, для которого важна демонстрация лояльности со стороны регионов. При этом политика идентичности выступает как своего рода козырь в руках республиканских элит, который может быть использован для выстраивания отношений с центральной властью. В конце 2017 г. Татарстан предпринял попытку повлиять на меняющиеся правила игры во взаимоотношениях центр – регионы, апеллируя к риторике идентичности. Некоторое время такая стратегия казалась вполне успешной, стороны демонстрировали стремление к нахождению компромисса. Однако на данный момент последнее слово в споре о языках осталось за федеральным центром.

---

¹ Так, в частности, русскоязычные родители Татарстана и Башкортостана создали петицию «О необходимости приведения объемов преподавания русского языка в Республике Татарстан до уровня других субъектов России». См., например: Татарский или русский? [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/tatarskiy_ili_russkiy_5062390 (дата обращения: 01.07.2018).

² Спикер Госсовета Татарстана выступил за отмену добровольного изучения татарского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/5138680> (дата обращения: 1. 07.2018).

Библиографический список

1. *Ачкасов В. А.* Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2012. 232 с. [Achkasov V.A. Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti [Identity politics of multiethnic states in the context of security problem solving. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2012. 232 p.].
2. *Бек У.* Что такое глобализация?: ошибки глобализма - ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; послесл. А. Ф. Филиппова ; ред. Л. Н. Павлова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 302 с. [Beck U. Chto takoe globalizaciya? : oshibki globalizma - otvety na globalizaciyu [What is globalization? Errors of globalism - answers to globalization. Transl. by A. Grigoriev, V. Sedel'nik; afterword by A.F. Filippova; ed. by L.N. Pavlova. Moscow: Progress-Tradiciya Publ., 2001. 302 p.].
3. *Бусыгина И., Филиппов М.* Агенты и принципалы: чего ожидать после вертикали власти? [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/b7-pr.html>. Аналог печат. изд. (Неприкосновенный запас. 2012. №4) (дата обращения: 09.06.2018). [Busygina I., Filippov M. Agenty i principal'y: chego ozhidat' posle vertikal'i vlasti [Agents and principals: what to expect after the vertical of power]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/b7-pr.html> (accessed 09.06.2018)].
4. *Геллнер Э.* Нации и национализм [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019915>. Аналог печат. изд. (Нации и национализм / Э. Геллнер; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991). (дата обращения: 10.06.2018). [Gellner E. Nacii i nacionalizm [Nations and Nationalism. Transl. by T.V. Berdikova, M.K. Tyun'kina; ed. by I.I. Krupnik. Moscow: Progress Publ., 1991]. Available at: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019915> (accessed 10.06.2018).
5. *Гельман В.* Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб., М.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2003. С. 187–254. [Gel'man V. Regional'nye politicheskie elity i strategii regional'noy identichnosti v sovremennoy Rossii [Regional political elites and strategies of regional identity in contemporary Russia // Center and regional identities in Russia /European University at St. Petersburg, Department of Political Science and Sociology. Ed. by V. Gel'man, T. Hopf. Moscow, St. Petersburg: Letniy Sad Publ., 2003].

6. *Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67–116. [Keating M. Novyj regionalizm v Zapadnoy Evrope [The new regionalism in Western Europe // Logos. 2003. No. 6. P. 67–116].
7. *Малинова О.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/662/30/> (дата обращения: 21.05.2018). Аналог печат. изд. (ПОЛИТЕКС. 2010. № 1). [Malinova O. Konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetskoj Rossii [The construction of macro-political identity in post-Soviet Russia]. Available at: <http://www.politex.info/content/view/662/30/> (accessed 21.05.2018)].
8. *Мелешкина Е.Ю.* Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / ред. М. В. Ильин, И. М. Бусыгина. М., 1999. С. 126–137. [Meleshkina E. Regional'naya identichnost' kak sostavlyayushchaya problematiki rossiyskogo politicheskogo prostranstva [Regional identity as one of the issues of the Russian political space // Regional self-consciousness as a factor in the formation of political culture in Russia. Ed. by M.V. Il'in, I.M. Busygina. Moscow, 1999. P. 126–137].
9. *Миненков Г.* Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // Политическая наука. 2005. №3. С. 21–28. [Minenkov G. Politika identichnosti: vzglyad sovremennoy social'noy teorii [Identity Politics: the view of contemporary social theory // Political Science. 2005. No. 3. P. 21–28].
10. *Сагитова Л.* Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере республики Татарстан) / Центр и региональные идентичности в России / ред. В. Гельман, Т. Хопф. СПб., 2003. С. 77–124. [Sagitova L. Regional'naya identichnost': social'nye determinanty i konstruktivistskaya deyatelnost' SMI (na primere respubliky Tatarstan) [Regional Identity: Social Determinants and Constructivist Media Activity (a case study of the Republic of Tatarstan) // Center and regional identities in Russia / European University at St. Petersburg, Department of Political Science and So-ciology. Ed. by V. Gel'man, T. Hopf. Moscow, St. Petersburg: Letniy Sad Publ., 2003].
11. *Семененко И.С.* Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 окт. 2010 г.). И.С. Семененко (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. редактор), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 86–100. [Semenenko I.S. Nacional'nye praktiki formirovaniya grazhdanskoy identichnosti: opyt sravnitel'nogo analiza

[National Practices of Civil Identity Formation: Comparative Analysis Experience // Identity as a Subject of Political Analysis. Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference. Ed. by I.S. Semenenko, L.A. Fa-deeva. V.V. Lapkin. P.V. Panov. Moscow, 2011].

12. Семенов И.С. Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012. С. 162–167. [Seменов I. Politika identichnosti [Identity Politics // Political Identity and Identity Politics. Vol. 1. Identity as a Category of Political Science. Glossary of Terms and Concepts. Moscow, 2012].
13. Стародубцев А. Пересмотр федеративного контракта в России: случай Чеченской республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8282> (дата обращения: 9.06.2018). Аналог печат. изд. (Неприкосновенный запас. 2017. №1). [Starodubcev A. Peresmotr federativnogo kontrakta v Rossii: sluchay Chechenskoj respubliky [Revision of the federal contract in Russia: the case of the Chechen Republic. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/8282> (accessed 09.06.2018)].
14. Хенкин С. Сепаратизм в России: позади или впереди? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. С. 5–19. [Khenkin S. Separatizm v Rossii: pozadi ili vperedi? [Separatism in Russia: behind or ahead? // Pro et Contra. 1997. Vol. 2. No. 2. P. 5–19].
15. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России [Электронный ресурс]: научное электронное издание. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=27898> (дата обращения: 02.07.2018). [Tsumarova E. Politika identichnosti v regionakh Rossii [Identity politics in the regions of Russia. Available at: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=27898> (accessed 02.07.2018)].
16. Ходжаева Е. Татарский язык в школах Татарстана: общественные дебаты и мнение населения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1589> (дата обращения: 09.06.2018). Аналог печат. изд. (Неприкосновенный запас. 2011. №6). [Khodzhaeva E. Tatarskiy yazyk v shkolakh Tatarstana: obshchestvennye debaty i mnenie naseleniya [The Tatar language at Tatarstan schools: public debates and the opinion of the population. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/1589> (accessed 09.06.2018)].
17. Yusupova G. Cultural nationalism and everyday resistance in an illiberal nationalizing state: ethnic minority nationalism in Russia // Nations and Nationalism. 2017. P. 1–24.

**TATARSTAN BEGINS AND ...? LANGUAGE QUESTION IN THE IDENTITY
POLITICS OF NATIONAL REPUBLICS IN RUSSIA**

E. Yu. Tsumarova

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of World History, Political Science and International Relations, Petrozavodsk State University; Associate Professor, Department of Comparative Political Studies, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the situation with studying native languages in national republics of Russia. The first part of the paper presents the theoretical basis of the study. The language issue is considered as a part of the identity policy pursued by regional actors aimed at forming "we-community" in order to legitimize the ruling elite. It is noted that the strategy of identity policy in the regions depends on the nature of the relationship between the center and the regions, as well as on the activities of the federal government to form a national identity.

In the second part of the article, the history of identity policy in national republics of Russia is analyzed in the context of the development of federal relations and the process of national construction. The formation of the center-regions relations in the 1990s enabled the national republics to actively use the policy of identity to achieve their interests both within the region and in bargaining with the federal center for additional powers. The re-centralization of the Russian state, which took place in the 2000s, transformed the policy of identity in regions, the main purpose of which was to demonstrate loyalty to the central government. The return of direct gubernatorial elections in 2012 brought identity policy back to the regional agenda, allowing some of the national republics to use it again for bargaining with the center.

Finally, the third part of the article analyzes the conflict over the language issue which began in the summer of 2017. On the one hand, the abolition of the compulsory study of the native language in national republics is seen as the attempt of the federal center to unilaterally revise the existing federal contract and to narrow the space for using the ethnic card by national elites. On the other hand, the current situation is presented as an opportunity for the political elites of the republics to activate the rhetoric of identity policy within and outside the region to defend their own interests.

Keywords: identity politics; federative contract; native languages; Tatarstan; national republics.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-120-136

ЯЗЫКИ МЕНЬШИНСТВ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ: МАСШТАБЫ И ФАКТОРЫ ВАРИАТИВНОСТИ¹

П. В. Панов²

Преподавание языков меньшинств в школе – один из ключевых аспектов языковой политики. При этом масштабы изучения языков разных меньшинств в средней школе в различных регионах России существенно различаются. В данной работе ставится задача выявить факторы, влияющие на эти различия. Количественный сравнительный анализ, который проводился на основе результатов Всероссийской переписи 2010 г. и данных Министерства образования и науки РФ, показывает, что наибольшее воздействие на масштабы изучения языков меньшинств оказывает официальный статус языка, а также демографические характеристики этнической группы - доля группы в населении субъекта РФ и (в меньшей мере) ее абсолютная численность. Наряду с этим, существенное значение имеет локализованность группы в физическом пространстве региона, а также обособленность ареала ее проживания от других этнических групп. Позитивное влияние на изучение языка конкретного меньшинства оказывает «развитость» преподавания языков меньшинств в регионе в целом. В совокупности все эти факторы достаточно хорошо объясняют вариативность масштабов преподавания языков меньшинств в средней школе.

Ключевые слова: этнические меньшинства; языковая политика; школьное образование; сравнительный анализ.

Вопрос о преподавании языков меньшинств в последнее время вновь стал предметом достаточно острых общественно -политических дискуссий. С одной стороны, высказывается мнение, что нельзя устанавливать обязательное изучение языков меньшинств в школе, поскольку это нарушает права учеников, а также снижает их возможности по усвоению русского языка. С другой стороны, оппоненты указывают, что, если отменить изучение языков меньшинств в шко-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» № 18-011-00763 А.

² Панов Петр Вячеславович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. E-mail: panov.petr@gmail.com (ResearcherID: O-2160-2016. ORCID: 0000-0002-0759-7618).

© Панов П. В., 2018

ле, возникает угроза их «исчезновения». Опасения достаточно обоснованны, если иметь в виду, что языковые меньшинства – это все этнолингвистические группы, которые не являются в данной стране «большинством», то есть «государство-образующей группой» - Staatsvolk [12].

Как правило, язык последней не просто имеет официальный статус государственного языка, но и на практике является основным языком публичных коммуникаций, а в условиях этнолингвистической гетерогенности «естественным» образом становится языком «межнационального общения». В Российской Федерации таковым является русский язык, его изучение в школе воспринимается как норма и не подвергается оспариванию. Что касается остальных языков, спектр их чрезвычайно широк, и их роль в публичных коммуникациях невероятно разнообразна. Многие языковые меньшинства являются «большинством» в рамках отдельных субнациональных единиц (субъектов РФ или муниципальных образований), их языки активно используются в повседневных коммуникациях. Однако, в отношении других меньшинств опасения по поводу «исчезновения» вполне обоснованны. В этих условиях некая единая, унифицированная позиция по поводу преподавания языков меньшинств представляется достаточно уязвимой. Более обоснованной выглядит диверсифицированный подход к регулированию изучения языков меньшинств, который предполагает максимальный учет локальных особенностей, а также сложившихся на субнациональном уровне традиций.

Кроме того, обязательность изучения языков меньшинств в школе – это лишь один из аспектов проблемы. Хотя в некоторых ситуациях он воспринимается наиболее остро, языковая политика намного более комплексна и многогранна [детальный анализ языковой политики см.: 1; 4; 7; 8; 10 и др.], включая в себя вопросы регулирования языковых коммуникаций в политико-правовой сфере, в масс-медиа, публичном пространстве и т.д. [6]. Но даже если взять только сферу образования и еще уже – преподавание языков меньшинств в средних общеобразовательных школах – речь идет отнюдь не только о нормативной обязательности, но и о сложившихся практиках, масштабах изучения языков меньшинств в целом.

Этот ракурс представляется не менее важным еще и потому, что проблема обязательного изучения языков меньшинств касается в основном государственных языков, так называемых «титულных» групп в этнических республиках. По этому поводу существует немало публикаций, где анализируется, в какой мере и каким образом изучаются эти языки, как это воспринимается общественностью и т.д. [9; 1; 13]. Что касается масштабов изучения языков различных меньшинств, проживающих во всех 85 субъектах РФ, этот вопрос остается практически не исследованным. В данной работе ставится задача провести сравнительный анализ и выявить факторы, влияющие на масштабы преподава-

ния языков разных меньшинств в различных регионах России. В первой части статьи рассматривается эмпирическая база исследования, далее сформулированы гипотезы относительно того, какие факторы могут влиять на масштабы изучения языков меньшинств, представлены результаты количественного анализа. В заключении статьи сформулированы основные итоги исследования.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическим материалом для исследования являются два массива данных: официальные результаты Всероссийской переписи 2010 г. и официальная статистика Министерства образования и науки РФ по изучению в средних общеобразовательных школах языков меньшинств.

Первый массив данных – результаты переписи, которые содержатся в томе 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство», а также в соответствующих разделах региональных итогов переписи¹. Национальная принадлежность в ходе переписи определялась на основе субъективной самоидентификации индивидов². Поскольку некоторая (относительно небольшая) часть респондентов не определила свою национальную принадлежность, национальный состав населения регионов (доля этнической группы в составе населения) рассчитан от числа указавших национальную принадлежность, а не от общей численности населения.

Для исследования в каждом регионе взяты все этнические меньшинства, которые официальная статистика отнесла к категории «наиболее многочисленных национальностей» (критерий – не менее 0,3% от числа жителей региона, указавших национальную принадлежность³). Кроме русских, которые, разумеется, не являются меньшинством, исключена этническая группа камчадалов в Камчатском крае, для которых родным является русский язык. В результате

---

1 Общие результаты переписи на сайте Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 18.04.2018). По регионам результаты размещены на сайтах региональных подразделений Федеральной службы государственной статистики РФ. Для Крыма и Севастополя использованы аналогичные результаты Переписи 2014 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 18.04.2018).

2 Данные о национальном составе населения получены на основе ответов на вопрос 7 переписного листа формы Л «Ваша национальная принадлежность по самоопределению в соответствии со ст. 26 Конституции РФ». Всероссийская перепись 2010 г. Методологические пояснения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/metod4.pdf (дата обращения: 18.04.2018).

3 Всероссийская перепись 2010 г. Методологические пояснения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/metod4.pdf (дата обращения: 18.04.2018).

количество единиц наблюдения в разрезе «этническая группа – регион» составило 532.

Всего в категории «многочисленных» оказалось 76 этнических групп, но количество регионов, где та или иная группа является многочисленной, существенно различается. Украинцы, например, оказываются «многочисленными» в 81 регионе, татары – в 65, армяне – в 52, белорусы – в 38, азербайджанцы – в 36. С другой стороны, 31 группа из 76 относится к «многочисленным» только в одном регионе. Радикальные различия обнаруживаются и в степени этнической гетерогенности регионов, если рассматривать ее в упрощенном варианте, то есть просто как количество «многочисленных» этнических групп. Больше всего таких групп (21) в нефтегазодобывающих автономных округах ХМАО и ЯНАО, что, вероятно, связано с масштабной трудовой миграцией в данные регионы. Далее идут Астраханская область и Ставропольский край (13), Дагестан и Чукотка (12), Калмыкия (11), Северная Осетия (10). Напротив, в Вологодской области и в Тыве всего одно этническое меньшинство соответствует понятию «многочисленное».

Кроме общей численности этнической группы в регионе и ее доли в составе населения региона, официальные итоги переписи дают такие важные показатели, как доля представителей данной этнической группы, проживающих в городах и доля представителей данной этнической группы, владеющих родным языком.

Второй массив данных – статистическая отчетность Министерства образования и науки РФ по изучению языков меньшинств в средних общеобразовательных школах в разрезе субъектов (2015–2016 учебный год) РФ – содержится в Форме Д7: «Сведения о распределении учреждений, реализующих программы общего образования и обучающихся по языку обучения и по обучению родного (нерусского) языка»¹. Здесь представлены данные по (1) общему количеству школ и общей численности учащихся в регионе; (2) числу школ с обучением на языках меньшинств, проживающих в регионе (так называемые «национальные школы»), а также по количеству учащихся в этих школах; (3) числу школ, в которых языки меньшинств изучаются как предмет, а также по количеству учеников, изучающих этот предмет². Эти данные были привязаны к каждой из 532 этнических групп, взятых для исследования на основе Переписи 2010 г.

---

¹ Статистическая отчетность по Форме Д7 предоставляется соответствующими ведомствами субъектов РФ в начале учебного года и размещена на интернет-портале Минобрнауки России. Режим доступа: <http://www.минобрнауки.рф/> Министерство/ Статистика (дата обращения: 18.04.2018). Для Оренбургской области взяты данные за предыдущий год (2014–2015 уч.г.), т.к. за 2015–2016 уч.г. данные пропущены.

² Данные приводятся отдельно по городским и сельским государственным и негосударственным образовательным учреждениям (ГОУ и НОУ). Кроме того, есть 123

«Национальные школы» в полном смысле этого слова, то есть школы, где обучение ведется на языке меньшинства, имеются у 35 этнических групп в 17 регионах страны. Больше всего их в Татарстане – 1 007 школ, причем в регионе есть не только татарские, но также чувашские, удмуртские и марийские школы. Похожая ситуация отмечена в Башкортостане – 606 национальных школ – башкирские, татарские, чувашские, марийские, удмуртские. По понятным причинам (этническая гетерогенность) значительное количество национальных школ имеет Дагестан (почти все основные этнические группы (аварцы, даргинцы, кумыки, табасараны, лезгины, лакцы, чеченцы, азербайджанцы, цахуры) имеют свои школы. В целом, неудивительно, что большое количество национальных школ обнаруживается именно в национальных республиках. Кроме названных, можно отметить также Якутию, Чувашию, Мордовию, Калмыкию и др. В «русских» регионах национальные школы есть только в Пермском крае и в Челябинской области.

Вариативность, таким образом, оказывается достаточно низкой, поэтому в большом кроссрегиональном исследовании представляется более обоснованным обратиться к данным по изучению языков меньшинств как школьного предмета. Эта группа показателей более интересна и в содержательном плане, поскольку очевидно, что в условиях «естественного» доминирования русского языка политика по сохранению и развитию языков меньшинств реализуется, в первую очередь, через введение в школьные программы языковых предметов, а не через создание национальных школ. Таким образом, данные по национальным школам и по изучению языков меньшинств как предмета были суммированы, что позволило получить более полную и насыщенную картину изучения языков меньшинств в средней школе.

Оказалось, что изучение языков меньшинств в том или ином варианте (как языка обучения и как предмета) практикуется в большинстве субъектов РФ – 52 из 85. Хотя бы в одном регионе изучается язык 57 из 76 этнических групп, которые являются «многочисленными»². Правда, если рассмотреть единицы наблюдения «этническое меньшинство – регион», мы увидим, что только в 129

статистика отдельно для разных уровней обучения: 1-4-е классы, 5-9-е классы и 10-11-е классы. Очевидно, на каком уровне изучается язык – важный вопрос, например, во многих случаях изучение языка ограничено начальной школой. Тем не менее, на данном этапе исследования все эти нюансы (городские и сельские школы, ГОУ и НОУ, уровень обучения) не учитывались, и были использованы суммарные показатели – общее количество школьников, изучающих язык данного меньшинства.

1 Данные только по «наиболее многочисленным этническим группам».

2 Статистика Министерства образования и науки показывает, что есть случаи, когда в школах изучается язык меньшинств, которые не относятся к «многочисленным» - 30 групп в 17 регионах, причем язык некоторых меньшинств изучается в нескольких регионах. Эти случаи требуют отдельного исследования и не включены в данный анализ.

случаях из 532 изучается язык меньшинства. При этом корреляции между количеством случаев «многочисленности» и изучением языка этого меньшинства в школе не наблюдается. Например, как отмечалось выше, украинцы «многочисленны» в 81 регионе страны, но лишь в 2 регионах имеются школы с изучением украинского языка. А школ с изучением белорусского вообще нет ни в одном из субъектов РФ, хотя белорусы «многочисленны» в 38 регионах¹. Противоположная ситуация с изучением татарского языка: в 23 регионах из 65, где татары «многочисленны», есть школы, где он так или иначе изучается.

Таким образом, вариативность масштабов изучения языков меньшинств как в кроссрегиональном, так и в кроссгрупповом плане достаточно высока, что позволяет провести количественный сравнительный анализ. В качестве инструмента для сравнения был разработан *Индекс изучения языка меньшинства (ИЯМ)*, который рассчитывается следующим образом. В результате суммирования данных по национальным школам и школам с изучением языка меньшинства как предмета для каждой единицы наблюдения были получены данные по количеству учащихся, так или иначе изучающих язык этого меньшинства. Поскольку в отчетности Министерства образования и науки РФ есть данные по общему количеству учащихся в средних школах, это позволило рассчитать долю учеников в школах региона, изучающих язык данного меньшинства. Индекс изучения языка меньшинства представляет собой результат «взвешивания» доли учеников в школах региона, изучающих язык меньшинства, значимостью этого меньшинства в населении региона. Иначе говоря, значение доли учеников в школах региона, изучающих язык меньшинства, делится на значение доли соответствующей этнической группы в населении региона (по переписи 2010 г.). Разумеется, ИЯМ имеет недостатки: в силу того, что уровень рождаемости и, как следствие, возрастная структура населения у разных меньшинств различна, в тех случаях, когда она представлена более молодым населением, значение индекса оказывается несколько завышенным, и наоборот. Тем не менее, такое искажение вряд ли должно быть существенным, и данный индекс является достаточно валидным инструментом для количественного измерения масштабов преподавания языков меньшинств.

---

¹ Преподавание белорусского есть в Башкортостане, где белорусы не относятся к категории «многочисленных». В целом, из 19 «многочисленных» групп, язык которых не изучается, язык 6 групп изучается, но не там, где они «многочисленны», а там, где они составляют менее 0,3% от численности населения региона: кроме белорусов, это евреи, немцы, нивхи, поляки, юкагиры. Таким образом, совсем не изучается язык лишь 13 «многочисленных» групп». Среди них узбеки, киргизы, таджики, китайцы, молдаване, которые состоят в основном из трудовых мигрантов, и понятно, что для них ключевым вопросом оказывается социокультурная адаптация, а не сохранение своей культуры. Также не изучаются кумандинский, курдский, турецкий (турки и турки-месхетинцы), туркменский, чуванский (в силу крайней малочисленности), литовский и цыганский.

Значение индекса варьируется от «0» до «4,068». В большинстве случаев (403 из 532) ИЯМ принимает нулевые значения, так как язык меньшинства вообще не изучается в средних школах региона. В 19 случаях значение индекса приближается к «1» (находится в интервале от «0,8» до «1,2»), это указывает на то, что доля школьников, изучающих язык меньшинства, примерно соответствует доле данного меньшинства в составе населения региона. Около 100 случаев имеют значение больше «0», но меньше «0,8», то есть язык меньшинства изучается в значительно меньшей степени, нежели доля данного меньшинства в составе населения. Наконец, есть 12 весьма необычных случаев, когда значение ИЯМ превышает «1,2».

В Карелии значение ИЯМ для этнической группы финнов составляет «4,068». Объяснение вполне очевидное, учитывая, что Карелия находится на границе с Финляндией, и жители региона (отнюдь не только финны) заинтересованы в его изучении. Высокое значение ИЯМ для коми языка в Республике Коми («2,6») в значительной мере объясняется тем, что изучение коми является обязательным для всех учащихся, хотя, судя по статистике Минобрнауки, данное решение выполняется не в полной мере. Аналогично обстоит дело с некоторыми другими языками – татарским в Татарстане («1,8»), осетинским в Северной Осетии («1,35»), чувашским в Чувашии («1,3»). Правда, в отличие от Коми, обязательность изучения языка «титulyного меньшинства» в этих республиках исполняется значительно лучше: около 90% и более школьников изучают этот язык, что и дает весьма высокие значения ИЯМ, так как «титulyный язык» учат все, а не только представители «титulyной группы». Для сопоставления можно заметить, что в Чечне и Ингушетии изучение титulyного языка тоже обязательно для всех учащихся, но эти республики фактически моноэтнические, доля «титulyной группы» в составе населения около 95%, поэтому несмотря на обязательность изучения «титulyного языка», значение ИЯМ не слишком превышает «1». В то же время, следует отметить высокие значения ИЯМ в Адыгее (адыгейский язык) и в Бурятии (бурятский язык). Здесь примерно половина школьников изучают «титulyные» языки, хотя доля «титulyных» групп в населении данных регионов существенно ниже – примерно 25 и 30% соответственно. Как мы увидим ниже, эти случаи оказываются аутлайерами по результатам анализа.

Что влияет на изучение языков меньшинств в средней школе?

Языковая политика, очевидно, формируется под влиянием сложной констелляции многочисленных факторов, которые гипотетически могут оказывать воздействие на масштабы изучения языков меньшинств в средней школе. Систематизируя, их можно разбить на 4 группы. Во-первых, демографические ха-

рактические характеристики этнической группы, прежде всего, численность языкового меньшинства в абсолютном выражении, а также его доля в составе населения. Более высокие значения этих показателей, при прочих равных условиях, создают благоприятную среду для использования языка в социальных коммуникациях. Кроме того, в случае необходимости значительная численность этнической группы – это ресурс для этнической мобилизации и продвижения «языковых требований». Вместе с тем язык меньшинства не всегда оказывается востребованным со стороны этого меньшинства. Как правило, жители городов, где различные этнические группы смешиваются, где высока социальная мобильность, а коммуникации происходят преимущественно на русском языке, менее «лояльны» в отношении своего языка. Следовательно, можно ожидать, что доля городского населения в составе этнического меньшинства будет способствовать снижению масштабов изучения языка этого меньшинства в школе.

Во-вторых, следует учитывать характеристики региона. Можно предположить, что на изучение школьниками языка конкретного меньшинства влияет языковая политика в регионе в целом – своего рода «развитость преподавания языков меньшинств в регионе». Иными словами, при больших масштабах преподавания языков меньшинств в регионе повышается вероятность того, что в школе будут изучать язык данного меньшинства. Поскольку количественно оценить «развитость преподавания языков меньшинств в регионе» достаточно проблематично, в качестве аппроксимации использован простой показатель, который рассчитывается путем деления количества «многочисленных» этнических групп, язык которых преподается в регионе, на общее количество «многочисленных» этнических групп в регионе.

Вероятно, имеют значение и демографические характеристики региона. Можно ожидать, что высокая доля русского населения (определяется по переписи населения) негативно влияет на масштабы преподавания языков меньшинств. Кроме того, может иметь значение и степень этнической гетерогенности региона. В качестве операционального индикатора этнической гетерогенности использован хорошо известный в этнополитических исследованиях индекс этнической фракционализации в варианте, предложенном А. Алезиной [5]. Он математически отражает вероятность того, что два случайно отобранных индивида в той или иной стране (регионе) принадлежат к разным этническим группам. Индекс принимает значение от «0», если население этнически гомогенно, до «1» - в случае максимальной гетерогенности [2, 129]. Значения индекса фракционализации рассчитаны для каждого региона на основе данных переписи 2010 г. об этнической структуре населения субъектов РФ. По поводу влияния степени этнической гетерогенности на изучение языков меньшинств можно строить разные гипотезы. С одной стороны, этническая фракционализация, создавая мультиэтнический контекст в социальных коммуникациях, гипотетически

должна способствовать изучению языков меньшинств в школе. Однако, с другой стороны, высокая степень этнической гетерогенности повышает востребованность русского языка как средства коммуникации. Влияние этнической гетерогенности на изучение языков меньшинств, видимо, следует оценивать в контексте других факторов, в частности, имеет значение доля городского населения в составе этнического меньшинства. Чем больше представителей группы проживает в городах, тем меньше вероятность того, что высокая этническая гетерогенность способствует изучению языков меньшинств в силу смешанности городского населения.

Однако, как представляется, распределение населения на городское и сельское – частный случай более общего вопроса о том, как этнические группы локализованы по отношению друг к другу в физическом пространстве региона. Очевидно, что в условиях одной и той же степени гетерогенности возможны разные форматы локализации. Гипотетически два региона, имеющие две одинаковые по размеру этнические группы, будут иметь одинаковое значение индекса фракционализации (примерно 0,5). Однако, если в одном регионе этнические группы пространственно «сегрегированы», то есть обособлены друг от друга (например, одна группа живет в северной части, а вторая в южной), а в другом – «смешаны», то есть их локализация «совпадает», «качество» этнической гетерогенности оказывается принципиально различным [3]. Таким образом, третья группа факторов – пространственные характеристики этнических групп и их соотношения друг с другом.

Анализ пространственных характеристик 532 этнических групп, включенных в исследование, выполнен Э. Ю. Минаевой на основе комбинации двух баз данных: Geo-referencing of ethnic groups (GREG) [14] и Geo-referencing Ethnic Power Relations (GeoEPR) [15]¹. Все этнические группы в этих базах имеют географическую привязку, благодаря чему они представляют собой полигональные объекты (полигоны), накладывающиеся разными слоями друг на друга. С помощью программы ArcGIS, на эти слои были наложены географически привязанные данные по границам субъектов РФ, которые содержатся в базе Global Administrative Areas (GADM).

В результате были созданы два показателя. Первый – *локализация этнического меньшинства* – закодирован дихотомически. Если этническая группа локализована в физическом пространстве региона, то есть ее полигон присутствует в указанных выше базах данных, этому показателю присвоено значение «1», в иных случаях – «0». Примечательно, что 335 групп из 532 (более 60%)

---

¹ Обе базы были разработаны на основе созданного еще в 1964 г. советскими этнографами и уникального в своем роде Атласа народов мира, который содержит карты расселения этнических групп. С помощью ГИС-технологий и с некоторыми уточнениями Атлас был трансформирован в современные базы геопривязанных данных.

оказались не локализованы. Во многих случаях это объясняется тем, что представители этих групп оказались на территории региона вследствие миграционных процессов, очень часто они концентрируются в городах, соответственно какая-то географическая привязка отсутствует. Не случайно коэффициент корреляции между локализацией и долей городского населения в составе этнического меньшинства достаточно высок и статистически значим («-0,454**»). Локализованные в пространстве региона этнические меньшинства, напротив, как правило, «укоренены» здесь исторически, очень часто это – автохтонные жители данной территории. Можно предполагать, что наличие локализации («1») позитивно влияет на масштабы изучения языка данного меньшинства.

Второй показатель – *формат локализации этнического меньшинства* – определяется на основе соотношения полигонов этнических групп. В одних случаях полигоны (области локализации) этнических групп обособлены друг от друга (сегрегированная локализация), а в других накладываются друг на друга, то есть «смешаны» (совпадающая локализация). Очевидно, у каждого отдельного меньшинства могут быть разные соотношения с полигонами разных этнических групп, поэтому для данного показателя разработана более сложная кодировка. Поскольку в центре внимания исследования – изучение языков меньшинств, первоочередное значение имеет соотношение полигона данного меньшинства с полигоном этнической группы русских, так как именно русский язык оказывается здесь главным референтом. В случае, если группа сегрегирована от русских, это гипотетически повышает вероятность изучения языка меньшинства, и наоборот. Во вторую очередь рассматривается соотношение с полигонами других этнических меньшинств. Максимальная сегрегация меньшинства (от всех этнических групп) еще больше повышает вероятность изучения его языка, если же меньшинство сегрегировано только от русских, русский язык оказывается более востребованным как средство коммуникации с другими группами, локализованными на той же территории.

Соответственно, значение «1» формату локализации присваивается в том случае, если большая часть полигона этнического меньшинства совпадает с полигоном этнической группы русских. Значение «2» – если большая часть полигона этнического меньшинства сегрегирована от русских, но совпадает с полигонами других меньшинств. Максимальное значение («3») присваивается тогда, когда имеет место максимальная сегрегация в локализации этнического меньшинства, то есть большая часть его полигона не совпадает ни с какими другими полигонами. Если этническая группа не локализована (значение «0» по показателю локализации), это значит, что она смешана со всеми другими группами, и значение формата локализации кодируется как «1».

Последняя группа факторов, которые гипотетически могут оказывать воздействие на масштабы изучения языков меньшинств в средней школе, отно-

сится к специфике языков как таковых. В первую очередь, это официальный статус языка. Очевидно, что наличие у языка государственного статуса (а это характерно для языков «титულных» меньшинств во всех национальных республиках, кроме Карелии) существенно повышает шансы на его изучение в школе. Данный показатель закодирован дихотомически (значение «1» присваивается в случае наличия государственного статуса на региональном уровне). Далее, на масштабы изучения языков меньшинств может влиять их специфика по сравнению с русским языком. Не углубляясь в лингвистические нюансы соотношения различных языков, в данном исследовании учитываются только украинские и белорусские меньшинства (закодированы дихотомически как «1») как наиболее близкие по языку к русским. Эта близость позволяет ожидать, что языки этих меньшинств будут в меньшей степени изучаться в школах, нежели языки других этнических групп. Наконец, значимым фактором может быть текущая ситуация в плане владения языком, которую можно измерить через долю этнического меньшинства, владеющего родным языком (по итогам переписи 2010 г.). Гипотетически высокая доля владения языком должна повышать вероятность его изучения в школе, поскольку упрощает внедрение этого языка в образовательные программы.

Суммируя, можно предположить, что на масштабы изучения языков меньшинств в средней школе (зависимая переменная – «*Индекс изучения языка меньшинства - ИЯМ*») влияет комбинация следующих факторов:

- 1) численность этнического меньшинства в регионе (переменная «*Числ_группы*», логарифмирована) – позитивное влияние;
- 2) доля этнического меньшинства в составе населения региона (переменная «*Доля_группы*») – позитивно;
- 3) доля городского населения в составе этнического меньшинства в регионе (переменная «*Доля_группы_ГОР*») – негативно;
- 4) развитость преподавания языков меньшинств в регионе (переменная «*Разв_обр*») – позитивно;
- 5) доля русских в составе населения региона (переменная «*Доля_рус*») – негативно;
- 6) степень этнической гетерогенности региона (переменная «*Фракц_Алезина*») – возможны противоположные гипотезы;
- 7) локализованность этнического меньшинства в физическом пространстве региона (переменная «*Лок_группы*») – позитивно;
- 8) сегрегированный формат локализации этнического меньшинства в физическом пространстве региона (переменная «*Сегр_группы*») – позитивно;
- 9) наличие у языка государственного статуса (переменная «*Статус*») – позитивно;

10) украинский и белорусский языки (переменная «Укр_Бел») – негативно;

11) доля этнического меньшинства, владеющего родным языком (переменная «Доля_группы_ЯЗЫК») – позитивно.

Дескриптивная статистика всех переменных представлена в табл. 1. Эмпирический анализ проводился методом линейной регрессии (МНК). Для проверки робастности результатов были построены 8 моделей с разным набором переменных. При включении в уравнение нескольких предикторов, связанных с этнической структурой населения, возникает эффект мультиколлинеарности, поэтому переменная Доля_рус в этих случаях была исключена. В модели (8) в регрессионное уравнение включены все переменные (кроме Доля_рус). Дополнительно рассчитана модель (9), которая также включает все переменные, но здесь из анализа исключены 11 случаев, которые в модели (8) являются аутлайерами («выбросы»)¹. Результаты представлены в табл. 2. Во всех моделях обнаруживается распределение остатков, близкое к нормальному.

Таблица 1

Дескриптивная статистика переменных

Переменные	Максимум	Минимум	Размах	Среднее	Стд. ошибка	Стд. откл.	Дисперсия	N
ИЯМ	4,068	0	4,068	0,1179	0,01517	0,35	0,122	532
Числ_группы	2012571	149	2012422	44752,9	6284,12	144943,9	2,101E	532
Доля_группы	0,9527	0,003	0,9497	0,0339	0,0045	0,1028	0,011	532
Доля_группы_ГОР	1	0,0236	0,9764	0,6302	0,0104	0,2377	0,056	526
Разв_обр	1	0	1	0,235	0,01111	0,2562	0,066	532
Доля_рус	0,9727	0,0193	0,9534	0,7349	0,0107	0,2461	0,061	532
Фракц_Алезина	0,8352	0,0539	0,7813	0,3357	0,009	0,2088	0,044	532
Лок_группы	1	0	1	0,37	0,021	0,483	0,234	532
Сегр_группы	3	1	2	1,42	0,035	0,814	0,662	532
Статус	1	0	1	0,07	0,011	0,255	0,065	532
Укр_Бел	1	0	1	0,22	0,018	0,417	0,174	532
Доля_группы_ЯЗЫК	0,9973	0,0033	0,994	0,4646	0,009	0,2064	0,043	530

¹ Значение остатков в этих случаях превышает 2.5 стандартных отклонения: адыгейцы в Адыгее, казахи в Республике Алтай, буряты в Бурятии, рутульцы в Дагестане, финны в Карелии, коми в Республике Коми, ингуши в Северной Осетии, татары в Татарстане, нанайцы в Хабаровском крае, ненцы в ЯНАО.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

Пере- менные	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Кон- станта	-0.099 (0.091)	0.266** (0.124)	-0.052* (0.029)	0.052 (0.033)	-0.115 (0.095)	0.013 (0.087)	-0.005 (0.091)	-0.064 (0.096)	-0.047 (0.044)
Числ_ группы	0.082 (0.021)	-	-	-	0.050 (0.023)	0.038 (0.020)	0.008 (0.022)	0.017 (0.022)	0.016 (0.010)
Доля_ группы	1.658 (0.136)	-	-	-	1.608 (0.135)	0.747 (0.150)	0.731 (0.149)	0.755 (0.149)	0.699 (0.070)
Доля_ груп- пы_ ГОР	- 0.269 (0,051)	-	-	-	- 0.170 (0,055)	- 0.168 (0.048)	-0.082 (0.052)	-0.081 (0.052)	- 0.102 (0.024)
Разв_об р	-	0.399 (0.073)	-	-	-	-	-	0.038 (0.058)	0.065 (0.027)
Доля_ рус	-	-0.308 (0.114)	-	-	-	-	-	-	-
Фракц_ Алезина	-	-0,048 (0,117)	-	-	-	-	-	0.095 (0.065)	0.093 (0.030)
Лок_ группы	-	-	0.228 (0.002)	-	0.079 (0.038)	-	0.079 (0.035)	0.065 (0.037)	0.040 (0.017)
Сегр_ группы	-	-	0.060 (0.023)	-	0.038 (0.020)	-	0.027 (0.018)	0.029 (0.018)	0.007 (0.009)
Статус	-	-	-	0.910 (0.048)	-	0.627 (0.063)	0.604 (0.062)	0.556 (0.066)	0.495 (0.032)
Укр_ Бел	-	-	-	- 0.068 (0.028)	-	-0.059 (0.028)	-0.046 (0.028)	-0.044 (0.028)	-0.022 (0.013)
Доля_ груп- пы_ ЯЗЫК	-	-	-	0.038 (0.063)	-	0.002 (0.061)	0.039 (0.061)	0.012 (0.062)	0.037 (0.029)
Скорр. R- квадрат	0.413	0.196	0.174	0.471	0.429	0.515	0.530	0.532	0.800
Значи- мость	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01								

Результаты анализа свидетельствуют, что большая часть гипотез находит подтверждение. Стабильно высокие и статистически значимые коэффициенты во всех моделях обнаруживаются у таких переменных, как доля этнической группы в населении региона, его локализованность в физическом пространстве региона, а также наличие у языка государственного статуса.

В целом, подтвердились гипотезы о том, что более высокая доля городского населения в составе этнического меньшинства, близость языка к русскому (украинский и белорусский) негативно, а развитость преподавания языков меньшинств и регионе позитивно влияют на масштабы изучения языка. Правда,

в моделях с наибольшим числом переменных - (7) и (8) - регрессионные коэффициенты этих переменных теряют статистическую значимость, но при очистке выборки от «выбросов» в модели (9) значимость возвращается.

Коэффициенты двух переменных – численность группы в абсолютном выражении и сегрегированный формат локализации этнического меньшинства в физическом пространстве региона – имеют стабильно позитивный знак, то есть ожидания относительно воздействия этих факторов на масштабы изучения языков меньшинств, в принципе, подтвердились, однако в моделях, где в регрессионное уравнение включены все переменные, значения коэффициентов оказываются статистически незначимыми, даже в модели (9), где исключены аутлайеры.

Доля этнического меньшинства, владеющего родным языком, имеет стабильно позитивные коэффициенты во всех моделях, однако ни разу коэффициенты этой переменной не приобрели статистической значимости, так что говорить о существенном влиянии этого фактора не приходится. Наконец, степень этнической гетерогенности показывает различные результаты в разных моделях. Тем не менее, в модели (9) она получает позитивный и статистически значимый коэффициент.

В целом, сопоставление результатов, которые дают регрессионные уравнения с разным набором переменных подтверждает их достаточно высокую достоверность, а высокие значения R-квадрат (0.532 в модели (8), которая включает все переменные) говорят о том, что предложенная модель имеет значительную объяснительную ценность. Более того, после очистки выборки от «выбросов» значение R-квадрат возрастает до 0.8. Таким образом, при исключении 11 явно отклоняющихся случаев, предложенные гипотезы в совокупности объясняют вариативность в масштабах изучения языков меньшинств на 80%.

* * *

Вопрос о преподавании языков меньшинств – один из ключевых аспектов языковой политики в современном мире. В России он также является достаточно актуальным. В некоторых случаях проблема преподавания языков меньшинств порождает острые дискуссии и даже конфликты, а в других практика включения в школьные программы языков меньшинств приобрела рутинный характер. В данной работе, однако, ставилась задача изучить не «конфликтность» проблемы (этот вопрос требует специального исследования), а провести сравнительный анализ масштабов преподавания языков разных меньшинств в региональном разрезе. Сравнительный анализ 532 случаев (все этнические группы, которые официальная статистика относит к разряду «наиболее много-

численные», то есть составляющие не менее 0,3% от числа жителей региона) обнаружил чрезвычайно высокую вариативность в изучении языков меньшинств.

Количественный сравнительный анализ подтвердил большинство гипотез, выдвинутых для объяснения этой вариативности. Как и ожидалось, наибольшее воздействие на масштабы изучения языка меньшинства в средней школе имеет его официальный статус, а также демографические характеристики этнической группы, особенно высокая доля группы в населении субъекта РФ и (в меньшей мере) ее абсолютная численность. Наряду с этим, существенное значение имеет локализация группы в физическом пространстве региона, особенно локализованность как таковая, а в случае локализованности – сегрегированный формат локализации, то есть обособленность ареала ее проживания от других этнических групп. Локализованность очевидным образом связана с еще одной демографической характеристикой, а именно с долей городского населения в составе этнического меньшинства. Высокая степень «урбанизации» явно не способствует локализованности и тем более сегрегированности, поскольку население в городах намного более гетерогенно. Как показало исследование, это негативно влияет не только на использование языков меньшинств в социальных коммуникациях, но и на масштабы их изучения в школе. Кроме того, языковая политика в области школьного образования реализуется в региональном контексте. Анализ демонстрирует, что позитивное влияние на изучение языка конкретного меньшинства оказывает «развитость» преподавания языков меньшинств в регионе в целом. В совокупности все эти факторы достаточно хорошо объясняют вариативность в масштабах преподавания языков меньшинств в средней школе.

Библиографический список

1. *Борисова Н.В.* Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. М., 2017. [Borisova N.V. When languages are on fire: contestation of the language regimes as a challenge to the balance in interethnic relations. Moscow, 2017].
2. *Камалова Р.* Этническая гетерогенность: основные понятия и проблемы измерения // *Полития*. 2013. № 4. С. 127–149. [Kamalova R. Ethnic Heterogeneity: Main Concepts and Measurement Problems // *Politeia*. 2013. Issue 4. P. 127–149].
3. *Минаева Э.Ю.* Территориальное измерение сегментации политического пространства на основе картографических проекций в ArcGIS // *Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования*. Пермь, 2017. С. 44–48. [Minaeva E. Territorial dimension of segmentation of political space on the basis

- of cartographic projections in ArcGIS // International scientific conference “Digital Humanities: Resources, Methods, and Research”. Perm, 2017. P. 44–48].
4. Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Язык и политика в контекстах публичности // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. Политическая наука: Ежегодник 2017 / Российская ассоциация политической науки. М., 2017. С. 110–128. [Mukharyamov N.M., Mukharyamova L.M. Language and Politics in the Context of Publicity // Political Reflection, Theory and Methodology of Research. Political Science: Yearbook 2017 / Russian Political Science Association. Moscow, 2017. P.110–128].
  5. Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. No. 8. P. 155–94.
  6. Borisova N., Sulimov K. Language territorial regimes in multilingual ethnic territorial autonomies // Nationalities Papers. 2018. Vol. 46. Issue 3. P. 358–373.
  7. Brubaker R. Language, Religion and the Politics of Difference // Nations and Nationalism. 2013. Vol. 19. Issue 1. P. 1–20.
  8. Cardinal L., Sonntag S. State Traditions and Language Regimes: A Historical Institutionalism Approach to Language Policy // European and regional Studies. 2016. Vol. 8. Issue 1. P. 5–21.
  9. Chevalier J. School-based linguistic and cultural revitalization as a local practice: Sakha language education in the city of Yakutsk, Russian Federation // Nationalities Papers. 2017. Vol. 44. Issue 4. P. 613–631.
  10. Liu A. Democracy and minority language recognition: tyranny of the majority and the conditional effects of group size // Democratization. 2017. Vol. 24. Issue 3. P. 544–565.
  11. Marquardt K. Stabilization and symbolism: language and regional politics in the Chuvash Republic // Nationalities Papers. 2012. Vol. 40. Issue 1. P. 127–147.
  12. O’Leary B. An Iron Law of Nationalism and Federation? A (Neo-Diceyan) Theory of the Necessity of a Federal Staatsvolk, and of Consociational Rescue // Nations and Nationalism. 2001. Vol. 7. Issue 3. P. 273–96.
  13. Suleymanova D. Between Regionalisation and Centralisation: The Implications of Russian Education Reforms for Schooling in Tatarstan // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. Issue 1. P. 53–74.
  14. Weidmann N., Rød J., Cederman L.-E. Representing Ethnic Groups in Space: A New Dataset // Journal of Peace Research. 2010. No. 4. P. 491–499.
  15. Wucherpfennig J., Weidmann N., Girardin L., Cederman L.-E., Wimmer A. Politically Relevant Ethnic Groups across Space and Time: Introducing the GeoEPR Dataset // Conflict Management and Peace Science. 2011. No. 5. P. 423–437.

**LANGUAGES OF MINORITIES IN SCHOOL EDUCATION IN RUSSIA:
THE SCOPE AND FACTORS OF VARIABILITY**

P. V. Panov

Doctor of Political Sciences, Chief Research Fellow, Perm Federal Research Center
of the Ural Branch of RAS

Teaching minority languages at school is one of the key aspects of language policy. At the same time, the scale of language teaching varies to a great extent in respect of different minorities in different regions. The article aims to identify the main factors that affect these differences. The quantitative comparative analysis, performed based on the results of the 2010 All-Russian Census and on the data of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, shows that the most important factors are the official status of the minority language and some demographic characteristics of the ethnic group, such as the high share of the group in the population of the region, as well as its absolute size. Furthermore, the localization of the group in the physical space of the region and the segregated format of localization are of significant importance. Additionally, the “maturity” of teaching minority languages in the region on the whole has a positive impact. The combination of these factors explains quite well the variability in the minority languages teaching in secondary schools.

Keywords: ethnic minorities; language policy; school education; comparative analysis.

Олег Борисович Подвинцев
(29 декабря 1962 г. – 22 апреля 2018 г.).

22 апреля 2018 г. на 56-м году ушел из жизни профессор кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета Олег Борисович Подвинцев.

У Олега Борисовича остались неопубликованные тексты, один из которых мы публикуем в этом номере. А еще остались ученики, которые продолжают исследования. Среди них – Татьяна Витковская и Мария Назукина.

УДК-32:352(470.53)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-138-147

**ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛОББИСТСКИХ СТРУКТУР
В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ МАЛЫХ
РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

О.Б. Подвинцев, О.А. Рябова¹

В статье рассматриваются тенденции, характеризующие процесс и механизмы продвижения лоббистских интересов крупных и градообразующих предприятий в промышленных моногородах в настоящее время (в сравнении с периодом конца 1990-х–началом 2000-х гг.). К таковым в Пермском крае в первую очередь относятся предприятия следующих сфер: металлургия, машиностроение, химическая промышленность. Исследование на материалах Пермского края показывает, что несмотря на доминирование в местной политике моногородов градообразующих предприятий, в последние десятилетие их роль в значительной степени изменилась. От стратегии абсолютного контроля со стороны топ-менеджмента градообразующих предприятий до в некоторой степени потери интереса и передачи контролирующих полномочий заместителям и менеджменту среднего звена данных структур.

Таким образом, появилась целая группа так называемых «координаторов» – людей, которые обеспечивают координацию политических процессов на локальном уровне и участие в них градообразующей структуры (или нескольких структур). Кроме того, сформировалась тенденция использования «статистов» при формировании локальных legislatures (депутатов, которые получают мандат при значительной координации и контроле их деятельности со стороны градообразующего предприятия (в лице «координаторов») как на этапе выборной кампании, так и в последующей депутатской деятельности. Если 10-15 лет назад такие примеры были скорее исключением, то теперь это обычная практика формирования представительных органов малых городов. Все это позволяет утверждать, что усиливается степень профессионализации и расширяется группа профессиональных политиков и политических менеджеров. Но это порождает опасность некоторого отрыва их от градообразующих предприятий, стремление подменить его интересы собственными. Депутатский корпус моногоро-

---

¹ Подвинцев Олег Борисович – доктор политических наук, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН.

Рябова Оксана Александровна – кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. E-mail: ryabova.ok@gmail.com (ORCID: 0000-0002-5426-0444. ResearcherID: N-8716-2018).

дов демонстрирует противоречивые тенденции, как в плане состава, так и с точки зрения значимости депутатов для лоббистской деятельности градообразующего предприятия, а также в соотношении директивного (по линии предприятия) и политического (по линии «Единой России») контроля.

Ключевые слова: моногорода; лоббизм; градообразующее предприятие; местное самоуправление; выборы.

Уже в конце 1990-х–начале 2000-х гг. малые российские города в регионах с развитой промышленной структурой и конкурентным политическим полем стали ареной продолжительной и сложной политической борьбы, участниками которой, в отличие от предыдущего десятилетия, стали достаточно устойчивые и располагавшие серьезными ресурсами группировки. Наиболее подробно данная борьба изучена на примере моногородов, где градообразующими являются металлургические, машиностроительные и химические предприятия. В частности, была описана тенденция продвижения владельцами и менеджментом градообразующих предприятий своих представителей в муниципальные органы власти вплоть до их полного захвата и постановки под контроль. Зачастую в городе или районе в ответ формировалась антизаводская («муниципальная») коалиция из числа представителей социальной сферы, мелких предпринимателей, журналистов и т. д. Такая группировка могла выдвинуть или обрести сильного лидера и довольно успешно противостоять «заводским». В их борьбе, от выборов к выборам, чаша политических весов могла склоняться то в ту, то в другую сторону [1].

Однако, в нынешних условиях, как представляется, ситуация в значительной степени изменилась. Для владельцев и высшего менеджмента предприятий контроль за деятельностью местного самоуправления уже не стал столь актуален, как ранее. Объясняется это тем, что градообразующие заводы уже почти полностью передали муниципалитетам или продали свои «непрофильные активы» - коммунальные сети, транспортные предприятия, социальные объекты и т.п. Усложнение бюджетных схем привело к тому, что руководство градообразующих предприятий во многом перестало видеть в расходах муниципалитетов «свои», вынужденно уступленные средства и, соответственно, «переживать» по поводу эффективности этих трат. Не отказываясь от самой идеи о необходимости контролировать политические процессы в «своем» муниципалитете (включая и выполнение функции агента региональных властей), высшее руководство градообразующих предприятий, таким образом, в отношении локального уровня во многом утратило лоббистский интерес, как таковой [2, 5490-5491].

Там, где она сохраняется, непосредственная вовлеченность владельцев и высших менеджеров ключевых для муниципалитета предприятий в местную политику, как правило, объясняется преимущественно имиджевыми мотивами.

Например, в Губахе градообразующее предприятие «Метафракс» по инициативе председателя совета директоров А.Г. Гарсляна по-прежнему активно участвует в локальных электоральных процессах, но делает это в большей степени для сохранения имиджа социально-ответственной производственной структуры, полностью интегрированной в проблемы территории. Сам Гарслян давно стал политиком краевого масштаба, в течение уже трех созывов являясь депутатом Законодательного собрания, входя в руководство комитетов и депутатских групп, а также занимая важные посты в региональном отделении «Единой России»¹. Победы на выборах, избираясь ли в составе партийного списка или как кандидат по одномандатному округу, Гарслян одерживает на территории, важнейшую часть которой составляет город, где расположено его предприятие. При таких условиях неудивительно, что, по опросам экспертов, краевыми властями (в частности, при проведении избирательных кампаний) Губаха рассматривается как территория, за которую Гарслян несет политическую ответственность².

Там же, где руководители градообразующих предприятий дистанцируются и от «малой», и от «большой» политики, образовавшийся лоббистский вакуум в значительной степени заполнили частные интересы менеджеров более низкого уровня – тех, кто непосредственно отвечает за реализацию политической стратегии предприятия. Так, в г. Чусовом основным политическим игроком на местном уровне от градообразующего предприятия стал начальник отдела по связям с общественностью и общим вопросам АО «ЧМЗ» Константин Адаменко. На сайте екатеринбургской консалтинговой группы АРМ, работавшей на выборах в Чусовом, его именуют не иначе, как «организатор и вдохновитель побед»³. Одновременно с работой на градообразующем предприятии Адаменко возглавляет местное отделение «Единой России» и довольно успешно использует партийный потенциал. В частности, по итогам выборов Земского собрания Чусовского района, прошедших 18 сентября 2016 г., из 26 избранных депутатов 17 являются заводскими и прозаводскими, из них единороссов – 16⁴. В городской Думе Чусового из 20 депутатов 14 – единороссы. Новый глава

---

1 Гарслян Армен Гайосович. Законодательное собрание Пермского края: состав и структура. Информация о депутатах / Официальный сайт Законодательного собрания Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zsperm.ru/s1/composition_and_structure/members/garslyan_ag.php (дата обращения: 06.11.2017)

2 Экспертный опрос. Проведен Рябовой О.А. (не опубликовано; лич. арх. Рябовой О.А.)

3 Выборы органов власти г. Чусового Пермского края – 2013 [Elections in Chusovoy - 2013]. Режим доступа: URL: http://www.arm-group.ru/work/elections/chusovoy_city_duma_2013/ (проверено 15.11.2016). Подсчеты сделаны на основе опросов экспертов и включенного наблюдения.

4 Итоги голосования на выборах депутатов Земского собрания Чусовского района. Сведения о выдвинутых и зарегистрированных кандидатах (по состоянию на 01.10.2016).

Избирательная комиссия Пермского края. URL: <http://permkrai.izbirkom.ru/way/999786.html> (дата обращения: 15.05.2017).

района, Сергей Белов, избранный по конкурсу в том же году (до этого был главой г. Чусового), является давним личным другом и политическим партнером Адаменко. Соответственно, коалиция Адаменко – Белов обладает необходимыми возможностями для продвижения собственных интересов, объединяя ресурсы и полномочия со стороны завода и со стороны муниципалитета [5].

В то же время есть определенные основания утверждать, что и в Губахе, несмотря на непосредственную вовлеченность председателя совета директоров градообразующего предприятия в политическую жизнь на местном уровне, роль связанных с предприятием политических менеджеров возрастает. В частности, речь идет о заместителе генерального директора ОАО «Метафракс» по персоналу и социальным вопросам Рашиде Шакирове, осуществляющем кураторскую работу в городе, советнике Гарсляна Марии Коноваловой, отвечающей за взаимодействие с региональным уровнем власти. Шакиров, как и Адаменко, возглавляет местное отделение «Единой России». И электоральные успехи этой партии на территории Губахи тоже выглядят впечатляюще: в 2012 г. из 19 депутатских мандатов в Думе Губахинского городского округа 15 получили ее выдвиженцы [4]. Примечательно, что непосредственных представителей завода «Метафракс» среди избранных депутатов при этом было только пять.

Стоит отметить, что принципиально иная ситуация сложилась в г. Лысьва. Здесь местным отделением «Единой России» руководит директор (по другим данным замдиректора) бывшей базы отдыха завода ПРИВОД (одного из двух основных предприятий города, второе - Лысьвенский металлургический завод). Сам руководитель отделения в выборах не участвует. Депутатов же от «Единой России» в Думе Лысьвенского городского округа всего девять (при этом двое работают на ЛМЗ и двое на Электротяжмаш-Привод, но в составе депутатов есть и бывшие работники данных заводов, включая и бывшего владельца Привода Виктора Тетюева)¹. Следует подчеркнуть, что «Единой Россией» выдвигались представители обоих градообразующих предприятий. С 2004 г. бессменным председателем муниципального парламента (сначала Земского собрания, а затем Думы городского округа) является бывший технический директор ЛМЗ Виктор Комаренко. Надо заметить, что противостояния (по крайней мере, открытого) между представительным органом и градообразующим предприятием, где ранее работал его Председатель, не наблюдается (так же, как и проблем во взаимоотношениях с Электротяжмаш-Привод). За время председательства Комаренко менялись и главы города, и сити-менеджеры, и собственники градообразующих заводов, но он неизменно сохранял свой пост.

Определенные изменения происходят и в структуре лоббистского аппарата градообразующих предприятий. В целом в структуре «заводского» лобби в

---

¹ Состав депутатского корпуса Лысьвенской городской Думы. Официальный сайт города Лысьва. [Электронный ресурс]. URL: <http://adm-lysya.ru/vlast/duma/> (дата обращения: 14.02.2016)

органах местного самоуправления моногородов можно выделить «статистов» и «координаторов». «Статисты» - это рядовые исполнители, члены депутатского корпуса, функции которых сводятся к исполнению получаемых инструкций – голосованию соответствующим образом, внесению разработанных за них инициатив и т.д. . Таковыми могут быть непосредственные работники предприятия (в том числе рядовые, не участвовавшие до своего избрания, произошедшего по инициативе руководства, в общественно-политической жизни). Трудно предположить, что рядовой работник предприятия может принять решение баллотироваться в Земское собрание района, изыскать средства (и время!) на проведение кампании, самостоятельно принимать решения, то есть разбираться в муниципальном устройстве, законодательстве, налогообложении. Все это дает право утверждать, что почти 100% сотрудников градообразующих предприятий, которые становятся депутатами локальных legislatures, выполняют роль «статистов».

Среди депутатов, избранных в 2016 г. на выборах в Чусовском районе – работающие на ЧМЗ бригадир, электромонтер (выиграл в своем округе у еще одного рабочего того же завода, в отличие от него, выдвинутого «Единой Россией», что дает возможность предположить, что первоначально победителю отводилась роль технического кандидата), мастер (судя по всему, тоже был техническим кандидатом, но на этот раз бывшего председателя профкома ЧМЗ и действующего до того времени председателя Земского собрания), специалист по ремонту оборудования¹. Правда, есть и работники другого профиля и ранга – специалист по связям с общественностью, действующий председатель профкома градообразующего предприятия. Отдельно стоит отметить безработную Светлану Азовских, которая баллотировалась от «Единой России» (т.е. с санкции Адаменко) и сумела победить, выиграв у двух сильных соперников, депутатов прошлых созывов. Всего, как минимум, 9 избранных депутатов от ЧМЗ могут рассматриваться как потенциальные будущие «статисты». Схожая ситуация в отношении состава представителей градообразующих предприятий среди депутатов в других муниципалитетах. Так, в составе нынешней Думы Губахи, из пяти заводчан есть старший пожарный и директор базы отдыха завода².

Число подобных депутатов в представительном органе муниципалитета может служить показателем степени прямого, а не косвенного, контроля над ним со стороны градообразующего предприятия. С этой точки зрения интересно, что число прямых представителей заводов среди муниципальных депутатов

---

1 Итоги голосования на выборах депутатов Земского собрания Чусовского района. Сведения о выдвинутых и зарегистрированных кандидатах (по состоянию на 01.10.2016). Избирательная комиссия Пермского края. Режим доступа: URL: <http://permkrai.izbirkom.ru/way/999786.html> (проверено: 15.05.2017).

2 Состав депутатского корпуса Губахинской городской Думы. Официальный сайт городского округа «город Губаха». [Электронный ресурс]. URL: http://gubakha.permareg.ru/Organizatsiya/gubahinskaja_gorodskaja_duma/ (дата обращения: 09.08.2017).

в моногородах подвержено колебаниям. Однако причины этого неоднозначны – в каких-то случаях необходимо учитывать поражение от «муниципальной» группировки или победу над ней, в каких-то совпадения выборов в органы власти разных уровней и возникающий в связи с этим дефицит потенциальных кандидатов и т.д. Четкую тенденцию на переход от преимущественно прямого представительства к преимущественно косвенному или наоборот пока выявить сложно.

Другие бассейны рекрутирования «статистов» - аффилированные с предприятием мелкие предприниматели и работники социальной сферы. Именно среди них заводские «координаторы» и вербуют косвенных представителей интересов, оказывая ту же помощь в организации и проведении избирательной кампании. С этой точки зрения интересен пример Губахи, где, как уже отмечалось, представительный орган контролируется сросшимся со структурами «Метафракса» местным отделением «Единой России» при небольшом числе непосредственно работающих на заводе депутатов. Среди избранных от «Единой России» в Думу Губахинского городского округа – врач-лор, врач-терапевт районной поликлиники, главный врач лечебно-оздоровительного центра, заведующий отделением Губахинской городской больницы, педагог дополнительного образования начальной школы, преподаватель Уральского химико-технологического колледжа, директор средней школы, начальник управления по делам ГО и ЧС и др.¹

Стоит заметить, что избранные в состав местных представительных органов руководители небольших предприятий и социальных учреждений (школ, больниц и т.д.) занимают все же, как правило, более самостоятельные позиции и могут принимать активное участие в строительстве и функционировании «муниципальной» группировки, а для заводского лобби, в лучшем случае, быть потенциальными «союзниками». «Статистами» же в основном являются рядовые работники этих учреждений или же руководители структур, полностью зависящих от предприятия (например, заводского медицинского центра и т.д.). С этих позиций интересно было бы проанализировать, как за последние полтора десятка лет менялась в целом доля представителей социальной сферы в депутатском корпусе органов местного самоуправления моногородов, а также соотношение внутри этой доли руководителей и рядовых работников социальных учреждений. Однако данная задача остается за рамками настоящей статьи.

Что касается мелких предпринимателей, то способ контроля над ними – получение заказов от градообразующего предприятия. Например, тот же Сергей Белов, последовательно возглавивший Чусовой, а затем Чусовской район, еще до того, как всерьез занялся политикой, неоднократно получал те или иные

---

¹ Состав депутатского корпуса Губахинской городской Думы. Официальный сайт городского округа «город Губаха». [Электронный ресурс]. URL: http://gubakha.permarea.ru/Organy-vlasti/gubahinskaja_gorodskaja_duma/ (дата обращения: 09.08.2017)

подряды от ЧМЗ. Вполне вероятно, что подряды эти были получены абсолютно законным путем, однако, очевидно, что, при желании, руководство завода могло негативно повлиять на бизнес Белова¹.

Помимо «социальщиков» и представителей малого бизнеса, в число «потенциальных союзников» «завода» могут входить и время от времени попадающие в представительные органы местного самоуправления популисты из числа городских активистов, реальная позиция которых может легко меняться. Случаи попадания таких активистов в состав муниципального, а то и регионального органа представительной власти, единичны, но, все же, имеют место быть в таких регионах, как Пермский край. Однако, чем принципиальнее позиция городского активиста, тем труднее пройти ему то или иное политическое сито, поэтому, как правило, те из них, что получают (в основном на один созыв) депутатский мандат, обретают политических покровителей и, при необходимости, и возможности, достаточно легко меняют их.

Работа «статистов» требует постоянной организации со стороны «координаторов». В настоящее время на градообразующем предприятии эти люди, в основном, занимают пост руководителя отдела общественных связей или одного из заместителей директора, курирующего отношения с органами власти. В течение последнего десятилетия происходило сращивание этого аппарата и с партийными структурами «Единой России». Как правило, «координатор» сам включен в структуру представительного органа местного самоуправления, как минимум, является депутатом (в частности, таковыми являются и Шакиров, и Адаменко), может возглавлять комиссию, депутатскую группу или весь орган в целом. Нельзя, правда, утверждать, что из данного правила не может быть исключений и в составе местного самоуправления не могут встретиться лоббистские структуры, состоящие из одних «статистов». «Координатор» может быть и «внешним» по отношению к заводам, согласовывая их интересы (если градообразующих предприятий два и более). Вполне вероятно, что в Лысьве именно в такой роли выступает Комаренко.

Именно «координаторы» подбирают «статистов», организуют их продвижение (избрание) в представительный орган местного самоуправления, дают им инструкции и следят за тем, как эти инструкции выполняются. Соответственно, происходит политическая профессионализация «координаторов». По сути, в соответствии с «железным законом» олигархизации [6, 114–126] они превращаются в достаточно самостоятельные фигуры, обретают собственные интересы, которыми и стараются время от времени подменять (или дополнять) лоббистские запросы предприятия. Тем более, что эти запросы, как было пояснено выше, имеют тенденцию к сокращению.

Самостоятельность «координаторов» вряд ли может устраивать высшее руководство градообразующих предприятий, и они, очевидно, не настроены на

---

¹ Экспертное интервью. Проведено Рябовой О.А. (не опубликовано; лич. арх. Рябовой О.А.)

то, чтобы этот процесс заходил достаточно далеко. Важно при этом, что они должны учитывать прошлый, не вполне удачный опыт, когда предприятия зачастую стремились поставить полностью «своего» человека и на пост главы муниципалитета. Неоднократно случалось, что делегированный предприятием руководитель достаточно быстро утрачивал связь с ним, переставал следовать получаемым рекомендациям, а потом и вовсе оказывался во главе новой анти-заводской «муниципальной» группировки. Хрестоматийным здесь вновь является пример г. Чусового. Николай Симаков (бывший начальник одного из цехов ЧМЗ) был избран главой района в противовес действующему на тот момент Виктору Бурьянову [1, 135]. После избрания руководство завода помогло ему собрать команду, делегировав часть своих сотрудников на муниципальные должности. Но уже в следующем электоральном цикле (прежде всего, по выборам депутатов Земского собрания района) команда Симакова (муниципальная группировка) и команда завода были соперниками.

Таким образом, в целом в отношении группы моногородов Пермского края можно говорить, во-первых, о большей профессионализации в местной политике, расширении группы профессиональных политиков и политических менеджеров и при этом, зачастую, об определенном отрыве их от градообразующих предприятий, о стремлении подменить его интересами собственными, во-вторых, о противоречивых тенденциях в отношении трансформаций депутатского корпуса соответствующих муниципальных образований, усложнения или упрощения его состава, значимости в проведении лоббистской деятельности коалиционных взаимодействий, соотношении директивного (по линии предприятия) и политического (по линии «Единой России» контроля).

Описываемые трансформации, как уже отмечалось, характерны для промышленных моногородов, причем с градообразующими предприятиями определенного типа (таких, правда, в Пермском крае большинство). Иная ситуация была и остается в муниципалитетах, где градообразующее предприятие отсутствует (например, «торговый» Кунгур), или намеренно не вступало и не вступает в политические процессы на локальном уровне в качестве самостоятельного актора («город-станция» Верещагино, «города-музеи» Чердынь и Усолье). Структура представительного органа в таких муниципалитетах зачастую остается размытой, в ней отсутствует доминирующая или вообще сколько-нибудь крупная лоббистская структура.

Библиографический список

1. *Витковская Т.Б., Рябова О.А.* Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург, 2011. 259 с. [Vitkovskaya T.B., Ryabova O.A. Monogoroda Srednego Urala: lokal'nye elity i politicheskie protsessy [Single-industry cities of the Middle Urals: local elites and political processes]. Yekaterinburg: RIO UrO RAS, 2011. 259 p.]

2. *Витковская Т.Б., Рябова О.А.* Корпоративные лоббисты в депутатских собраниях (на материалах моногородов Пермского края) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: сб. стат. по итогам V Всероссийского социологического конгресса. М., 2016. С. 5488–5499. [Vitkovskaya T.B., Ryabova O.A. Korporativnyye lobbisty v deputatskikh sobraniyakh (na materialakh monogorodov Permskogo kraya). // Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'. Sbornik statei po itogam V Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa - elek-tronnyye dannye. M.: ROS, 2016. S. 5488-5499]. [Corporate lobbyists in deputy's corps of local legislatures (on the example of Perm region) // Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice. Collection of articles on the materials of V Russian Sociological congress].
3. Выборы органов власти г. Чусового Пермского края – 2013 [Elections in Chusovoy - 2013]. URL: http://www.arm-group.ru/work/elections/chusovoy_city_duma_2013/ (дата обращения: 15.11.2016). Подсчеты сделаны на основе опросов экспертов и включенного наблюдения. [Vybory organov vlasti g. Chusovogo Permskogo kraya – 2013 Rezhim dostupa: URL: http://www.arm-group.ru/work/elections/chusovoy_city_duma_2013/ (provereno 15.11.2016). [Elections in Chusovoy - 2013].
4. «Единая Россия» одержала внушительную победу на выборах в Губахе (дата обращения: 15.11.2016). URL: <http://permkrai.er.ru/news/2012/12/10/edinaya-rossiya-oderzhala-vnushitelnuyu-pobedu-na-vyborah-v-gubahe> [«Edinaya Rossiya» oderzhala vnushitel'nyuyu pobedu na vyborah v Gubakhe [“United Russia” won an impressive victory in the elections in Gubakha]. Rezhim dostupa: URL: <http://permkrai.er.ru/news/2012/12/10/edinaya-rossiya-oderzhala-vnushitelnuyu-pobedu-na-vyborah-v-gubahe> (provereno 15.11.2016)]. [“United Russia” won an impressive victory in the elections in Gubakha].
5. Политическая ситуация по итогам выборов главы Чусовского городского поселения и депутатов Чусовской городской думы. Аналитическая записка. Официальный сайт комиссии «Честный контроль». (дата обращения: 14.08.2016) [Politicheskaya situatsiya po itogam vyborov glavy Chusovskogo городского поселения i deputatov Chusovskoi городской dумы. Analiticheskaya zapiska. Ofitsial'nyi sait komissii «Chestnyi kontrol'»]. [The political situation after the elections the Head of Chusovoy urban settlement and Chusovoy local legislature. Analytical conclusion. The official site of the Commission "Open Control"]. [Электронный ресурс] URL: <https://permelectionmonitor.wordpress.com/category/uncategorized/>.

**THE TRENDS OF LOBBIST STRUCTURES TRANSFORMATION IN THE
LOCAL SELF-GOVERNMENT OF SMALL RUSSIAN CITIES (A CASE
STUDY OF PERM KRAI)**

O. B. Podvintsev

Doctor of Political Sciences, Head of Political Institutions and Processes Department,
Perm Federal Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of
Sciences

O. A. Ryabova

Candidate of Political Sciences, Research Fellow, Perm Federal Research Centre of
the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The article examines the trends characterizing the process and mechanisms for promoting the lobbying interests of large and city-forming enterprises in industrial single-industry cities. The study on the materials of Perm Krai shows that despite the dominance of city-forming enterprises in local politics, the degree of professionalization is increasing, and a group of professional politicians and political managers is expanding. This creates the danger of some separation of them from the city-forming enterprises, the desire to replace its interests with its own. The deputy corps of single-industry cities demonstrates contradictory trends in terms of their composition and in terms of the importance of deputies for lobbying activities of the city-forming enterprise, as well as in the combination of the directive (through the enterprise) and political (through the "United Russia") control.

Keywords : company towns; lobbyism; city-forming enterprise; local government; elections.

УДК-32:352(470.53)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-148-165

**ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГОРОДА УРАЛА: СПЕЦИФИКА
ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРАКТИК¹**

Т. Б. Витковская, М. В. Назукина²

Статья посвящена исследованию городов с развитым промышленным производством, в которых расположены крупные заводы машиностроительной, металлургической, горнодобывающей и химической отраслей. В России наибольшее количество заводов тяжелой промышленности расположено в уральском макрорегионе, особенно в традиционно промышленных Свердловской, Челябинской областях и в Пермском крае. Представлены результаты исследования, проведенного на материалах городов данных регионов. В исследовании использованы материалы интервью с представителями городской элиты, в числе которых – главы с исполнительными полномочиями и члены локальных представительных институтов, а также материалы местной прессы. Экономическим базисом и гарантом качества жизни в промышленных городах является завод. Показано, как индустриальная специфика таких городов влияет на формирование их локальной идентичности. Сделан вывод о том, что производство является одним из ключевых атрибутов локальной идентичности промышленных городов и определяет складывание локально-заводской идентичности. Отмечается, как сформированная локально-заводская идентичность учитывается при выработке стратегий политического участия предприятий, используется в муниципальных избирательных кампаниях. Рассмотрена тактика выдвижения предприятиями своих работников в качестве кандидатов на местных выборах и отмечена значимая доля заводчан в муниципальных представительных институтах. Сделано предположение, что ориентация местного сообщества на участие в управлении городом наравне с представителями предприятий может повысить качество муниципального управления и дать некоторые гарантии стабильности городского

---

¹ Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-29 «Политическое пространство промышленных городов Урала: институты, идентичности, практики».

² Витковская Татьяна Борисовна – кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. E-mail: vit.tatiana@gmail.com (ORCID 0000-0003-1281-1292. ResearcherID L-8284-2018).

Назукина Мария Викторовна – кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, доцент кафедры политических наук ПГНИУ. E-mail: nazukina@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0190-0513. ResearcherID: L-8246-2016).

развития. Показано, как сложившиеся в локальном сообществе представления об общественной роли завода мотивируют предприятия отвечать на социальные запросы городского населения. В сложных социально-экономических условиях предприятия снижают вклады в городскую среду, что ведет к ухудшению качества жизни горожан. Сделано предположение, что локальная идентичность городов данного типа может быть выведена за ограничивающие рамки промышленной идентичности и таким образом стать ресурсом развития города. Показано, почему локальная идентичность является недооцененным ресурсом городского развития и каким образом она может быть использована городским сообществом. Отмечаются особенности локальной идентичности в городах с одним градообразующим предприятием – моногородах, в формировании которой главную роль играет градообразующий завод как сплачивающий элемент. В городах, которые теряют свою промышленную специализацию после закрытия градообразующих заводов или кризиса локальной экономики, традиционные заводские символы более не отображают идентичность места, постепенно меняется локальный дискурс и предприятия отстраняются от муниципального управления.

Ключевые слова: локальная идентичность; локальная политика; Урал; моногород; промышленность; развитие города.

В данной статье будут рассмотрены базовые особенности локальных идентичностей промышленных городов Урала, формирующие локальное символическое пространство, и их отражение в пространстве публичной локальной политики.

Модель данных представлений предложена авторами на основе экспертных интервью, проводимых среди представителей локальных элит, местных жителей, анализа материалов местных СМИ в городах Урала на протяжении последних пяти лет. Были проанализированы позиции различных представителей локальной элиты, в числе которых главы с исполнительными полномочиями (главы территорий, главы муниципальных администраций) и члены локальных представительных институтов (в том числе партийных), руководители бюджетных организаций и представители предприятий. Следуя за дискурсивной теорией Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф [9, 115], мы выделили ключевые «узловые точки» (темы), образующие специфику дискурса идентичности городских сообществ Урала. При поиске ключевых тем, составляющих дискурс идентичности, предполагалась их связь с экономической специализацией городов, включенных в исследование, а также их отражение в публичной политической повестке, наиболее четко – в период муниципальных избирательных кампаний, при поиске городских символических атрибутов, праздновании важных для сообщества исторических событий, памятных дат и профессиональных праздников.

Локальные идентичности являются низовым уровнем пространственно-территориальной идентификации и связаны с чувством сопричастности человека с местом его проживания или/и происхождения: районом, городом, населенным пунктом, конкретной местностью. Они основаны на понятии «малая родина» и представляют собой совокупность смыслов, эмоциональных и ценностных значений, которыми наделяется важное для самоопределения человека место [4]. В самом общем виде локальную идентичность можно концептуализировать и как объективированные выражения местной уникальности, такие, например, как историко-культурный контекст, на основе которого «вырастает» самосознание жителей, и как механизмы использования этих особенностей через политику по их конструированию. Важно также отметить, что значимой составляющей локальной идентичности является эмоциональная связь, чувства и отношение к месту, где живет сообщество [10; 11]. Это чувство обычно связывается с понятием «местного патриотизма» [3, 79–80] и может проявляться в нежелании менять место жительства, чувстве ностальгии к территории, социокультурной активности, развитых земляческих связях и пр.

Являясь социокультурной основой сплочения жителей в городское сообщество, идентичность способствует росту положительных образов о городе, формированию имиджевых проектов, символических и брендовых атрибутов, тем самым становясь частью креативного капитала и повышая значение города в жизни самих людей, поэтому локальная идентичность – это один из ресурсов развития городов, способный активизировать социально-экономическое развитие места. Следуя конструктивистскому подходу, акторы городской политики, с одной стороны, могут на уровне символических действий поддерживать, корректировать и даже менять образы и составляющие городской идентичности. Вместе с тем, контекст в виде наследия всегда будет накладывать ограничительные рамки на данные практики. В этом смысле заводская, индустриальная городская идентичность сама может задавать ракурс политическим практикам.

Идентичность по-разному проявляется в городах, что обусловлено не только политикой по ее конструированию, но и объективными особенностями территории: историко-культурным фундаментом, социально-экономическим развитием, наличием творческой и креативной среды и пр. В качестве исследуемых случаев, на основе которых будет определена специфика локальных идентичностей, выбраны промышленные города уральского макрорегиона. Урал является важной территорией, выполняющей роль срединного региона, оплота и опоры государства. А.И. Татаркин отмечает, что суть такого региона отражена в названии территории («срединный») - расположение в середине территории страны: «Важнейшим отличительным его качеством можно считать то, что среднее расстояние перемещения от этого региона до любой точки «материнской» территории, частью которой он является, будет меньше, чем аналогичное среднее расстояние до любой точки этой территории у других ее регионов» [8]. По его мнению, из семи федеральных округов только Центральный,

Уральский и Приволжский могут претендовать на статус срединных регионов страны по этому признаку. Однако Урал имеет дополнительные преимущества, которые заключаются в срединном расположении на Евразийском континенте и наличии богатых запасов природных ресурсов.

Не случайно, поэтому, основу идентичности уральского макрорегиона составляет экономический дискурс. Наличие огромных ресурсов, мощного промышленного потенциала неразрывно связаны с Уралом («Урал – опорный край державы», «Урал – металлургическое сердце России»). Другая, дополнительная, но важная черта уральской самости обусловлена тем, что на протяжении долгого исторического времени Урал представляет собой «промежуточную и соединяющую территорию», между обжитым «историческим ядром» России и переселенческими сибирскими просторами [5]. На территории уральского макрорегиона расположено большое число моногородов¹. Спецификой уральских моногородов, кроме того, считается также то, что многие среди них являются самыми крупными по численности населения и их отличительной особенностью является промышленный, индустриальный вектор развития, что обусловлено их отраслевой специализацией – металлургия, машиностроение, оборонная промышленность². Классическими носителями уральской специфики являются три региона РФ – Свердловская область, Челябинская область и Пермский край.

Ключевой дискурс, выделенный нами в результате исследования, связан с тем, что производство является одним из ключевых атрибутов локальной идентичности промышленных городов и определяет складывание локально-заводской идентичности. Конкретно это проявляется в следующих особенностях.

Во-первых, в локальных идентичностях многих уральских городов важным оказывается акцентирование индустриальной сущности. При этом отдельные отрасли тяжелой промышленности – машиностроение и металлургия, горнодобывающая и химическая промышленность – предполагают монопрофильный характер производства, высокую концентрацию рабочего персонала на производстве и содержание заводом объектов инфраструктуры, которые могут работать и на жилую часть города. Производственная специфика предопреде-

---

¹ На территории Уральского экономического района расположено 63 моногорода, на территории Пермского края, Челябинской и Свердловской областей – 43 моногорода из 319 моногородов на территории РФ. // Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р. Фонд развития моногородов: документы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.frmrus.ru/documents/> (дата обращения: 06.02.2018)

² Так, средняя численность населения уральского моногорода составляет 65,6 тыс. человек, а в 6 моногородах численность жителей превышает 100 тыс. При этом на территории Уральского ФО насчитывается только 37 моногородов, однако на них приходится 20% населения УФО. Источник: Обзор российских моногородов. Аналитический доклад. Институт комплексных стратегических исследований, июнь 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения: 01.06.2018).

ляет тесную «цепку» таких заводов с городом, которая обуславливает политическую активность предприятий и проявлена в городской идентичности.

К примеру, для г. Соликамска и Березников Пермского края промышленная специфика определяет особенности позиционирования и локального характера. Оба они относятся к крупнейшим промышленным центрам края, и общее позиционирование завязано на продвижении экономических образов и брендов. В Березниках локальный дискурс идет вокруг звания «столицы химии» края. В отличие от Березников позиционирование Соликамска связано с конкретным символом – солью. При этом можно заметить, что соляной бренд выбран в качестве основополагающей линии локального брендинга, призванного соединить экономику и историю края в общую формулу городской уникальности. 2010 год можно считать знаковым в реализации соляной стратегии продвижения города: Соликамск отметил свое 580-летие. Город принял участие в программе «Центр культуры Пермского края-2010», проводимой Министерством культуры Пермского края. Представленный на конкурс проект под названием «Соликамск — соляная столица России» стал победителем. Идея проекта завязана на стремлении сделать соль ключевым локальным брендом, поскольку исторически именно с ней связано становление и развитие города. Основными мероприятиями солевого имиджа стали - «Фестиваль Соли», комплексные проекты «Музей соли», «Сользавод» и другие. Важным этапом реализации проекта стала символизация соляного бренда - создание «символа города — знака соли».

Города горнозаводской цепочки Пермского края также ассоциируются с Уралом за счет большой роли промышленности в их развитии. История появления г. Чусового, например, связана с типично уральским вариантом - постройкой Горнозаводской железной дороги в 1878 г. (станция Чусовская) и основанием металлургического завода в 1879 г. Свое имя город получил от главной р. Чусовой – символа Урала. На сегодняшний день многие социально-политические и культурные процессы в Чусовском районе неотделимы от общеуральского дискурса. Чусовой – типичный моногород, со сложным социально-экономическим положением в силу проблем и приостановлением реконструкции Чусовского металлургического завода (АО ЧМЗ).

Появление г. Лысьвы также связано с возведением чугунолитейного завода в 1785 г. Развитие города предопределяла идентичность города-завода. Это повлияло на архитектуру города, состав населения. Однако в 1990-е гг. с исчезновением доминирующей роли промышленности Лысьва оказалась в смысловом вакууме¹. Для позиционирования города большое значение имела победа в конкурсе «Центр культуры Пермского края» в 2009 г. Основу проекта составили традиционные уральские символы завода. К примеру, на производст-

---

¹ Курбатова Т.В., Сафрошенко О.Н. Ресурс культуры в развитии города. Опыт реализации и стратегического планирования // Справочник руководителя учреждения культуры. 2010. № 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cultmanager.ru/magazine/archive/53/1268/> (дата обращения: 05.05.2018).

венной площадке Лысьвенского металлургического завода была создана экскурсионная программа, в городском музее открылась выставка, рассказавшая об уральских городах-заводах, территориях, объединенных именем рода графов Шуваловых. Развитие бренда каски, путем создания первого в России Музея каски (Лысьвенский металлургический завод был единственным производителем солдатской каски в годы Великой Отечественной войны), стало значимым дополнением к имиджу г. Лысьвы¹.

Таким образом, производственные бренды определяют имидж Лысьвы. Помимо завода и касок, стоит назвать, знаменитые лысьвенские кастрюли, утюги, бытовые напольные плиты марки «Лысьва», а также трикотаж (носки, колготки и пр.).

Еще один пример, Александровск – город, расположенный в 185 км к северо-востоку от Перми. Основное машиностроительное предприятие города – ОАО «Александровский машиностроительный завод». Главной отличительной особенностью Александровска являются наличие градообразующего предприятия и промышленная сущность: «...завод – это наше градообразующее предприятие, и город живет, существует только за счет этого всего, всегда жил, столько лет ему, 200 лет заводу»²; «Машиностроительный завод – это достаточно крупное, градообразующее предприятие. Одно из крупнейших предприятий было в данной отрасли в Советском Союзе»³; «По сути, теперь в городе остался один завод, но условия работы на нем не очень. Заработная плата очень низкая. Можно сказать, что город полностью зависит от завода»⁴.

Не только производство как ценность, но и символические маркеры довольно часто определяются промышленной спецификой. Идентичность г. Александровска выстраивается на символе производства, а официальные символы города отражают характерные отрасли промышленности – металлургическую, машиностроительную, в которой заняты жители города. Так, на гербе Александровского района и г. Александровска изображен юноша в черном длинном кузнечном фартуке «правой рукой, опирающийся на обращенный золотой рукоятью вверх черный кузнечный молот, а в левой руке держащий черное ядро, и сопровождаемый в левом нижнем углу шестью таковыми же ядрами, сложенными пирамидально (один, два, три)»⁵. Такое изображение показывает характерные отрасли промышленности, в которой заняты жители города.

---

1 Лысьва — месторождение культуры. URL: <http://mk.lysva.ru/program/> (дата обращения: 05.05.2018).

2 Интервью. 18.07.2016 // Из лич. арх. авт.

3 Интервью 2. 18.07.2016 // Из лич. арх. авт.

4 Интервью. 11.02.2017 // Из лич. арх. авт.

5 Решение Александровской городской думы от 24 ноября 2005 года № 106 «О гербе муниципального образования „Александровский район“». Александровский муниципальный район Пермского края. Официальный сайт органов местного самоуправления. [Электронный ресурс]. URL: <https://aleksraion.ru/index.php/nash-raion/221-gerb-pril> (дата обращения: 20.04.2018)

Верхняя Пышма – город рядом с Екатеринбургом, основанный в 1856 г. ради добычи медной руды и выплавки меди на территории. На сегодняшний день завод по производству рафинированной меди и ее производных является градообразующим для территории, и город Верхняя Пышма является базовым для Уральской горно-металлургической компании – первого в России по величине производителя меди. Идентичность города базируется на его узкой производственной специфике, история и мифология города связаны с медью, и символ меди – «зеркало Венеры» размещен на флаге и гербе города¹. Более половины почетных граждан города имеют отношение к производству².

Во -вторых, в случае если в городе не несколько, а одно ключевое предприятие, и город является моногородом, в нем складывается моногородская идентичность, в формировании которой главенствующую роль играет градообразующее предприятие как сплачивающий элемент, поэтому оно занимает важное место в ценностном наполнении идентичности жителей. Е.В.Сатыбалдина считает, что ведущей характеристикой моногорожанина является однолинейное восприятие им внешнего мира, что объясняется сложившимся моносознанием и моноповедением данного типа личности, сохранившей традиционность мышления с опорой на нормы и ценности патриархальной горнозаводской культуры: «Социокультурные стереотипы, привычки, заложенные воспитанием и культурными традициями; ценностные ориентации людей, составляющих территориальную общность под названием «жители уральского моногорода» [7, 7]. Кроме того, здесь доминирует профессиональная идентификация. Например, население г. Магнитогорска идентифицирует себя больше как жителей металлургического центра, нежели как магнитогорцев, и в городе актуальна дихотомия «комбинатовский – некомбинатовский работник» [1, 158].

Если ситуация в моногороде не очень благоприятная, к указанным особенностям «картины мира» жителя моногорода добавляется распространенность среди жителей пессимистического прогноза относительно будущего города («я не вижу здесь будущего»; «он затухает»; «деградация и стагнация»³). Заккрытие градообразующих предприятий ставит вопрос о судьбе города. В Верхнем Уфалее Челябинской области ОАО «Уфалейникель», когда-то первый никелевый комбинат в стране («первенец никелевой промышленности страны»), в 2017 г. прекратил своё существование, что привело к резкому ухудшению социально-экономической ситуации, усилению дискурса «депрессивно-

---

1 Геральдика, официальные символы муниципального образования // Официальный сайт городского округа Верхняя Пышма. [Электронный ресурс]. URL: <http://mopv.ru/about/heraldry/> (дата обращения: 20.04.2018)

2 Почетные граждане // Официальный сайт городского округа Верхняя Пышма. [Электронный ресурс]. URL: <http://mopv.ru/about/honor/> (дата обращения: 20.04.2018)

3 Интервью. 11.02.2017 // Из лич. арх. авт.

сти» и «безысходности»¹. Традиционные заводские образы и символы (на флаге, в частности, изображен , прямонаклонённый белый литейный ковш, из которого льётся жёлтая струя, показывающая основные отрасли тяжёлой промышленности города - металлургию и тяжёлое машиностроение) уже не отображают идентичность места. Еще более яркий пример – г. Кизел Пермского края, который потерял свое градообразующие предприятие – шахты, закрытые в 1990-е гг. По отношению к городу у экспертов доминируют негативные характеристики его специфики и подчеркивание проблем: «Шахты для Кизела были всем, поэтому сейчас у нас нет вообще ничего»². Положение характеризуется как «сложное», «тяжелое», «упадническое». Исчезновение шахт повлекло проблемы занятости и социального самочувствия: «Шахтерская специфика она это...шахтерская специальность и работа она специфическая и её очень тяжело чем-то заменить»; «Когда шахты начали закрываться, ой, как страшно было. Я вообще была в шоке»³. Будущее Кизела рассматривается неопределенно («Нашего будущего нет в Кизеле. Только если будут открываться предприятия»; «Нам нужны предприятия»⁴). Тем не менее, шахтерские образы связываются с позитивным прошлым. Ключевым символом города является городской герб, на котором изображены две серебряные опрокинутые кирки, положенные на-крест , и древняя золотая шахтерская лампа, демонстрирующие, что угледобыча была основой развития города. Причем, лампа горит, и это означает «надежду на процветание города и в будущем»⁵. Топонимика города также сохранила названия со времени работы шахт: Шахта им. Ленина, Общий Рудник, Доменный Угор, Рудничный и др.

В-третьих, горожане идентифицируют свой город с заводом, но не обязательно – с его собственниками или официальными представителями. Например, в г. Александровске горожане выражали недовольство политическими амбициями генерального директора машиностроительного завода Геворга Григоровича Меграбяна, критиковали его работу в открытых письмах в местную газету и даже сформулировали лозунг: «Не хотим жить в Меграбянске!»⁶.

Для завода, в свою очередь, актуально поддержание связки жители – предприятие, поэтому они заинтересованы в заводской идентичности. Главные

---

1 Гордиенко В. «Наоптимизировались уже». Жители южноуральского города просят известного врача спасти детскую поликлинику // УралПолит.ру. 2018. 8 мая. [Электронный ресурс] URL: <http://uralpolit.ru/article/chel/08-05-2018/138979> (дата обращения: 20.04.2018)

2 Отчет по итогам зимней экспедиции НСО кафедры СЭГЗС: Современные процессы трансформации промышленных площадок (на примере малых городов Пермского края).

Москва, 2013. С. 55. [Электронный ресурс]. URL: http://www.geogr.msu.ru/cafedra/segzs/nso/SEGZS_NS0_Perm2013.pdf (дата обращения: 23.09.2017).

3 Интервью. 16.06.2016 // Из лич. арх. авт.

4 Интервью. 15.06.2016 // Из лич. арх. авт.

5 Герб города Кизел. [Электронный ресурс]. URL: <https://geraldika.ru/symbols/12307> (дата обращения: 20.04.2018)

6 Боевой путь. 2000, №52; 2001, № 5, 7, 9,12,17; 2004, № 7, 11, 15.

городские дворцы культуры в промышленных городах обычно называются «Дворец металлургов», а спортивные сборные города (в особенности, футбольные и хоккейные клубы) часто поддерживаются и носят название либо градообразующего предприятия (например, ФК «Северский трубник» в г. Полевском Свердловской области, где действует Северский трубный завод), либо именуется просто «Металлург» (Кыштым и Аша Челябинской области, Кировград Свердловской области, Чусовой Пермского края и др.). Многие городские мероприятия, праздники и фестивали связаны с заводом. Так, день города часто отмечается одновременно с Днем металлурга (третье воскресенье июля). В этот день в городах проводятся празднования, вручаются премии и подарки лучшим работникам-металлургам¹. Так, в Верхней Пышме Свердловской области каждый год проводится масштабный карнавал, посвященный Дню металлурга. В Лысьве Пермского края, к примеру, в 2017 г. такой праздник проводился под лозунгом «День города металлургов». Директорат осознает важность публичных праздников для позиционирования предприятий, что подтверждается тем, что они могут превращаться в предмет конкуренции между заводами. Так, в Лысьве ежегодно проводятся два городских праздника – День металлурга, спонсируемый металлургическим заводом, и День машиностроителя, финансируемый турбогенераторным заводом, и организаторы праздников стараются превзойти соперников масштабностью действия [2, 27].

Зачастую жители моногорода воспринимают директорат завода как ответственного за будущее города не в меньшей степени, чем руководство муниципалитета, вне зависимости от актуальной доли налоговых поступлений от завода в городском бюджете или реальной роли завода в локальной экономике. Перекалывание ответственности за город на завод отражает упрощенное, буквальное восприятие горожанами завода в качестве «градообразующего» элемента. Существующие в общественном сознании стереотипы связаны с особенностями моногородской идентичности и низким уровнем правовой и экономической грамотности населения в небольших заводских городах.

В-четвертых, во многих промышленных городах собственники или менеджмент предприятий активно участвуют в формировании и реализации городской политики, что соответствует ожиданиям большинства горожан. Представители предприятий мотивированы соображениями личной и корпоративной выгоды, и их политическая активность прежде всего – не ответ на ожидания населения, а способ реализации собственных практических целей. Однако их политическое участие вполне вписывается в «картину мира» жителей промышленного города, и менеджмент предприятий использует это в избирательных кампаниях своих кандидатов.

---

¹ Показательна в этом смысле одна из поздравительных листовок, выпущенных ко дню города Садка (Челябинская область) – «Слава металлургам - повелителям огня». [Электронный ресурс]. URL:<http://pochel.ru/c/article/4947-progulka-po-satke/> (дата обращения: 20.05.2018)

Для завода основной способ включения в муниципальную политику и управление – это финансирование избирательных кампаний лояльных местных политиков, а также их организационная и информационная поддержка. Избранные представители предприятия также могут назначать лояльных заводу кандидатов на ключевые муниципальные должности – первый заместитель главы, председатель счетной палаты и т.п.

Распространенной тактикой является выдвижение на пост главы города и в муниципальные депутаты сотрудников или бывших работников предприятия. И, как правило, представители завода получают поддержку избирателей на муниципальных выборах. Об этом свидетельствует состав органов местного самоуправления в промышленных городах. К примеру, в составе городской думы «столицы химии» Пермского края г. Березники 15 из 25 депутатов представляют химические предприятия («Азот», «Уралхим», «Ависма», «Уралкалий» и «Березниковский содовый завод») ¹. В городской думе г. Соликамска – «города соли», 9 депутатов из 25 представляют завод по производству калийных удобрений ². В городской думе г. Чусового, для которого металлургический завод является градообразующим, 10 депутатов из 20 – это «металлурги», и глава города и его администрация, реализуя собственный политический курс, демонстрируют лояльность заводу ³. В Верхней Пышме Свердловской области – базовом городе Уральской горно-металлургической компании, и глава города, и 11 из 18 депутатов городской думы являются выходцами с принадлежащего компании металлургического завода ⁴.

Показательно, что в городах, которые теряют свою промышленную специфику после закрытия градообразующих предприятий, «заводчане» выбывают из состава органов местного самоуправления. Так, в составе городской думы г. Верхний Уфалей, который был избран осенью 2015 г., когда градообразующий никелевый комбинат уже находился под угрозой закрытия, работает только один бывший сотрудник ОАО «Уфалейникель» ⁵. Городская дума г. Кизела, где

---

¹ Состав депутатского корпуса Березниковской городской думы. Официальный сайт г. Березники. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.berduma.ru/deputies/> (дата обращения: 12.05.2018)

² Состав депутатского корпуса Соликамской городской думы. Официальный сайт г. Соликамска. [Электронный ресурс]. URL: <http://gorduma.solkam.ru/deputaty/deputaty-pokrugam/> (дата обращения: 11.06.2016)

³ Состав депутатского корпуса Чусовской городской думы. Официальный сайт Чусовского городского поселения. [Электронный ресурс]. URL: <http://chusovskoj.permarea.ru/chusovskoe/Organy-vlasti/Gorodskaja-Duma/> (дата обращения: 11.06.2017)

⁴ Состав депутатского корпуса думы городского округа Верхняя Пышма. Официальный сайт думы городского округа Верхняя Пышма [Электронный ресурс]. URL: <http://movp.ru/msu/duma-go-verhnyaya-pyishma/> (дата обращения: 11.05.2018)

⁵ Состав депутатского корпуса Собрания депутатов Верхнеуфалейского городского округа. Официальный сайт городского округа Верхний Уфалей [Электронный ресурс]. URL: <http://ufaleyadmin.ru/htmlpages/Show/odeputatax> (дата обращения: 19.02.2017)

шахты закрылись два десятилетия назад, в настоящее время составлена представителями бюджетных учреждений и муниципальных предприятий¹.

При этом промышленные предприятия, ориентированные на участие в политике, зачастую участвуют в выборах каждый электоральный цикл, и электорат научился вычислять политические заказные материалы. Это подтверждает, что электоральные победы заводчан базируются не только на финансовых и организационных ресурсах предприятий, которые могут вести затратные и масштабные избирательные кампании, но отражают собственные предпочтения электората [6, 235]. Для части избирателей голосование за заводчан – это рациональный выбор: они обоснованно ассоциируют потенциал развития города с крупным заводом. Кроме того, горожане справедливо опасаются снижения вкладов предприятия в городскую среду в случае его ухода из общественно-политической жизни города. Логичен выбор работников завода и членов их семей, которые голосуют за представителей предприятия: они поддерживают собственного работодателя, своих коллег и представителей ближнего окружения (при этом они составляют значимую часть местного электората, в моногородах – более половины жителей города²).

В моногородах для части избирателей выбор в пользу заводчан связан со сформированной моногородской идентичностью: они воспринимают участие представителей градообразующего предприятия в городской политике как должное и даже желательное поведение, поскольку видят завод сплачивающим городское сообщество элементом. С целью привлечения этих избирателей на муниципальные выборы действующее руководство предприятий прибегает к помощи референтных фигур, репутация которых связана с авторитетом завода. Так, в ходе прошлых избирательных кампаний в органы местного самоуправления в моногороде Чусовой в избирательных округах, где проживают работники и ветераны предприятия, кандидаты от Чусовского металлургического завода получали заявления о поддержке от последнего директора завода советского периода Ирека Насыровича Губайдуллина. В моногороде Лысьва для кандидатов в депутаты от Лысьвенского металлургического завода была важна поддержка последнего директора завода советского периода Александра Ивановича Клементьева.

В Верхней Пышме в ходе избирательной кампании действующего главы (которая была важна для предприятия, имеющего негативный опыт работы с

---

¹ Состав депутатского корпуса Кизеловской городской думы. Официальный сайт города Кизел. [Электронный ресурс]. URL: <http://kizel.permarea.ru/kizelovskoe/Organy-vlasti/Gorodskaja-Duma/> (дата обращения: 19.02.2017)

² О несостоятельности (банкротстве): Фед. закон Рос. Федерации от 26 окт. 2002 г. №127-ФЗ; О внесении изменений в Федеральный закон „Об охране окружающей среды“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Фед. закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. №219-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 19.04.2018)

оппозиционным руководителем города) в прессе говорили о нем в «связке» с комбинатом «Уралэлектромедь» или его собственником – Уральской горно-металлургической компанией, с целью повысить его авторитет.

Первые лица предприятий могут сами координировать избрание «заводчан» в органы власти, лично выступать в качестве референтных фигур, которые агитируют за кандидатов от завода, и таким образом обеспечивать им дополнительную электоральную поддержку. Например, в Губахе в ходе ряда выборных кампаний высшие менеджеры предприятия «Метафракс» публично выступали в поддержку своих кандидатов на выборах городских депутатов, неофициально оказывали им необходимую организационную помощь, и в составе городской думы в течение нескольких созывов работали заводские депутаты. Выборную кампанию 2009 г. в Губахе из-за активной политической позиции руководства предприятия в местной прессе даже назвали «политической зачисткой»¹. В ходе данной кампании уполномоченный собственников предприятия Армен Гайосович Гарслян лично составлял список кандидатов «от завода». При этом официальный список кандидатов в муниципальные депутаты от партии «Единая Россия» совпадал с неофициальным списком «заводских» выдвиженцев. Это говорит о том, что высший менеджмент предприятий может брать на себя исполнение не только административных, но и политических функций [2, 208–212].

«Сцепка» город-завод используется в предвыборной агитации, которую ведет руководство градообразующих предприятий, прежде всего в ситуациях, когда горожане обеспокоены перспективами закрытия завода или снижения объемов производства, потери рабочих мест. Показательным примером является пример моногорода Чусового, где в настоящее время население обеспокоено экономическими сложностями на заводе, которые повлекут за собой социально-экономические проблемы для всего города. Чусовой включен в список моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением, составленный Правительством РФ. В 2013 г., когда состоялись выборы главы г. Чусового и выборы депутатов городской думы, менеджмент завода вел агитационную кампанию поддержанных им кандидатов, опираясь на тезис о реконструкции градообразующего предприятия и строительстве нового трубно-сталеплавильного комплекса, который обеспечил бы рабочие места горожанам. Слоганом этой выборной кампании стал «Новый завод – богатый город». По итогам этой кампании, главой города был избран лояльный заводу кандидат, и 14 из 20 депутатских мандатов получили про-заводские кандидаты².

---

¹ Армен Гарслян взялся за район. Губахинский «Метафракс» активно поучаствовал в муниципальных выборах. [Электронный ресурс]. URL: <http://fedpress.ru/article/578478> (дата обращения: 20.04.2018).

² Политическая ситуация по итогам выборов главы Чусовского городского поселения и депутатов Чусовской городской думы: аналитическая записка. Официальный сайт комиссии

Собственники предприятий могут рассматривать участие завода в политической жизни как накладывающее определенные моральные и общественные обязательства и поэтому отвечают на социальные запросы городского сообщества: ведут благотворительную деятельность, содержат социально значимые объекты городской инфраструктуры, финансируют муниципальные социальные проекты и т.д. («хотя очевидно, что социальная сфера не самокупаема, руководство считает ее содержание необходимым»¹). Практики помощи завода муниципалитету являются частью «картины мира» жителя промышленного города, и отказ завода от предоставления такой помощи может обернуться социальными санкциями – ухудшением репутации, отказом в электоральной поддержке. Особенно значима легитимация политической активности через политику социальной ответственности для предприятий, которые остаются единственными на территории, в силу особенностей моногородской идентичности.

Личные политические амбиции руководителей предприятий также не могут быть реализованы без внимания к ожиданиям населения. Например, в г. Губаха председатель совета директоров градообразующего предприятия «Метафракс» Армен Гайосович Гарслян и генеральный директор предприятия Владимир Александрович Даут в 2006 г. баллотировались в региональный парламент. Первый избирался по партийному списку «Единой России», второй – в одномандатном округе, включающем, кроме Губахи, промышленные города Кизел и Гремячинск. В предвыборный период завод не только стал активнее оказывать социальную помощь городскому сообществу в Губахе, но и взял на себя новые социальные обязательства в г. Кизеле и Гремячинске [6, 233]. Имидж градообразующего предприятия, если он поддерживается через вклады в городскую среду, помогает его представителям улучшить репутацию и сделать политическую карьеру.

Вовлеченность завода в управление территорией, соответствующая сложившимся в локальном сообществе представлениям о его роли и «долге» и обеспеченная по итогам муниципальных выборов, имеет и негативные эффекты. Они могут не в полной мере осознаваться как заводским руководством, так и городским сообществом. Прежде всего, политическая «повестка дня» в этом случае сводится к вопросам, актуальным для предприятия (бюджетная, налоговая, инфраструктурная и социальная политика), что сужает видение будущего города и ограничивает перспективы его стратегического развития. Например, заседания представительного органа МСУ в такой ситуации один из депутатов определил как «производственные совещания», указывая на ограниченность круга обсуждаемых там вопросов. Также, если во главе города долгое время находится одна команда – команда завода, это грозит застоєм в политике и бю-

---

«Честный контроль». [Электронный ресурс]. URL: <https://permelectionmonitor.wordpress.com/category/uncategorized> (дата обращения: 14.08.2017).

¹ Интервью. 16.05.2009 // Из лич. арх. О.А.Рябовой.

рократизацией управления. Наконец, прочная «сцепка» частный бизнес – муниципальная власть существенно повышает коррупционные риски. Отдельной проблемой является возможность того, что в условиях нарастания серьезных социально-экономических проблем руководство предприятия может отстраниться от управления и покинуть территорию, которая не имеет альтернатив действующей управленческой команде.

* * *

Таким образом, экономическая специфика городов рассмотренного типа – «заводских» городов в традиционно промышленных уральских регионах, оказывает существенное влияние на различные аспекты их развития: от формируемой локальной идентичности и символической атрибутики до складывающихся политических и управленческих практик.

Заводская идентичность выступает значимой основой для оформления чувств самости горожан. Заводские символы и индустриальные образы служат своеобразным нарративом, позволяющим наполнять локальную идентичность разделяемыми сообществом ценностями и выгодно позиционировать место во вне. Развитие локальной идентичности видится как один из путей, способных оптимизировать развитие территории, дать толчок росту положительного восприятия населением своего места. Очевидно, что одной символической политики будет недостаточно, и в случае моногородов речь должна идти о трансформации хозяйственной структуры города и создании в ней новых направлений. В Европе подобный сценарий реализовывался через внедрение в промышленные центры предприятий легкой промышленности и машиностроения, исследовательских организаций, учебных заведений и пр.

Одним из главных направлений решения проблем промышленных городов должен стать поиск внутренних импульсов развития. В частности, перспективным вектором является развитие производственного туризма, которое в России пока не получило сильного распространения. Однако опыт Европы показывает, что он может служить инструментом для повышения интереса к территории, привлечь инвесторов и усилить работу местных сообществ по продвижению их интересов. Промышленные города могут сконцентрироваться на базовой исключительности и продвигать их как свою «фишку». Поиск бренда города может стать основой формирования стратегического планирования развития. Вариантом может стать пример г. Нытвы, известного своим музеем ложки, Лысьвы Пермского края – города производства лысьвенских касок, эмалированной посуды, бытовых плит и др. Поиск подобной ниши для продвижения заводской идентичности должен осуществляться совместными усилиями власти, предприятий и самого населения.

Для стабильного развития промышленных городов важно формирование муниципальных управленческих команд, разделяющих ответственность за тер-

риторию с заводским руководством. При этом активное вовлечение общественности в городское управление, прежде всего через участие в муниципальных выборах с повесткой, не завязанной на завод, не является угрозой локальной идентичности городов, поскольку она не сводится к заводской идентичности. В промышленных городах предприятия продолжают играть особую роль в формировании и реализации городской политики, но их коалиции с представителями общественности или муниципальной оппозицией способны внести существенный вклад в повышение качества городского управления и уровня конкурентности локальной политики. Вместе с тем, отказ от пересмотра сложившихся, укорененных в локальном сообществе представлений о роли заводского руководства в публичном управлении и роли отраслевого производства в городском развитии может стать серьезным препятствием для дальнейшего комплексного развития промышленных городов Урала.

Библиографический список

1. *Альбрехт О.А.* Особенности семей монопрофильного города // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. №1 С. 152–161. [*Al'brekht O.A.* Osobennosti semey monoprol'noy goroda [The peculiarities of the families of the single-industry town // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2013. No. 1. P. 152–161].
2. *Витковская Т.Б., Рябова О.А.* Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2011. 259 с. [*Vitkovskaya T.B., Ryabova O.A.* Monogoroda Srednego Urala: lokal'nye elity i politicheskie protsessy [Single-industry towns of the Middle Urals: local elites and political processes]. Ekaterinburg: Publishing Department of UB RAS, 2011. 259 p.].
3. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с. [*Krylov M. P.* Regional'naya identichnost' v Evropeyskoy Rossii [Regional identity in the European Russia]. Moscow: Novyj khronograf Publ., 2010. 240 p.].
4. *Назукина М.В.* Локальная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Изд-во Весь Мир. М., 2017. С. 512–516. [*Nazukina M.V.* Lokal'naya identichnost' [Local identity // Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: "Ves' Mir" Publ., 2017. P. 512–516].
5. *Назукина М.В., Подвинцев О.Б.* Особенности позиционирования регионов Урала на современном этапе // Политическая регионалистика и исследования в регионах России / Политическая наука: Ежегодник 2010. М.: РОС-СПЭН, 2011. С. 216–237. [*Nazukina M.V., Podvintsev O.B.* Osobennosti pozitsionirovaniya regionov Urala na sovremennom etape [Features of the Ural re-

- gions positioning at the present stage // Political regionalism and studies in the regions of Russia / Political science: Yearbook 2010. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. P. 216–237].
6. *Рябова О.А.* Градообразующие предприятия и политические процессы в малых промышленных городах Урала. // Политическая наука. М.: ИНИОН РАН. 2008. №3. С. 224–235. [*Ryabova O.A.* Gradoobrazuyushchie predpriyatiya i politicheskie protsessy v malykh promyshlennykh gorodakh Urala [Town-forming enterprises and political processes in small industrial towns of the Urals // Political Science. Moscow: INION RAN Publ. 2008. No. 3. P. 224–235].
  7. *Сатыбалдина Е.В.* Особенности семьи уральского моногорода: социологический анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Екатеринбург. 2011. 16 с. [*Satybaldina E.V.* Osobennosti sem'i ural'skogo monogoroda: sotsiologicheskiy analiz [Peculiarities of the family of the Ural single-industry town: a sociological analysis]. Synopsis of Cand. soc. sci. diss. Ekaterinburg, 2011. 16 p.].
  8. *Татаркин А.И.* Модернизационная миссия Урала в повышении интеграционной активности российской экономики // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2013. №1 (33). [Электронный ресурс]. URL: <https://eee-region.ru/article/3305/> (дата обращения: 01.06.2018). [*Tatarkin A. I.* Modernizatsionnaya missiya Urala v povyshenii integratsionnoy aktivnosti rossiyskoy ekonomiki [Modernization mission of the Urals in increasing the integration activity of the Russian economy // Regional Economics and Management: electronic scientific journal. 2013. No. 1 (33)]. Available at: <https://eee-region.ru/article/3305/> (accessed 01.06.2018)].
  9. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. London, England: Verso, 1985. 198 p.
  10. *Pol E.* The Theoretical Background of the City Identity-Sustainability Network // Environment and Behavior. 2002. Vol. 34. No. 1. P. 8–25.
  11. *Twigger-Ross C. L., Uzzell D.* Place and Identity Processes // Journal of Environmental Psychology. 1996. Vol. 16. Issue 3. P. 205–220.

**INDUSTRIAL CITIES OF THE URALS: SPECIFICITY OF LOCAL
IDENTITY AND POLITICAL PRACTICES**

T. B. Vitkovskaya

Candidate of Political Sciences, Research Fellow, Perm Federal Research Center,
Ural Branch of RAS

M. V. Nazukina

Candidate of Political Sciences, Research Fellow, Perm Federal Research Center,
Ural Branch of RAS; Associate Professor, Department of Political Science, Perm
State University

The article focuses on the study of industrial cities where large factories of machine-building, metallurgical, mining and chemical industries are situated. In Russia, a large number of factories of heavy industry are located in the Urals, especially in the traditionally industrial territories of the Sverdlovsk, Chelyabinsk and Perm regions. The paper presents the results of research conducted on the materials of industrial cities of these regions. The conclusions presented are based on the analysis of interviews with representatives of the local authorities, enterprises management, municipal deputies, and local citizens, on materials of the corporate and local media, and on electoral and municipal statistics. All the materials were gathered during the last five years. The enterprise acts as an economic base and, therefore, a guarantor of the quality of life in cities of such economic origin. It is shown how the industrial specificity of such cities influences the formation of their local identity. Production is a key attribute of the local identity of industrial cities, and it determines the formation of the local factory identity. In local identities of many Ural cities, it is important to emphasize the industrial essence. It is noted how the formed local factory identity is taken into account in the development of strategies for political participation of enterprises and how it is used in municipal election campaigns. The tactics of nominating enterprises' employees as their candidates in local elections is considered, and a significant proportion of enterprises' employees in municipal representative institutions is marked. The authors demonstrate that the urban community's orientation to take part in city governance along with representatives of enterprises can not only increase the quality of the governance but also provide some guarantees for the stability of the municipal development. The ideas developed in the local community about the public role of the factory motivate enterprises to respond to the social needs of the local community. Evidently, in modern intricate socio-economic conditions, enterprises intentionally reduce the contribution to the urban environment, which inevitably leads to a deterioration in the quality of life of the citizens. The local identity of industrial cities can be derived beyond the limits of industrial identity and, thus, become a resource for the development of the city. It is shown why local identity is an underestimated resource of urban development and how it can be used by the urban community. If

there is only one key enterprise in the city, and thereby it is a single-industry and single-factory city, it creates a mono-industry identity, in the shaping of which the city-forming enterprise plays a dominant role as a unifying element. Therefore, the city-forming enterprise occupies an important place in the value content of the residents' identity. In cities losing their industrial specialization after the closure of the city-forming factories or the crisis of local economy, traditional factory symbols no longer reflect the identity of the place, local discourse is gradually changing, and enterprises are being removed from the municipal government.

Keywords: local identity; local policy; Ural single-industry city; industry; development of the city.

Рецензии и обзоры

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-166-174

**ЯЗЫК ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Э. ЛЮ «СТАНДАРТИЗИРУЯ РАЗНООБРАЗИЕ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ЯЗЫКОВЫХ РЕЖИМОВ».
УНИВЕРСИТЕТ ПЕНСИЛЬВАНИИ. 2015**

Г. А. Данилова¹

Статья посвящена обзору книги Эми Лю «Стандартизируя разнообразие: политическая экономия языковых режимов». Рассмотрены понятия «языковая политика» и «языковой режим», показаны разные типы институциональных соглашений, которые ложатся в основу классификации разных языковых режимов, разработанной Лю: властно-концентрирующих, властно-долевых, властно-нейтрализующих, нейтрализующе-долевых. В типологии языковых режимов исследовательница опирается на два вида критериев: количество признанных языков (один или много) и природа признанных языков (родной или лингва франка). Этнолингвистическая гетерогенность, по мнению Лю, оказывается одним из ключевых факторов выбора того или иного вида институционального соглашения. Низкий уровень гетерогенности создает властно-концентрирующие режимы, высокий – властно-нейтрализующие. По сути, как отмечает Лю, языковые режимы являются политическими институтами, определяющими, какая языковая группа будет единолично обладать и распоряжаться ресурсами в данной политической системе.

Этнолингвистическая гетерогенность является препятствием на пути к успешному экономическому и политическому развитию государства, как полагает Лю, поэтому необходимо стремиться к уменьшению уровня языкового разнообразия институциональными методами. Каждый из выделенных исследовательницей типов языковых режимов обладает рядом преимуществ и недостатков, в той или иной степени поощряя культурный эгоизм, коммуникативную эффективность и коллективное равенство. Однако с точки зрения справедливости, наиболее успешным, по мнению исследовательницы, следует считать властно-нейтрализующий режим, в котором основным языком признается единст-

---

¹ Данилова Галина Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: galyda@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-1069-5411. ResearcherID: N-3087-2018).

венный язык (лингва франка). Равенство языковых групп в таком режиме умножает социальный капитал, способствует привлечению иностранного капитала и в целом благоприятно сказывается на показателях экономического роста в государстве.

Ключевые слова: языковая политика; языковой режим; этнолингвистическая гетерогенность; политическая экономия; политические и экономические аспекты; социальный капитал; Юго-Восточная Азия.

Языковой режим и языковая политика – понятия довольно распространенные в политическом дискурсе, хотя в российском политологическом поле эти термины сравнительно новы, особенно если речь заходит о языковых режимах. В российском экспертном сообществе чаще принято говорить о языковой политике по отношению к разным группам населения. Например, под языковой политикой понимают совокупность мер, предпринимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям¹. Или, более лаконично, языковая политика представляется как совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве [1]. Некоторые исследователи предпочитают разделять языковую политику и политику языка: в первом случае это проведение определенного курса, опирающегося на процедуры принятия решений, во втором – скорее, некоторая область деятельности или отношений между разнородными акторами [4, 18].

Понятие «языковой режим», или «языковой территориальный режим» предлагается использовать для описания политических результатов и эффектов языковой преференциальной политики [4, 31]. Н.В. Борисова, один из первых российских исследователей, сосредоточившихся на проблематике языковых территориальных режимов, рассматривает языковой режим как понятие, характеризующее разные системы институциональных соглашений относительно использования языка в сообществе и определяемых ими образцов языкового поведения и взаимоотношений в сообществе [5, 9].

Язык, являясь одним из маркеров этнической идентичности, в мультиэтническом государстве может выступать мощным политическим инструментом, влияющим на варианты и модели взаимоотношений разных этнических групп,

---

¹ Языковая политика // Словарь социолонгвистических терминов. URL: https://sociolinguistics.academic.ru/904/Языковая_политика.

как объединяя, так и разделяя их. Именно исходя из этого тезиса, Эми Лю в книге «Стандартизируя разнообразие: политическая экономия языковых режимов» фокусируется на разных типах институциональных соглашений, обуславливающих характер политических режимов в современных государствах. Исследовательница рассматривает регион Юго-Восточной Азии (случаи Малайзии, Сингапура и Индонезии), анализируя разные варианты реализации языковой политики через языковые режимы в условиях гетерогенности. Безусловно, поднятая Лю проблематика языкового режима актуальна для многих государств современного мира. Исключение не составляет и Россия, история языковой политики которой уходит корнями еще в XIX в. Даже беглый взгляд на историю советской России позволяет проследить параллель с рассматриваемыми Лю случаями Индонезии и Сингапура, где основным языком общения между многочисленными этническими группами стал лингва франка – язык, используемый большинством, но являющийся родным языком для сравнительно небольшой группы населения (в России – русский, в Индонезии – малайский/индонезийский, в Сингапуре – английский). Лю, однако, оговаривается, что случай России во многом уникален, поскольку мало какие колониальные языки одновременно в одной и той же стране являлись языком меньшинства (в нерусских советских республиках) и средством всеобщей межэтнической коммуникации. И на сегодняшний день русский все еще используется как язык практического общения в некоторых частях бывшего Советского Союза.

Рассуждая об этнолингвистической гетерогенности государств как о препятствии на пути к успешному развитию и процветанию, Э. Лю приводит разные аргументы на этот счет: от библейских сказаний и индуистских легенд до взглядов современных экономистов и политологов, утверждающих, что этническое разнообразие ухудшает экономические показатели, ведет к демократической нестабильности и гражданским войнам, снижает уровень социального капитала. Каждое государство решает вопрос с гетерогенностью по-своему, выбирая тот или иной тип языкового режима, наиболее подходящий существующим условиям. Какова природа языкового режима? - задается вопросом исследователь. Выбор режимов обусловлен не внешними обстоятельствами, скорее – внутренними. Это институциональный выбор, который, в свою очередь, является результатом стратегических взаимодействий и стратегическим ответом на политически релевантную языковую гетерогенность страны. Низкий уровень гетерогенности создает властно-концентрирующие режимы, высокий – властно-нейтрализующие.

В фундаментальном смысле языковые режимы, определяющие правила и нормы использования языка, являются институтами. Но это не просто институты, как предупреждает Лю, это политические институты, так как они определяют, какая именно языковая группа будет владеть ресурсами и авторитарно их

распределять в данной политической системе. В типологии языковых режимов исследовательница опирается на два вида критериев: 1) количество признанных языков (один или много); 2) природа признанных языков (родной или лингва франка). В связи с этими критериями Лю выстраивает горизонтальное и вертикальное измерения языка, на крайних полюсах которых располагаются соответственно монолингвизм и мультилингвизм, родной язык и лингва франка. Теоретически, как подчеркивает исследовательница, монолингвизм более эффективен, поскольку менее затратен, как с точки зрения финансовых издержек, так и ошибок перевода, приводящих к конфузам в мировой политике. Но с другой стороны, мультилингвизм кажется более демократичным решением, так как дает ощущение равенства и справедливости. Что касается полюсов с родным языком и лингва франка, то, по мнению Лю, лингва франка, являясь языком третьей стороны, может служить успешным средством межэтнической коммуникации, почти не обремененным оценочной коннотацией. Хотя в случае с лингва франка, происхождение и принятие этого языка в отдельно взятом государстве почти всегда связано со спорными страницами прошлого – колониальным захватом, религией или торговлей.

Исходя из того, к какому полюсу в горизонтальном и вертикальном измерении тяготеет языковой режим конкретного государства, Лю делит режимы на четыре типа: властно-концентрирующий, властно-долевой, властно-нейтрализующий и нейтрализующе-долевой. Во властно-концентрирующем режиме языковая власть принадлежит родному языку одной коренной группы. Чаще всего политическое доминирование этой группы обусловлено ее наиболее значительным, по сравнению с другими, численным составом. Примером такого режима служит Бангладеш, где на бенгальском языке говорит 80 % населения. Лю сравнивает подобные режимы с мажоритарной избирательной системой, где второе место оказывается местом проигравшего, а победитель получает все. Как отмечает исследовательница, такой режим совсем не отражает реальной демографической ситуации в стране, это результат институционального выбора, и он порождает ощущение неравенства.

Властно-долевые режимы признают несколько родных языков, правда степень признания разнится от страны к стране. Несколько признанных языков могут иметь равный статус (как в Канаде), либо встраиваться в соподчиненную систему, где на официальном уровне признан один язык, но на уровне образования равно соседствуют целых три (случай Малайзии). Властно-нейтрализующие режимы используют лингва франка в качестве признанного языка – только он используется как для официальных, так и для образовательных целей. Так происходит в Индонезии с малайским языком, получившим название индонезийского, или в Папуа-Новой Гвинее, самой этнически разнообразной стране в мире, где уживаются более 80 языков, но лингва франка здесь –

язык колониальной истории - английский. Однако о справедливости в отношении всех языковых групп в подобных режимах говорить вряд ли придется. Скорее ключевым здесь является вопрос: почему релевантные языковые группы соглашаются на использование лингва франка вместо своих родных языков.

Последний, нейтрализующе-долевой режим, представляет собой гибрид – он соединяет признание лингва франка и родных языков. Не имеет значения, сколько родных языков признается, важен сам факт. Так, на Филиппинах лингва франка является английский, доставшийся от колониального прошлого, а родным – филиппинский (язык политически доминирующей группы тагальцев, составляющей 25% населения). А в Индии, помимо английского как лингва франка, признано 22 родных языка. Примечательно, что и властно-нейтрализующий, и нейтрализующе-долевой режимы не препятствуют признанию нескольких языков в качестве лингва франка. Например, в Восточном Тиморе целых три языка используются как лингва франка – португальский, индонезийский и английский.

Э. Лю отмечает, что использование лингва франка в современном мире, одного или в сочетании с другими языками, – довольно частое явление. Из 104 стран, получивших независимость между 1945 и 2005 гг., почти половина (48) признала лингва франка в той или иной мере. Больше всего Лю интересуют два вопроса: что заставляет языковые группы поступаться своими языками в пользу лингва франка и каковы последствия этих уступок. Для ответа на эти вопросы исследовательница пользуется качественными и количественными методами, среди которых статистический анализ азиатских стран за период с 1945 по 2005 гг. и подробное отслеживание процесса в Малайзии и Сингапуре. Фокус внимания сконцентрирован на сфере государственного образования.

Основываясь на изучении случаев, Лю заключает, что основными факторами институционального выбора языкового режима являются отнюдь не сложные этнические отношения, колониальное наследие или необходимость нациостроительства в условиях обретенной независимости. То, что действительно имеет значение – это уровень этнолингвистической гетерогенности, которая вынуждает правительство решать и находить приемлемый баланс между тремя К: культурный эгоизм, коммуникативная эффективность и коллективное равенство языковых групп. При высоком уровне гетерогенности институциональный выбор падает на режимы, признающие лингва-франка, при низком – языковая власть концентрируется в руках доминирующей политической группы с ее родным языком.

Лю доказывает, что наиболее справедливым из четырех типов языковых режимов оказывается властно-нейтрализующий режим, в котором основным языком признается только лингва франка. Равенство языковых групп преумножает социальный капитал: доверие, веру в альтруизм других, что, в свою оче-

редь, благотворно сказывается на экономическом росте и привлечении иностранного капитала в качестве инвестиций в экономику. Тем не менее, исследовательница признает, что из трех режимов, делающих уступки языковым группам, каждый имеет свои уникальные преимущества и недостатки. Властно-долевой режим дарует коллективное равенство, но ценой высокой степени культурного эгоизма и коммуникативной неэффективности. Цена эта возрастает по мере увеличения числа языковых групп. Во властно-нейтрализующих режимах, напротив, языковые группы вынуждены значительно умерить свой культурный эгоизм в пользу большей коммуникативной эффективности: взамен они получают межэтническую коммуникацию и эгалитаризм. Нейтрализующе-долевые режимы отличаются тем, что дают возможность практиковать все три К (культурный эгоизм, коммуникативную эффективность и коллективное равенство), но эти преимущества не носят явного характера вследствие гибридности режима. Скорее признание дополнительных родных языков вкупе с лингва франка порождают неэффективность и неравенство.

Рассуждая в основном в терминах равенства и эффективности, Э. Лю в своей работе лишь вскользь отмечает основной политический эффект выбора того или иного режима – преодоление и разрешение этнополитических конфликтов. Между тем именно на это направлена прежде всего любая языковая политика, особенно в странах с высоким уровнем этнической и конфессиональной гетерогенности, таких, как Индия или Индонезия, например. В двух последних типы институциональных соглашений разнятся: Индонезия выбрала властно-нейтрализующий режим, Индия – нейтрализующе-долевой. И в том, и в другом случае, основной задачей властных институтов было предотвратить фрагментацию и избежать этно-религиозных противостояний. Официальная политика Индии направлена на защиту языковых меньшинств, хотя более пристальный взгляд обнаруживает, что от штата к штату содержание языковой политики меняется с позитивного на негативное, зачастую не решая проблемы территориальной целостности, а напротив сегментируя региональное пространство [3, 106]. В отличие от Индии, индонезийское правительство старается не акцентировать внимание на этноконфессиональных факторах и официально не признает себя мультиэтническим государством, с первых дней независимости здесь проводится политика равноправия всех этнических групп. Индонезия позиционируется как единая и неделимая страна с индонезийской нацией [6, 80]. Конфессиональные различия здесь в основном соотносятся с этническими, но именно первые являются в большей мере причиной разногласий в индонезийском обществе. Выбор малайского языка в качестве лингва франка стал удачным решением индонезийских властей, обусловившим политическую стабильность и экономический рост этого государства после обретения независимости.

Сформулированная Лю типология языковых режимов, ее теоретическая аргументация факторов вариативности языковой политики и ее эффектов оказываются интересными в контексте осмысления российского опыта языковой политики. После распада Советского Союза, в котором языковая политика носила систематизированный, четкий и целенаправленный характер, в постсоветской России, по мнению исследователей, единой продуманной политики за эти годы так и не появилось: «Сколько-нибудь ясные цели не ставятся, а выработка политики целиком передана от центра к регионам, где ведется по-разному: где-то проявляется местный национализм, где-то излишняя русификация» [2, 20]. В целом же, попытка придерживаться унаследованной от советского режима модели политики, где русский язык в качестве лингва франка используется наряду с родными языками остальных этнических групп (нейтрализующе-долевой режим в классификации Лю) наталкивается в современной России на сложности, связанные с большим многообразием родных языков в отдельных регионах. Последнее приводит к разнообразным вариациям в реализации языковой политики в зависимости от региональных особенностей, включающим регионы, где используется только русский язык, и регионы, где помимо русского функционируют несколько родных языков.

Библиографический список:

1. *Алпатов В.М.* Что такое языковая политика? ГРАМОТА.РУ – справочно-информационный интернет-портал «Русский язык». [Alpatov V.M. Chto takoe yazykovaya politika? GRAMOTA.RU – spravochno-informatsionnyj internet-portal "Russkiy yazyk" [What Is Language Policy? GRAMOTA.RU-Reference and Information Internet Portal "Russian Language"]. 19.12.2003]. Available at: http://gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_493 (accessed 03.06.2018).
2. *Алпатов В.М.* Языковая политика в России и в мире //Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сент. 2014 г.): доклады и сообщения / отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М., 2014. 637 с. [Alpatov V.M. Yazykovaya politika v Rossii i v mire // Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 16–19 sentyabrya 2014): Doklady i soobshcheniya. [Language Policy in the Russian Federation and in the World //Language Policy and Language Conflicts in Contemporary World: International Conference (Mos-

- cow, September 16–19, 2014): Reports and communications. Ed. by A. N. Bitkeeva, V. Yu. Mikhal'chenko. The Institute of Linguistics of the RAS, Research Center on Ethnic and Language Relations]. Moscow, 2014. 637 p.].
3. *Борисова Н.В., Бородина Л.С.* «Борьба за язык» и языковая преференциальная политика как факторы этнополитической конфликтности в современной Индии // *ARS ADMINISTRANDI*. 2016. № 4. С. 95–113. [Borisova N.V., Borodina L.S. «Bor'ba za yazyk» i yazykovaya preferentsial'naya politika kak faktory etnopoliticheskoy konfliktnosti v sovremennoy Indii [“Struggle for Language” and Language Preferential Policy as Factors of Ethnic Conflicts in Modern India] // *ARS ADMINISTRANDI*. 2016. No. 4. P. 95–113].
  4. *Борисова Н.В.* Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. М., 2017. 189 с. [Borisova N.V. *Kogda yazyki v ogne: osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnosheniyakh* [When Languages are on Fire: Disputing Language Regimes as a Challenge to the Balance in Interethnic Relations]. Moscow, 2017. 189 p.].
  5. *Борисова Н.В.* Языковой территориальный режим: концептуализация понятия // *ARS ADMINISTRANDI*. 2016. № 3. С. 5–15. [Borisova N.V. *Yazykovoy territorial'nyj rezhim: kontseptualizatsiya ponyatiya* [The Concept of Linguistic Territorial Regime] // *ARS ADMINISTRANDI*. 2016. No. 3. P. 5–15].
  6. *Золотухин И.Н.* Индонезия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность // *Ойкумена*. 2010. № 3. С. 79–91. [Zolotukhin I.N. *Indoneziya v zerkale etnokonfessional'noy situatsii: istoriya i sovremennost'* [Indonesia in the Aspect of the Ethnoconfessional Situation: History and Modern Time] // *Ojkumena*. 2010. No. 3. P. 79–91.]. Available at: https://ojkum.ru/arc/lib/2010_03_08.pdf (accessed 10.06.2018).
  7. Языковая политика // *Словарь социолингвистических терминов*. [Yazykovaya politika // *Slovar' sotsio-lingvisticheskikh terminov* [Language policy // *Glossary of sociolinguistic terms*]. Available at: https://sociolinguistics.academic.ru/904/Языковая_политика (accessed 02.06.2018).
  8. *Liu, Amy H.* Standardizing diversity: the political economy of language regimes. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, Pennsylvania. 2015. 265 p.

LANGUAGE DOES MATTER.
BOOK REVIEW: LIU, AMY H. *STANDARDIZING DIVERSITY:*
THE POLITICAL ECONOMY OF LANGUAGE REGIMES
(University of Pennsylvania Press, Philadelphia, Pennsylvania. 2015. 265 p.)

G. A. Danilova

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science,
Perm State University

The article provides a review of Amy Liu's book *Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes*. The paper discusses the concepts "language policy" and "language regime" and shows the different types of institutional agreements that form the basis for the classification of different language regimes developed by Liu: power-concentrating, power-sharing, power-neutralizing, and neutralized-sharing. In the typology of language regimes, the researcher relies on two types of criteria: the number of recognized languages (one or many) and the nature of recognized languages (mother tongues or lingua franca). Ethnolinguistic heterogeneity, according to Liu, is one of the key factors in choosing a particular type of institutional agreement. A low level of heterogeneity enables power-concentrating regimes, whereas a high level creates power-neutralizing ones. In fact, Liu notes, language regimes are political institutions that determine which language group will possess and distribute resources in a given political system.

Liu believes that ethnolinguistic heterogeneity is an obstacle to the successful economic and political development of the state; therefore, it is necessary to strive for reducing the level of linguistic diversity by institutional means. Each type of language regimes identified by the researcher has a number of advantages and disadvantages, encouraging cultural egoism, communicative efficiency and collective equality to various extents. However, the researcher argues that in terms of fairness the power-neutralizing regime with lingua franca as the only recognized language is the most successful one. The equality of language groups increases social capital, attracts foreign capital and generally has a positive impact on the economic growth in the state.

Keywords: language policy; language regime; ethnolinguistic heterogeneity; political economy; political and economic aspects; social capital; Southeast Asia.

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-175-182

ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ РАКУРСАХ

А. Ю. Шадже, Е. С. Куква¹

В рецензии анализируется энциклопедическое издание «Идентичность: Личность, общество, политика», подготовленное большим авторским коллективом и посвященное исследованию концепта идентичности и его использованию в современном научном и политическом дискурсах.

В рецензии отмечается актуальность, своевременность и значимость исследования сложносоставной и многоуровневой идентичности в условиях современности, когда новые глобальные вызовы способствуют формированию виртуальной реальности, подменяя естественное идентификационное пространство искусственным, в результате чего формируются новые идентификационные маркеры, трансформирующие основы менталитета и исторической памяти.

Цель и задачи авторов рецензии направлены на осмысление научной работы по исследованию сложного феномена идентичности. Структура рецензии логически и содержательно отвечает поставленным целям и задачам. Критический анализ работы основан на семи разделах энциклопедии и показывает, что они сочетают в себе теоретическое осмысление и методологические положения рассматриваемого понятия, на основании которых выявляются особенности каждого из них.

Достоинством рецензируемого научного труда является междисциплинарность и полипарадигмальность в рассмотрении тенденций, происходящих в современных обществах социально-политических изменений и их влияния на динамику идентичности. Рассматривая научные подходы к исследованию идентичности, авторы рецензируемой работы акцентируют внимание на используемых методологических подходах в книге. В качестве пожелания в дальнейшем исследовании идентичности предлагается обращение к методам современной, постнеклассической науки и отмечается эффективность их применения. Например, синергетический подход с учетом особенностей сложных социально-политических систем применим к анализу общества и носителей идентичности;

---

¹ Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор Адыгейского государственного университета. E-mail: shadzhe@maykop.ru (ORCID: 0000-0002-8557-2424. ResearcherID: N-5446-2018).

Куква Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент Адыгейского государственного университета. E-mail: kukva@rambler.ru (ORCID: 0000-0001-9944-029X. ResearcherID: N-5425-2018).

© Шадже А.Ю., Куква Е.С., 2018

к установлению некоторых принципов нелинейного управления в процессе конструирования разных видов идентичности и т.д.

В работе делается вывод о новых горизонтах в изучении идентичности как ресурса общественного развития, намеченных в коллективной монографии. Авторы приходят к выводу, что книга выстраивает систему координат для российского исследователя идентичности: для начинающих - это интеллектуальный источник, своего рода путеводитель, а для верных адептов "идентичностной проблематики" оно очерчивает референтное поле для размышлений и сопоставлений.

Ключевые слова: идентичность; энциклопедическое издание; политический дискурс; междисциплинарность.

Рецензируемая монография *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН, которая вышла в 2017 г. в московском издательстве «Весь мир», по праву является событием в современной науке и политике. В этом объемном издании осмысливается на современной научной основе масштабная проблема идентичности и исследуются новые подходы к ее концептуализации. Необходимость научного анализа этих вопросов на фоне «идентификационного бума» является давно назревшей задачей. Энциклопедическое издание является эффективным результатом многолетнего труда, полезным в научной теории и политической практике. Выявлению глубины и пониманию концепта идентичности способствовала интеграция ведущих ученых – специалистов по исследованию идентичности и социально-политических изменений из академической и университетской науки, представляющих ведущие исследовательские центры России.

Представляется, что своевременность и значимость такого фундаментального труда можно объяснить рядом причин. Остановимся вкратце на некоторых.

Во-первых, важно отметить, что в условиях сложной современности и формирующегося нового мирового порядка происходят существенные изменения в жизни народов. Изменяющаяся реальность проявляет себя противоречиво и оказывает деструктивное влияние на целостность мира, страны, общества и человека. В фокусе глобальных вызовов и рисков оказалась многоуровневая и сложносоставная идентичность, индивидуальная и групповые идентичности. Динамичность, неопределенность и неустойчивость мирового порядка оказывают активное воздействие на формирование новых идентификационных маркеров, множества идентичностей с новыми ценностно-смысловыми установками. Естественное идентификационное пространство подменяется искусственным, где нет места ни социокультурной ментальности, ни исторической памяти, а тем более духовности / культуре человека. Лидирующее место в формировании пространства коммуникаций и идентичности занимает сетевая культура.

Во-вторых, развал Советского Союза, межэтнические конфликты, приток инациональных иммигрантов в российские регионы активизировали разнонаправленные идентификационные процессы. В современной России заметно изменилась идентификационная картина. «Идентичность граждан страны, так же, как этническая идентичность, понимается и в значении «какие мы», и в значении «кто мы» [2, 7]. В последние годы все системообразующие основания сложной системы, определяемой понятием «идентичность», пришли в движение. Возрождается идентификация по этническому и/или религиозному признакам. Это довольно сложный и противоречивый процесс, который связан не только с социально-экономическим кризисом, но и с кризисом ценностных оснований бытия.

В-третьих, общие процессы идентификации характерны как для российских регионов, так и для социальных общностей, особенно для этнических групп, испытавших насильственное изгнание со своих исторических земель. В условиях социокультурных рисков и глобализационных вызовов именно это становится мировоззренческой доминантой в исторической памяти народа. Дилеммы ценностного выбора оказывают самое непосредственное влияние на ориентиры идентичности современного человека.

Все это актуализирует теоретические и практические вопросы идентичности, и сама проблема идентичности становится одной из ведущих в современной гуманитарной науке и политике.

Ответы на эти вопросы связаны с «когнитивным потенциалом» идентичности, осмыслением и пониманием идентичности как ресурса развития, выявлением ее значимых характеристик и ориентиров. В этом аспекте актуальным и своевременным оказалось фундаментальное энциклопедическое издание по идентичности, над которым авторский коллектив работал несколько лет.

Авторы поставили перед собой сложные исследовательские задачи: проанализировать концепт идентичности, его генезис и дискурсивные практики использования понятия в социальных и гуманитарных науках; осмыслить потенциал идентичности как ресурса общественного развития.

Решению этих задач подчинена структура издания. Оно открывается методологическим разделом, в котором определена методологическая основа, на которой выстроилась концепция реализуемого проекта, и познавательный потенциал, приоритеты исследований идентичности в социальных науках. Проанализировать и определить содержательную наполняемость и объем идентичности сложно. Это важно, потому что дает возможность понять динамику и направленность развития идентификационных процессов. *«Решить задачу концептуального синтеза всего комплекса оснований социальной деятельности – ценностных, определяемых духовными ориентирами и нравственными установками человека, эмоциональных, заданных его психическим складом, и рационально мотивированных интересами и потребностями соединить индивидуальный и коллективный срезы социального опыта, зафиксировать состояние и одновре-*

менно отразить динамику представлений человека о своем месте в мире и о своем «я» выпало на долю концепта идентичности» (И.С. Семененко) [3, 21].

Особое внимание хотелось бы обратить на саму концепцию первого раздела: попытка максимально точно очертить исследовательское поле *идентитарных* исследований (данным изданием этот более привычный для одной из теорий демократии термин закрепляется в российском научном дискурсе). Исследователи определяют когнитивный потенциал идентичности в новых стремительно меняющихся условиях (И.С. Семененко, О.В. Попова), отграничивают/связывают со смежными понятиями (К.Г. Холодковский), определяют дисциплинарные традиции исследования идентичности (Е.И. Филиппова), определяют корпус количественных и качественных методов и методик (И.В. Самаркина).

Социальному, политическому и этнокультурному измерению идентичности посвящен второй раздел. Многообразие новых трендов в этих сферах, несомненно, влияет на динамику идентичности (консьюмеризация, глокализация, информатизация, сетевизация и пр.). И множество противоречивых влияний определяют сегодняшнюю среду формирования "идентичности развития", мотивирующей ответственный выбор личности (И.С. Семененко, Е.В. Морозова) [3, 86].

В третьем разделе авторы описывают сложное устройство современного мира и его влияние на динамику и трансформацию идентичности, общемировой контекст, интеллектуальный "карнавал" различных региональных идентичностей (европейской, ибероамериканской, североамериканской, китайской, российской, индийской, исламской, космополитической).

Важность и достоинство рецензируемой книги во многом определяет операционализация базовых категорий. Известно, что любая теоретическая работа воспроизводит изучаемый объект при помощи определенного теоретического инструментария – системы понятий и абстракций. В этом плане успех исследования обеспечивает операциональная эффективность 80 понятий, собранных в десять тематических блоков, с которыми работают авторы. Дело не в количественном измерении, а в определении главного принципа, на котором выстраивается понятийный ряд. Это обоснованное сочетание понятий, концепций положений науки и методологии исследования, выработанных учеными разных научных школ, направлений, и формулировка четкого определения. Такой последовательно проводимый в статьях словарного раздела подход делает словарь незаменимым для всех, интересующихся проблемами идентичности, и, по утверждению самих авторов, является ключевым для этого издания.

Напомним, что большая подготовительная работа была осуществлена еще в 2012 г. выпуском двух томного издания «Политическая идентичность и политика идентичности» [5]. Первый том «Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий» состоит из словарных статей, рассматривающих термины и понятия, концептуализирующие идентичность как категорию политической науки. Во втором томе "Идентичность и социально-

политические изменения в XXI в." (отв. ред. И.С. Семененко) анализируются социально-политические изменения в современном мире, связанные с динамикой идентичности.

Возвращаясь к рецензируемой энциклопедии, отметим, что несомненной находкой инициаторов энциклопедического издания явилось включение библиографического раздела, посвященного целому ряду (более сорока) исследователей идентичности: от Джона Локка и Л. Выготского до Р. Брубейкера и М. Крылова.

Профессиональная идентичность на примере политологического сообщества рассмотрена в рамках шестого раздела с привлечением результатов прикладного исследования.

Хочется отметить интеллектуальную щедрость руководителя проекта и ответственного редактора издания И.С. Семененко, предоставившей возможность более чем 50 авторам высказаться об идентичности в энциклопедическом ключе. Когнитивная карта, представленная в заключительном седьмом разделе как некий "путеводитель по лабиринтам идентичности" – наглядное подтверждение широты подхода редколлегии издания, так же, как полновесная библиография по идентичности, которая завершает энциклопедию и может претендовать на вполне самостоятельное издание (69 страниц).

Таким образом, структура издания и представленный корпус текстов убедительно доказывают обоснованность новой концепции идентичности в политической науке.

Понятно, что мы не можем обвинять авторов в излишне политически ориентированном прочтении идентичности, потому что это и есть преодоление - как удачно процитировано на страницах издания положение И. Валлерстайна - "ужасного наследства: уверенности в том, что социальная реальность размещается в трех различных и не связанных между собой областях: политической, экономической и социокультурной". Авторам удалось подчеркнуть и, главное, доказать, что идентичность требует междисциплинарного изучения, а большая доля внимания к политическим аспектам идентичности объясняется "нереализованной потребностью в концептуализации человеческого измерения сферы политики" (И.С. Семененко) [3, 13].

Книга выстраивает систему координат для российского исследователя идентичности: для начинающих - это интеллектуальный источник, своего рода путеводитель, а для верных адептов "идентичностной проблематики" оно очерчивает референтное поле для размышлений и сопоставлений.

Как известно, любой глубокий и интересный текст будит мысль читателя, приглашает к дискуссии, дает возможность обосновать свое мнение. Поэтому нам хотелось бы высказать некоторые встречные предложения.

Известно, что существуют, в частности, в рамках современной, постнеклассической науки, новые методологические подходы к исследованию идентичности, которые возникли как ответ на ограниченность классической науки.

Например, синергетика, являющаяся новой междисциплинарной методологией науки, нацелена на изучение закономерностей самоорганизации и спонтанного порождения. Слово «синергетика» (от греч. synergos) означает «совместное действие», «сотрудничество». Впервые употребил это понятие профессор Штуттгартского университета Г. Хакен.

Несмотря на то, что синергетика возникла в рамках естественных наук, она активно применяется и в социально-гуманитарных науках. Стали появляться работы, в которых идентичность рассматривается в синергетической парадигме [1; 6]. Правда, в политической науке синергетический подход не завоевал еще широкой популярности. Дело в том, что политическая реальность, как и социокультурная, в которую включен человек, представляет собой на несколько порядков более сложную систему по сравнению с природными системами [4, 40]. Тем не менее, довольно эффективным является применение синергетического подхода с учетом особенностей сложных социально-политических систем, скажем, к анализу общества и носителей идентичности; к установлению некоторых принципов нелинейного управления в процессе конструирования разных видов идентичности и т.д. Безусловно, мы не абсолютизируем синергетику, она дополняет классические научные методы, а наши рассуждения относительно синергетической методологии суть пожелания авторам в дальнейшем исследовании идентичности.

Представляется, что в определенном смысле энциклопедической точности в книге добиться не удалось: некоторые весьма близкие, подчас одни и те же явления обозначаются разными терминами. Безусловно, у авторов не всегда получается преодолеть то самое "слабое" понимание идентичности с присущими ему нестабильностью, постоянной изменчивостью, гибкостью, о которых говорит Р. Брубейкер в своей работе, часто цитируемой на страницах энциклопедического издания [7]. Авторы имеют на это право, даже противоречащие друг другу мысли могут работать по принципу дополненности, расширяя границы понимания.

В книге имеются моменты, оставляющие впечатление недосказанности по ряду вопросов, тесно связанных с рассматриваемой проблемой. Поэтому основное пожелание авторам – продолжить осмысление проблем идентичности на разных уровнях.

С уверенностью хотим отметить, что данное исследование открывает новые возможности для изучения идентичности, приглашает к освещению новых и развитию выдвинутых положений. Считаю необходимым подчеркнуть, что книга «Идентичность: Личность, общество, политика» своевременна и актуальна; поставленная проблема идентичности и предлагаемые оригинальные решения предоставляют научную платформу для дискуссии. Книга открывает новые исследовательские грани феномена идентичности, позволяет по-новому осмыслить проблему идентичности и возможности ее исследования в условиях меняющейся социально-политической реальности XXI в.

Библиографический список

1. *Астафьева О.Н.* Коллективная идентичность: сопряжение традиции с самоорганизационным потенциалом культуры // Северный Кавказ в фокусе российской идентичности / под общ. ред. А.Ю. Шадже. М.–Майкоп, 2011. С. 29–58. [Astaf'eva O.N. Kollektivnaya identichnost': sopryazhenie traditsii s samoorganizatsionnym potentsialom kul'tury // Severnyy Kavkaz v fokuse rossiyskoy identichnosti. [Collective identity: combining tradition with the self-organizing potential of culture // The North Caucasus in the focus of Russian identity. Ed. by A.Yu. Shadzhe]. Moscow - Maykop, 2011. P. 29–58].
2. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013. С. 485. [Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra. [Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow. Ed. by L.M. Drobizheva]. Moscow, 2013. 485 p.].
3. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2017. 992 с [Identichnost': Lichnost', obschestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia. Ed. by I. S. Semenenko. IMEMO RAS. Moscow: "Ves' mir" Publ., 2017. 992 p.].
4. *Каган М.С.* Синергетическая парадигма – диалектика общего и особенного в методологии познания разных сфер бытия // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. [Kagan M.S. Sinergeticheskaya paradigma – dialektika obshchego i osobennogo v metodologii poznaniya raznykh sfer bytiya // Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoe myshlenie v nauke i iskusstve [The synergetic paradigm as the dialectics of the general and special in the methodology of cognition of different spheres of existence // Synergetic paradigm. Nonlinear thinking in science and art]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2002].
5. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. [Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti [Political identity and identity politics: in 2 vols.]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2012].
6. *Тайсаев Д.М., Шевлоков В.А.* Социальная синергетика – проблема идентичности // Философские науки. Спецвыпуск. М., 2011. [Taysaev D.M., Shevlovkov V.A. Sotsialnaya sinergetika – problema identichnosti // Filosofskie nauki. Spetsvypusk [Social synergetics – the problem of identity // Russian Journal of Philosophical Sciences. Special issue. Moscow, 2011. No. S1. P. 140–144].
7. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond "Identity" // Theory and Society. Vol. 29. No. 1. P. 1–47.

IDENTITY IN A MULTIDISCIPLINARY CONTEXT

A. Yu. Shadzhe

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adyghe State University

E. S. Kukva

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Adyghe State University

The review analyzes the encyclopedic publication *Identity: The Individual, Society, and Politics*, prepared by a large team of authors and devoted to the concept of identity and its use in modern academic and political discourses.

The review notes the relevance, timeliness and importance of studying a complex and multi-level identity in the modern world, when new global challenges contribute to the formation of virtual reality, replacing the natural identification space with artificial. As a result, new identification markers that transform the foundations of mentality and historical memory are formed.

The purpose and objectives of the review are aimed at the comprehension of the academic work studying the complex phenomenon of identity. The critical analysis of the encyclopedia is based on its seven sections and shows that they combine theoretical understanding and methodological provisions of the concept under consideration, based on which the features of each section of the encyclopedia are revealed.

The advantage of the reviewed work is multidisciplinary and multiparadigmatic character of the consideration of socio-political changes taking place in contemporary societies and their impact on the dynamics of identity. Considering the approaches to identity, the authors of the reviewed work focus on different methodological approaches applied in the book. In regard to the further study of identity, the authors deem it appropriate and effective to use the methods of modern, post-non-classical science. For example, the synergetic approach with consideration of the peculiarities of complex socio-political systems is applicable to the analysis of society and identity subjects; to the detection of some principles of nonlinear control in the process of constructing different types of identity, etc.

The paper makes a conclusion about new horizons in the study of identity as a resource of social development, outlined in the collective monograph. The authors conclude that the book provides a system of references for the Russian researcher of identity: for beginners, it is an intellectual source, a kind of guide, and for the faithful adepts of the "identity problem", it outlines the reference field for reflection and comparison.

Keywords: identity; encyclopedia; political discourse; multidisciplinary.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-183-194

ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ: ОБЗОР УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Н. М. Беляева*¹

Статья представляет собой обзор учебной литературы по дисциплине «Политология», читаемой в современных российских вузах. В выборку были включены все 29 национальных исследовательских университетов (НИУ) как наиболее профессиональных и передовых центров развития и интеграции науки и образования. Анализ сайтов данных НИУ показал отсутствие в ряде вузов либо преподавания политологических дисциплин полностью, либо отсутствие на официальных сайтах рабочих программ по курсу «Политология». Соответственно, исследовательская выборка составила 20 национальных исследовательских университетов.

Изучение рабочих программ по политологии проводилось в двух направлениях: рабочие программы для политологов -бакалавров и рабочие программы для студентов непрофильных направлений подготовки, последние, в свою очередь, подразделялись в соответствии с профилем подготовки на гуманитариев и естественников (в том числе студентов технических направлений). Анализ рабочих программ показал разброс по учебной литературе (в вузах применяется порядка 21 учебника по политологии). Основными учебниками для профессиональных политологов являются работы Мельвиля А.Ю. «Категории политической науки», Мухаева Р.Т. «Политология» и Соловьева А.И. «Политология»; для естественников - учебник Пугачева В.П., Соловьева А.И. «Введение в политологию», для гуманитариев - учебники Мельвиля А.Ю., Хейвуда Э., Ачкасова В.А., Белова Г.А. Самым популярным среди студентов непрофильных направлений подготовки оказался претендующий на универсальность учебник Гаджиева К.С. и Примовой Э.Н.

В статье также приводится характеристика содержания основных учебников по курсу «Политология», касаясь освещаемых тем, стиля изложения, сложности языка.

Ключевые слова: политическая наука; преподавание политологии в вузе; национальный исследовательский университет; учебники по политологии.

---

¹ Беляева Наталья Михайловна – кандидат политических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: belnatalya@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-7649-8541. ResearcherID: N-7321-2018).

В 1991 г. в России была создана Российская ассоциация политической науки, что ознаменовало собой начало становления политологии как самостоятельной науки и учебной дисциплины. На рубеже 1980-90-х гг. в вузах начинают формироваться кафедры подготовки профессиональных политологов, создаваться первые государственные стандарты преподавания политической науки, публиковаться первые научные монографии и учебные пособия.

Начало развития политической науки было связано преимущественно с изучением и обобщением опыта мировой политической науки, накопленного в период XIX–XX вв., и применением теоретических концепций и понятий к анализу российской действительности.

На начало 2000-х гг., как отмечает Т.А. Алексеева, в современной России уже действовало свыше 300 кафедр политологии или смежных дисциплин; формально в сообщество входило более 3 тыс. человек, а если считать еще и сотрудников академических институтов, аналитических и исследовательских центров, так называемых политических технологов, то цифра увеличивается в несколько раз [1].

В стране к настоящему времени сложилось несколько научных школ, включая не только Москву и Санкт-Петербург, но и региональные центры (г. Пермь, г. Сургут, г. Краснодар и др.). В состав кафедр и аналитических центров уже вошли молодые специалисты, получившие профессиональную подготовку по политической науке, в том числе за рубежом, и лишённые влияния научного коммунизма или марксистской идеологии.

В настоящее время уже издано множество учебников, особенно по общему курсу политологии для вузов разного профиля, написано много научных монографий, стабильно выходят базовые политологические журналы (Полис, Полития и др.).

Несмотря на продуктивное развитие политической науки в современной России, в настоящее время существует ряд проблем в процессе преподавания политологических дисциплин.

К основным можно отнести проблему профессионального языка политологии, которая обусловлена особенностями развития данной науки. Как отмечает Т.А. Алексеева: «Долгое господство марксистской идеологии, последующий отказ от нее с соответствующей мировоззренческой ломкой привели, с одной стороны, к сохранению множества понятий и терминов, вырванных из их системного контекста, а с другой – к выборочной замене на англицизмы, нередко без малейшей попытки вникнуть в смысл понятия и снять с него политико-культурные наслоения» [1].

Проблема профессионального языка обусловлена характером и специализацией педагогических кадров, первоначально читавших лекции по политологическим дисциплинам. Первое поколение российских политологов формиро-

валось из рядов историков, изучавших политические процессы стран запада, философов, преподававших в советское время научный коммунизм, юристов, что также накладывало отпечаток на становление категориального аппарата формирующейся политической науки, который синтезировал западные понятия и профессиональные термины лектора.

Второй значимой сегодня проблемой является необходимость формирования отдельного (тематического, понятийного) преподавания политической науки для студентов-политологов и студентов непрофильных направлений подготовки.

Курс «Политология» для непрофильных направлений подготовки рассматривается как часть общегуманитарного блока и понимается преподавателем как часть системы политической социализации. Представляется, что без знания основных понятий политической науки (государство, политическая власть, политическая система и режим, политические партии, выборы и избирательные системы) невозможно формирование когнитивного компонента политической культуры населения, его гражданских качеств и возможностей выстраивания диалога с властью.

Подготовка профессиональных политологов требует более глубокого знания и понимания политических процессов, умений применять теоретические инструменты к анализу политической практики, выстраивать взаимосвязи политического развития с социальными и экономическими факторами, что накладывает отпечаток на систему подготовки и транслирования учебных материалов, предъявляя более серьезные требования к преподавательскому составу.

Кроме того, с точки зрения соответствия системы преподавания требованиям политической практики представляется целесообразным готовить специалистов-политологов для работы в определенных профессиональных сферах (политическая журналистика, сфера законотворческого процесса и принятия политических решений, политические предвыборные технологии и построения имиджа политических акторов, партийная деятельность и др.).

Данная проблема накладывает отпечаток на подбор учебной литературы для обеспечения преподавания политологии в вузе. Можно предполагать, исходя из опыта преподавательской деятельности, что учебники для «непрофильников» должны охватывать основные темы курса, не загружая именами и концепциями, а сосредоточиваясь на содержании основных понятий и концепций. Кроме того, сам характер изложения материала в учебнике, язык должны быть понятны широкой студенческой аудитории. К учебникам же для профессиональных политологов, наоборот, предъявляются другие требования: либо детально раскрывать содержание тем политической науки, либо они должны отсутствовать вообще, поскольку изучение политологических дисциплин бакалаврами-политологами предполагает апелляцию к первоисточникам.

Обеспеченность учебной литературой приобретает еще большую актуальность в связи с возможным влиянием личного фактора преподавателя на выбор тем для чтения в рамках курса в соответствии со своими научными интересами, что нередко имеет место в преподавательской практике. Учебник должен предоставлять студентам возможность познакомиться со всеми темами политической науки, независимо от проблематики лекций преподавателя.

Как отмечает А.И. Соловьев: «Общеизвестно, что первостепенное условие преодоления такого рода противоречий – качество учебной литературы, призванной содержательно синтезировать исследовательские направления и традиции, а также соответствующая подготовка преподавательских кадров (в идеале – ориентированная на повышение их способности к компетентному отбору и интерпретации результатов научного анализа)» [1].

По словам В.И. Коваленко: «Большинство учебников, монографической литературы, диссертационных работ выдерживаются сегодня в социокультурном ключе. Дело даже не в нарушении архитектоники политологического знания и образования, а в том, что парадигмы, призванные дополнять друг друга, сформулированы зачастую в конфронтационном плане, с заметным выпячиванием идеологического компонента: они реализуют себя в принципиально несвойственной для научной (тем более учебной) литературы манере. Некоторых авторов увлечение социокультурной стороной политики подвигло на создание работ (в т.ч. учебников), выполненных в стиле эссе, со свойственным этому жанру игнорированием выдержанного категориального аппарата» [1].

«За прошедшее десятилетие (1990-е гг.) было издано около 50 (!) учебников и сотни учебных пособий по политологии. Целое поколение будущих российских специалистов знакомилось с основами политических знаний по учебникам и пособиям В.Пугачева, А.Соловьева, К.Гаджиева, Г.Белова, М.Ильина, Б.Краснова, Р.Мухаева, А.Панарина, Е.Шестопаля и многих других.

Важной характеристикой вышедших в последние годы учебников является пристальное внимание к проблемам как теории, так и прикладной политологии (политическому анализу, выборам, транзитологии, прогнозированию и пр.). Вместе с тем недавние издания, как и подавляющее большинство предыдущих, грешат почти полной оторванностью от сложнейших реалий российской политики. Понятно и то, что они никак не “увязаны” с Интернетом, поэтому, когда речь идет о совершенствовании учебной литературы по политологии, наиболее актуальным представляется взаимодействие с Интернетом и усиление внимания к российским проблемам... подготовка общеобразовательного интернетовского учебника по политологии, который бы учитывал весь накопленный опыт преподавания политологии – в мире и в России....

Назрела необходимость и в создании учебников по политологии для различных гуманитарных, естественно-научных и естественно-технических специальностей – для юристов, экономистов, журналистов, инженеров и т.д.» [1].

Важность учебно-методического сопровождения курса «Политология» возрастает в условиях распространяющегося влияния сети Интернет, где размещено огромное количество материалов по политической проблематике, которые нередко используются студентами при подготовке к семинарским занятиям, написании курсовых и выпускных квалификационных работ, при этом содержательные характеристики данных материалов оставляют желать лучшего и нередко вводят студентов в заблуждение, формируя некорректное представление о политических феноменах, которое на занятиях вынужден исправлять преподаватель.

В рамках данной статьи предпринимается попытка обзора учебной литературы по курсу «Политология», читаемому в национальных исследовательских университетах.

Национальные исследовательские университеты (НИУ) представляют собой новую категорию высших образовательных учреждений России, которая была установлена в отношении 29 ведущих отечественных университетов с целью создания на их основе передовых научно-образовательных центров международного уровня, обеспечивающих потребности национальной экономики в высококвалифицированных кадрах и способствующих развитию российской науки и технологий.

Концепция формирования сети НИУ оформила идею о необходимости повышения конкурентоспособности отечественной высшей школы за счет приоритетной поддержки наиболее сильных университетов, способных стать флагманами науки и образования как на национальной, так и на международной арене. Включаясь в глобальную конкуренцию, Россия вслед за другими странами формирует модель исследовательских университетов, которые сосредоточивают свои усилия на опережающем развитии науки, генерации и внедрении инноваций и подготовке высококвалифицированных специалистов.

Идея интеграции науки и образования особенно актуальна для России, поскольку в советский период академическая наука была в значительной степени оторвана от вузовской, и университеты лишь отчасти участвовали в процессе создания инноваций, сосредоточивая свои главные усилия на подготовке кадров. Начиная с 1990-х гг. связи вузов с реальным сектором экономики еще более ослабли и российские университеты оказались неспособными играть существенную роль в научно-технологическом прогрессе, в отличие от зарубежных исследовательских университетов, которые к тому моменту стали опорными элементами новой экономики, основанной на знаниях.

Эмпирическая основа исследования представлена 29 национальными исследовательскими университетами, которые на сегодняшний день представлены в России. Работа с сайтами университетов по поиску рабочих программ курса «Политология» показала отсутствие таковых в ряде университетов. Так, политическая наука полностью не читается в Санкт-Петербургском национально-исследовательском университете информационных технологий, механики и оптики (читаются только курсы по социологии и философии), в Московском авиационном институте, Томском политехническом университете, Российском государственном медицинском университете федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию, в Учреждении Российской Академии наук Санкт-Петербургском академическом университете - Научно-образовательном центре нанотехнологий РАН.

Кроме того, на сайтах ряда вузов не были размещены рабочие программы по политологии (Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Санкт-Петербургский государственный горный институт им. Г.В. Плеханова, Иркутский государственный технический университет).

Соответственно, в исследовательскую выборку включены 20 национальных исследовательских университетов. Анализ обеспеченности учебной литературой курса «Политология» в отобранных национальных исследовательских университетах проводился отдельно для подготовки профессиональных политологов и студентов непрофильных направлений подготовки.

Профессиональных политологов-бакалавров в настоящее время готовят в НИУ «Высшая школа экономики», Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского, Пермском государственном национальном исследовательском университете, Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского, Томском государственном университете, Южно-Уральском государственном университете.

Для данной группы университетов характерны две стратегии построения учебного обеспечения политологических дисциплин. Первая стратегия носит ограниченное применение (только в Высшей школе экономики) и предполагает отсутствие базовых учебников по курсу, но опору на источники при подготовке политологов (труды М.Вебера, М.Дюверже, Дж. Сартори и др.).

Вторая стратегия предполагает обеспечение курса «Политология» учебной литературой. Как показывает анализ рабочих программ по политологическим дисциплинам в данных вузах, основными учебниками являются работы Мельвиля А. Ю. «Категории политической науки», Мухаева Р.Т. «Политология» и Соловьева А.И. «Политология».

Учебник «Категории политической науки» подготовлен авторским коллективом факультета Политологии МГИМО под руководством проф.

А.Ю. Мельвиля в рамках комплексного научно-образовательного и просветительского проекта, нацеленного на развитие новых форм и содержания политологического образования в России на основе современных педагогических и научно-издательских методов.

В своем содержании учебник ориентирован на мировой опыт и традиции политической науки и политологического образования. Новаторский и оригинальный характер издания состоит прежде всего в многоуровневой структуре материала. Помимо основного текста учебник включает интерпретации, фактологические сведения, цитаты из классической и новейшей литературы, обширный банк научных биографий видных представителей социально-политической мысли, определения ключевых понятий. Причем учебник дает представление не только об основных темах политической науки (политическая власть, государство, политическая система и политических режим и др.), но и транслирует материал по этим темам в эволюционном ключе, включая в рассмотрение современные трактовки понятий, современные идеологии и новые переходные режимы и т.д. Учебник позволяет получить объемное и целостное представление об истории и современном состоянии политической науки, об общепринятых и альтернативных теориях и подходах.

Учебник Мухаева Р.Т. «Политология» содержательно включает вопросы развития политической мысли, рассмотрение понятия, структуры и функций политики, особое внимание уделяет вопросам политической элиты и лидерства, гражданскому обществу, политической социализации и культуры и др. Вопросы методологии и теории политики в учебнике органично дополнены примерами из политической практики различных стран, что делает изложение курса увлекательным, понятным и актуальным для каждого человека. Сравнительный анализ, используемый для описания современных политических практик развитых стран Запада и России, позволяет понять специфику функционирования политических систем, институтов, форм политической коммуникации в разных социокультурных средах, выявить новейшие тенденции в развитии мирового политического порядка XXI в.

Учебник Соловьева А.И. «Политология» написан более сложным, в некотором смысле даже философским языком, поэтому требует специальной подготовки по гуманитарным дисциплинам. В данном издании освещаются важнейшие проблемы политической науки, традиционно включаемые в фундаментальные курсы зарубежных и отечественных университетов. Кроме того, особое внимание в учебнике уделяется основным технологиям, используемым при проведении выборов, организации информационных кампаний и обеспечении других задач в реальном политическом процессе.

Анализ рабочих программ курса «Политология», читаемого для студентов непрофильных направлений подготовки, продемонстрировал широкий раз-

брос учебных пособий. В настоящее время для обучения используют 21 учебник (Мельвиль А.Ю., Хейвуд Э., Пугачев В.П. и Соловьев А.И., Гаджиев К.С. и Примова Э.Н., Белов Г.А., Панарин А.С., Соловьев А.И., Желтов В.В., Чуланов Ю.Г., Мухаев Р.Т., Василик М.А., Гончаров Д.В. и Гоптарева И.Б., Борисов Л.П., Дегтярев А.А., Лавриненко В.Н., Мангейм Д.Б. и Рич Р.К., Ачкасов В. А. и Гурторов В. А., Воробьев К.А., Кравченко А.И., Перевалов В. Д., Василенко И. А.).

Кроме того, в ряде университетов выпускаются собственные учебники: в Казанском государственном технологическом университете – учебник Г. Воржецова, Е.В. Храмовой; в Нижегородском государственном университете – учебник Н.О. Автаевой, О.Н. Савиновой; в Пермском государственном техническом университете – учебник В.Н. Стегния, И.И. Целищева; в Московском государственном строительном университете – учебник И.П. Прядко; в Саратовском государственном университете – учебник А.А. Вилкова.

В Новосибирском государственном университете читается курс «Социология политики», который базируется на учебниках Голосова Г.В. «Сравнительная политология», Кола Д. «Политическая социология», Масловский М.В. «Социология политики».

При анализе обеспеченности учебной литературой курса «Политология» для студентов непрофильных направлений подготовки была выявлена взаимосвязь профиля подготовки студентов и рекомендуемого автора. Так, самыми популярными учебниками для студентов гуманитарных направлений стали труды Мельвиля А.Ю., Хейвуда Э., Ачкасова В.А., Белова Г.А. Для студентов технического и естественно-научного профилей – учебник Пугачева В.П. и Соловьева А.И. (в Московском физико-техническом институте, Московском институте стали и сплавов, Московском энергетическом институте, Российском государственном университете нефти и газа им. И.М. Губкина, Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского).

Как отмечают Пугачев В.П. и Соловьев А.И. в вводной части своего учебника «Введение в политологию», «цель настоящего учебника – ознакомить студентов и всех интересующихся политической проблематикой с основами современной политической науки и демократической культуры. Учебник ориентирован на реальные потребности России и других постсоциалистических стран

в политическом просвещении граждан. Авторы стремились ознакомить читателя с основами современной политической теории и в то же время сконцентрировать внимание на наиболее актуальных для российских условий проблемах: демократизация и модернизация общества, правовое социальное государство, выборы, гуманистические, ненасильственные начала в политике, цивилизованное участие в ней граждан и т.д.» [20]. Учебник написан доступным для восприятия языком, охватывает основные темы политической науки, что обуслов-

ливают его востребованность и актуальность среди студентов непрофильных направлений подготовки.

Обзор учебной литературы показал, что наиболее популярным учебником, рекомендуемым как для гуманитариев, так и для естественников, является учебник Гаджиева К.С., Примовой Э.Н. «Политология». По данному учебнику занимаются в 7 из 20 национальных исследовательских университетов (в Московском физико-техническом институте, Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского, Пермском государственном национальном исследовательском университете, Пермском государственном техническом университете, Московском инженерно-физическом институте, Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева, Московском государственном институте электронной техники).

Содержательно учебник Гаджиева К.С., Примовой Э.Н. «Политология» посвящен рассмотрению политической науки как самостоятельной научной и образовательной дисциплины, ее места среди других социальных и гуманитарных наук, предмета и круга изучаемых ею проблем. Главное внимание концентрируется на сущностных характеристиках и таких ключевых составляющих мира политического, как власть, государство, их системные и структурные особенности, социальные и экономические основы, трансформации в условиях глобализации. Значительное место уделено системе государственного управления, проблемам чиновничества, бюрократии и политической элиты, основным направлениям государственной политики. Рассматривается политическая система и ее институты, политические режимы, их территориально-политическая организация, политическая культура, политическая философия и идеология и т.д. Таким образом, в учебнике дается представление об основных темах политической науки, изучение которых обязательно для освоения политологического минимума и политической социализации.

Данное состояние учебной литературы по курсу «Политология» является отражением противоречивости политического процесса в современной России, особенностей формирования политической науки, сохраняющимся запросом на интернетовский учебник, который сформировался еще в начале 2000-х гг.

Проведенный обзор учебной литературы по курсу «Политология» выявил, с одной стороны, вариативность рекомендуемых студентам учебников, а с другой – некоторые закономерности между профилем подготовки студентов и выбором автора учебника (притом, что специализированных учебников для естественников и гуманитариев так и не написано).

Данная вариативность свидетельствует как об относительной свободе преподавателя, читающего курс политологии в вузе, выбор учебников во многом определяется личными предпочтениями последнего, поскольку Министерство образования РФ не устанавливает ограниченный перечень учебной литера-

туры, что делается в отношении школьных учебников. Кроме того, вариативность учебной литературы обусловлена продолжающейся работой по созданию национальными исследовательскими университетами как интегрированными центрами науки и образования универсального учебника, который не только бы включал в рассмотрение основные теоретические аспекты политической науки, но и затрагивал бы исследования политической действительности современной России, формировал бы навыки политологического анализа и применения теоретических концепций к анализу политических систем и процессов в современном мире, посредством включения в содержание практических заданий, схем, вопросов для закрепления пройденного материала, что в целом бы способствовало формированию не только политических представлений у студентов, но и их политического сознания и культуры в целом.

Библиографический список

1. Алексеева Т. А., Соловьев А. И., Коваленко В. И., Ирхин Ю. В., Капустин Б. Г., Комаровский В. С., Кализе М., Хонг-Мьонг Дискуссия «Современные проблемы преподавания политической науки в высшей школе» (Материалы международной конференции) // Полис. 2001. №5. С. 123–153. [Alekseeva T. A., Solov'ev A. I., Kovalenko V. I., Irkhin Yu. V., Kapustin B. G., Komarovskiy V. S., Calise M., Hong-Myong Kim. Diskussiya "Sovremennye problemy prepodavaniya politicheskoy nauki v vysshey shkole" (Materialy mezhdunarodnoy konferentsii) [Discussion. Contemporary problems of teaching political science at higher school (Materials of an international conference) // Polis. Political Studies. 2001. No. 5. P. 123–153].
2. Ачкасов В. А., Гуторов В. А. Политология. М., 2010. 692 с. [Achkasov V. A., Gutorov V. A. Politologiya [Political science. Moscow, 2010. 692 p.].
3. Белов Г. А. Политология. М., 1994. [Belov G. A. Politologiya [Political science. Moscow, 1994].
4. Борисов Л. П. Политология. М., 1996. [Borisov L. P. Politologiya [Political science. Moscow, 1996].
5. Василенко И. А. Политология. М., 2011. [Vasilenko I. A. Politologiya [Political science. Moscow, 2011].
6. Василик М. А. Политология. М., 2006. 588 с. [Vasilik M. A. Politologiya [Political science. Moscow, 2006. 588 p.].
7. Воробьев К. А. Политология. М., 2005. [Vorob'ev K. A. Politologiya [Political science. Moscow, 2005].
8. Гаджиев К. С., Примова Э. Н. Политология. М., 2014. 384 с. [Gadzhiev K. S., Primova E. N. Politologiya [Political science. Moscow, 2014. 384 p.].

9. Гончаров Д. В., Гонтарева И. Б. Введение в политическую науку. М., 1996. [Goncharov D. V., Goptareva I. B. Vvedenie v politicheskuyu nauku [Introduction to Political Science. Moscow, 1996].
10. Дегтярев А. А. Основы политической теории. М., 1998. [Degtyarev A. A. Osnovu politicheskoy teorii [Foundations of Political Theory. Moscow, 1998].
11. Желтов В. В. Политология. Ростов-н /Д., 2004. [Zheltoy V. V. Politologiya [Political science. Rostov-on-Don, 2004].
12. Кравченко А. И. Политология. М., 2001. [Kravchenko A. I. Politologiya [Political science. Moscow, 2001].
13. Мангейм Д. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования. М., 1997. [Manheim J. B., Rich R. C. Politologiya. Metody issledovaniya [Political science. Methods of research. Moscow, 1997].
14. Мельвиль А. Ю. Категории политической науки. М., 2002. [Melville A. Yu. Kategorii politicheskoy nauki [Categories of political science. Moscow, 2002].
15. Мельвиль А. Ю. (ред.) Политология. М., 2008. 618 с. [Melville A. Yu. (ed.) Politologiya [Political science. Moscow, 2008. 618 p.].
16. Мухаев Р. Т. Политология. М., 2006. [Mukhaev R. T. Politologiya [Political science. Moscow, 2006].
17. Панарин А. С. Политология. М., 1997. [Panarin A. S. Politologiya [Political science. Moscow, 1997].
18. Политология: учебник для вузов / под ред. В. Д. Перевалов. М., 2009. [Politologiya: uchebnik dlya vuzov [Political science: textbook for universities. Ed. by V. D. Perevalov. Moscow, 2009].
19. Политология: учебник для вузов / под ред. В. Н. Лавриненко. М., 2007. [Politologiya: uchebnik dlya vuzov [Political science: textbook for universities. Ed. by V. N. Lavrinenko. Moscow, 2007].
20. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М., 2003. [Pugachev V. P., Solov'ev A. I. Vvedenie v politologiyu [Introduction to Political science. Moscow, 2003].
21. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория. Политические технологии. М., 2001. 559 с. [Solov'ev A. I. Politologiya: Politicheskaya teoriya. Politicheskie tekhnologii [Political Science: Political Theory. Political technologies. Moscow, 2001. 559 p.].
22. Хейвуд Э. Политология: учебник для вузов / пер. с англ. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Бельского. М., 2005. [Heywood A. Politologiya: uchebnik dlya vuzov [Political science: textbook for universities. Transl. from Eng. by G. G. Vodolazov, V. Yu. Bel'sky. Moscow, 2005].
23. Чуланов Ю. Г. Политология. СПб., 2008. [Chulanov Yu. G. Politologiya [Political science. St. Petersburg, 2008].

**TEACHING POLITICAL SCIENCE IN RUSSIAN UNIVERSITIES: REVIEW
OF EDUCATIONAL LITERATURE**

N. M. Belyaeva

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Perm State University

The article reviews educational literature on the discipline "Political Science" in Russian universities. The initial sample included all the 29 national research universities (NRU) as the most powerful and advanced centers for the development and integration of science and education. The analysis of the NRU's websites showed that in some universities political science disciplines are not taught at all or course syllabuses are not available on the websites. Accordingly, the research sample consisted of 20 national research universities. The study of syllabuses on political science was organized in two directions: the author analyzed the syllabuses for bachelor's students in political science and those for students of other areas of study. The latter, in turn, were divided into the groups for the humanities students and natural science students (including technical students). The analysis of the syllabuses showed that there is no uniformity in the educational literature (about 21 textbooks on political science are applied in universities).

The main textbooks for political science students are works of Melville, Mukhaev and Soloviev; for students of natural sciences – a textbook by Pugachev and Soloviev, and for the humanities students – works of Melville, Haywood, Achkasov, and Belov. The textbook most popular with the students of non-major areas of study is the one by Gadzhiev and Primov.

The article also describes the content of the main textbooks on the course "Political Science", regarding the topics covered, the style of presentation, and the complexity of the language.

Keywords: political science; teaching political science at university; national research university; textbooks on political science.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы/ учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе(ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации 150-250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10 слов.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм, должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003:99-100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88-89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т.п.) следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998) (ФЗ

№23-45, 2000) (Было

слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список/References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korrelyatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

В: Панов, П.В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P.V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [*Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv*]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

---

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

Глава в книге, монографии:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55-78.

Минаева, Э.Ю., Панов, П.В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П.В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110-137. [Minaeva, E.Yu., Panov, P.V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e`tnicheskix regional`nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) ' *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights*' [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskije regional`nye avtonomii, celostnost` gosudarstva i prava etnicheskix men`shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110-137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва, Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol`shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга on-line):

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [on-line]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У.Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. Доступно: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Дата обращения: 12 августа 2018). [Bowen, W.G. (2018) 'Higher Education in the Digital Age' [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu] Moskva: Izdatel`skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12th August 2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), p135-150, DOI:10.1080/14790718.2010.550296

Mitchell, J.A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н.Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, p24- 41. [Germanova, N.N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennyye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, p24-41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить его, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.)*. Дисс. докт. ист. наук. Москва. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Republika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:

<https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research. The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his/her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150-200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003:99-100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88-89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(ИВАНОВ, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55-78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey*. *E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), p135-150, DOI:10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

**For instructions that are more detailed please see:
<https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Вестник Пермского университета.
Политология
2018. № 3

Review of Political Science
2018. № 3

Научное издание

Редактор *Л. Л. Савенкова* Корректор *Л. Л. Соболева* Компьютерная
верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать 24.09.2018.
Выход в свет 27.09. 2018.
Формат 60x84/16. Усл. печ. 11,86.
Тираж 500 экз. Заказ 197

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Пермский
государственный национальный
исследовательский университет (Историко-
политологический факультет)

Издательский центр ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41006